Йозеф ОЛЛЕРБЕРГ

Я – снайпер Рейха

На его счету 257 жизней советских солдат

Я – снайпер Рейха

Йозеф ОЛЛЕРБЕРГ

На его счету 257 жизней советских солдат

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На боевом счету автора этой книги 257 жизней советских солдат. Это — мемуары одного из лучших Scharfschutze (снайперов) Вермахта. Это — циничные откровения безжалостного профессионала об ужасающей жестокости войны на Восточном фронте, в которой не было места ни рыцарству, ни состраданию.

В июле 1943 года молодой пулеметчик Йозеф Оллерберг был ранен под Ворошиловском. В госпитале он решил поэкспериментировать с русской снайперской винтовкой, которая случайно попала ему в руки. Через несколько месяцев он вернулся в свой полк подготовленным стрелком и навсегда поменял воинскую специальность. В дни, когда гитлеровцам приходилось непрерывно отступать под ударами Красной Армии, Оллерберг стал одним из самых успешных немецких снайперов. Хитрый и безжалостный, обладавший нечеловеческой выдержкой и животной способностью ориентироваться на поле боя, он уцелел в самых страшных боях Восточного фронта, но заплатил за выживание чудовищную цену, превратившись в законченного убийцу.

- Я - снайпер Рейха. На его счету 257 жизней советских солдат
  - Пролог
  - Глава первая. ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ
  - Глава вторая. «ПОПЫТАЙ СВОЕ СЧАСТЬЕ, СТАВ СНАЙПЕРОМ»
  - Глава третья. НЕОБХОДИМАЯ ДОЛЯ УДАЧИ
  - Глава четвертая. ОСОБЫЙ ДАР САМОКОНТРОЛЯ
  - Глава пятая. НЕ ПОБРИВШИСЬ, НЕЛЬЗЯ СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА СМЕРТИ
  - Глава шестая. ГОСПОДИН ПРОФЕССОР И ЕГО КАРБОЛОВАЯ МЫШЬ
  - Глава седьмая. ЕЩЕ ОДНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАПЛАНИРОВАННАЯ КАТАСТРОФА
  - Глава восьмая. ПОЧЕРК СНАЙПЕРА
  - Глава девятая. КРАЙНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ
  - Глава десятая. ХУЖЕ ГОЛОДНЫХ ЛИС
  - Глава одиннадцатая. «СНАЙПЕР ОШИБАЕТСЯ ТОЛЬКО РАЗ»
  - Глава двенадцатая. «С РУМЫНАМИ ЧТО-ТО

ПРОИСХОДИТ»
- Глава тринадцатая. ОБЕЗЛИЧЕННАЯ СТАТИСТИКА
- Глава четырнадцатая. ЧАС СНАЙПЕРА
- Глава пятнадцатая. ГЕРОЙ ДНЯ
- Глава шестнадцатая. ГИБЕЛЬ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

Я - снайпер Рейха. На его счету 257 жизней советских солдат
Йозеф Оллерберг

Пролог

С сокрушительного поражения гитлеровских войск в Сталинграде началось их двухлетнее отступление, которое вовлекло солдат обеих враждующих сторон в нечеловечески напряженное противоборство. За эти два года Восточный фронт приобрел символичное значение для каждого немецкого солдата и стал сценой бессчетных человеческих трагедий.

Об этой войне написано огромное количество трудов — репортажей, исследований, воспоминаний. Но вряд ли возможно найти подходящие слова, чтобы во всей полноте «описать неописуемое», раскрыть каждодневную борьбу за выживание, весь ужас и страх, пережитый людьми с обеих сторон. Пожалуй, есть только один способ передать это хотя бы отчасти — сконцентрироваться на судьбе конкретного человека. Однако и здесь сложно четко разграничить дистанцированные, объективные размышления военного историка и симпатизирующий взгляд биографа, увлеченного человеческой сущностью своего героя.

В центре этой книги стоит снайпер — представитель той категории солдат, которая вызывает смесь восторга и отвращения. В историографии войны зачастую забывается и замалчивается, что именно выдающиеся подвиги и героизм снайперов спасали жизни многим из их товарищей. В восприятии большинства на первый план выходит то, с каким ужасающим хладнокровием эти бойцы убивали своих жертв. Среди других солдат редко встретишь тех, кто после войны был бы обречен жить с осознанием, что на его совести так много человеческих жизней. Причем жизней не обезличенных, а конкретных людей, на которых они смотрели в оптический прицел, прежде чем нажать на спусковой крючок. Почти все снайперы молча носят это осознание в себе до конца своей жизни. Эти люди не из тех, кто будет распространяться о пережитом.

Только пятьдесят лет спустя один из лучших немецких снайперов решился нарушить молчание и в длинных беседах с биографом рассказать ему свою историю войны. Читая эти исключительные страницы об армейской службе немецкого снайпера, мы можем на некотором отдалении увидеть настоящее лицо войны или, по крайней мере, то, какой она выглядела глазами солдата пехоты, сражавшегося на фронте.

Неизбежно, что по прошествии столь долгих лет, многие из воспоминаний потеряли былую отчетливость, и только самые драматические эпизоды сохранились в памяти с былой яркостью.

Биографу пришлось собирать по частям эти обрывки информации, чтобы составить из них связный и читаемый рассказ. Естественно, что в ходе такой работы особенно важным было заполнить все белые пятна, для чего биографу пришлось выступить также в качестве исследователя -историка.

Еще одну из проблем, возникшую у биографа в ходе работы, можно прекрасно выразить немецкой поговоркой: «Победитель прав всегда, проигравший — никогда». В то время как выдающиеся мастера меткой стрельбы русских и их союзников чествуются, как герои, немецкие снайперы даже в их собственной стране оцениваются, как грязные убийцы. По этой причине главного героя данного исследования нужно было защитить, изменив его имя. Также и многие другие имена на страницах этой книги вымышлены. Но все события, изложенные здесь, подлинные.

Йозеф Оллерберг до войны был плотником из небольшой деревушки около Зальцбурга. В первые дни июля 1943 года он оказался вовлеченным в нарастающий вихрь событий на Восточном фронте. Соответственно, до окончания войны в мае 1945 года его жизнь стала вертеться вокруг его товарищей из 2-го батальона 144-го горнострелкового полка 3-й горнострелковой дивизии. Солдаты этого подразделения преимущественно были набраны в альпийском регионе. Подобная этническая общность, без сомнения, стала одной из главных причин их высокого боевого духа, примеры которого можно будет не раз увидеть в ходе дальнейшего повествования.

Суровая зима сжимала солдат Восточного фронта своими ледяными руками. Холод ощущался физически. Десятки тысяч солдат из 6-й немецкой армии в Сталинграде были принесены в жертву без надежды на спасение. Это произошло по причинам, которые и сегодня выглядят сомнительными. Поражение немцев в Сталинграде стало мощным поворотным моментом в судьбе Вермахта, который до этого достигал очень значительных успехов. Наступление, которое привело гитлеровскую армию к такой катастрофе, осуществлялось энергично, но без достаточного планирования. В результате противоборство переросло для немцев в оборонительную войну, которая закончилась в Берлине с красным флагом Советской армии, реющим над крышей Рейхстага. Этот флаг стал предвестником грядущего пятидесятилетнего разделения нации. Германия перенесла свой Судный день среди руин ее городов и культурных достижений.

3-я горнострелковая дивизия, которая находится в центре данной работы, сражалась на юге Сталинграда зимой 1942/43

годов. С уничтожением 6-й армии она оказалась беспомощной при дальнейшем зимнем наступлении русских. Противостоя численно превосходящему противнику, с величайшими усилиями и неся неописуемые потери в людях и технике, эта дивизия смогла вырваться из окружения. Лишь благодаря этому ее бойцы избежали судьбы, постигшей их товарищей в Сталинграде. После свирепых боев в районе Миллерово и прорыва на соединение с новой немецкой линией обороны в Ворошиловске, 144-й горнострелковый полк сократился до четверти от своей регулярной боевой численности.

Около Ворошиловска полк закрепился. В последующие шесть месяцев в него поступала новая материальная часть, а численность бойцов была восстановлена за счет новобранцев. Если сравнивать с битвами, через которые 144-й полк прошел зимой, то здесь он имел дело не более чем с мелкими перестрелками и беспокоящим огнем противника. Кроме этого, лишь иногда случались столкновения между боевыми патрулями и позиции полка изредка подвергались артобстрелам. Но зато постоянной была угроза со стороны русских снайперов, чьими жертвами в основном становились только что прибывшие в полк неопытные новобранцы. Из-за недостатка в тяжелых пехотных орудиях немцы оказались в немалой степени беспомощными перед лицом этого феномена. Лишь в крайне редких случаях им удавалось засечь позицию русского снайпера и выстрелить по нему из средних пехотных орудий, таких как минометы, пулеметы и легкие противотанковые пушки.

Было очевидно, что полку требуются собственные снайперы.

Глава первая. ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

Солнечное летнее утро на Восточном фронте только начинается. В сыром рассветном воздухе ощущается пряный запах земли и травы. Но снайпер не обращает внимания на природу вокруг, он не может себе позволить сейчас отвлечься на это. Все его чувства напряжены. Он напоминает хищника, выслеживающего жертву. Глядя в бинокль, он снова просматривает подступы к русской линии фронта. Где-то там находится хорошо замаскированная позиция его врага, русского снайпера, который за последние несколько дней убил девять его товарищей. Этот русский должен быть профессионалом, потому что я уже два дня безрезультатно ищу его позицию. Но когда пуля этого снайпера на рассвете поразила девятого стрелка, меня охватила уверенность, что я смог определить примерное направление, откуда был сделан выстрел.

Вот, наконец, и признак, который выдает врага. Внизу у края кустарника пучки травы расположены как-то неестественно. Мой пристальный взгляд сконцентрировался на этой точке. Да, именно здесь он и укрылся. Я почувствовал прилив адреналина, когда распознал неясные черты оптического прицела и винтовочный ствол, на дульном срезе которого вдруг мелькнула вспышка. Оглушенный грохотом выстрела, я смог увидеть пулю, летящую в меня. Я лежал, словно парализованный, и не мог спастись. С глухим ударом пуля вошла мне прямо в середину лба, и моя голова и мысли разорвались во вспышке света.

В этот самый момент я прихожу в себя, вырываясь из глубокого сна. Мое сердце бешено колотится. У меня такое чувство, что я только что вернулся из сурового 1944-го в сегодняшний день. Медленно я заставляю себя собраться, но даже и не думаю о том, чтобы поспать еще хоть немного. Через открытое окно спальни до меня доносятся приглушенные звуки ночи и воздух, такой приятный и свежий, каким он может быть только в начале лета. Я встаю, подхожу к окну и глубоко втягиваю ночной воздух в сжавшуюся грудную клетку.

Сделав несколько вдохов и выдохов, я задерживаюсь взглядом на силуэте зальцбургских Альп, над которыми висит тревожно красивая луна. Такая же ясная, как луна, висевшая над русской степью в конце лета, когда крохотный поезд с пополнением, боеприпасами и провиантом для фронта с грохотом несся через бескрайнее пространство. Я вспомнил, как сидел у открытой двери вагона и был полон напряженного нетерпения перед приближающейся солдатской жизнью. «Мы были несчастными

безрассудными желторотыми птенцами», — сказал я себе, и прошлое само ворвалось в мои мысли. Как и много раз до этого за все прошедшие годы, эпизоды из моей военной жизни сами возникали перед глазами. Некоторые из событий, происшедших пятьдесят лет назад, вставали в памяти столь отчетливо, словно они случились вчера.

Родившись в семье плотника в сентябре 1924 года, я вырос в деревне федеральной земли Зальцбург. Я провел беззаботную юность, воспитываясь на консервативных ценностях — таких как патриотизм, исполнительность, верность долгу и покорность властям. Именно то, что эти убеждения были столь глубоко в меня заложены, позволило мне принять свою дальнейшую судьбу с таким фатализмом. Я собирался во всем пойти по стопам отца и изучал ремесло плотника, чтобы в один прекрасный день самому стать во главе семейного бизнеса. Грядущую военную службу я воспринимал одновременно и как обязанность, и как честь, поскольку солдаты пользовались значительным уважением в обществе. Воинская служба рассматривалась молодыми людьми как увлекательное средство обрести жизненный опыт, дающий им новые основания для самоуважения и чувство достигнутой зрелости. Я был продуктом социальных и политических условий своего времени. Мое детство прошло под влиянием и контролем строгой идеологической политики Третьего рейха, которая культивировала чувство национального самосознания, консервативные идеалы и готовность к военной службе — особенно среди молодых людей, — преследуя свои политические цели. И это было естественным для молодого человека моего возраста пойти добровольцем в войска Вермахта, чтобы поддержать устремления своего правительства силой оружия.

Спустя почти три года войны, когда Вермахт шел маршем от одной победной кампании к следующей, многие молодые люди буквально боялись упустить свой шанс принять участие в боях, поскольку, согласно пропаганде того времени, последняя победа была уже на видимом отдалении. Для деревенских юношей, ничего не знавших о суровых и безжалостных реалиях войны, осенний день 1942 года, когда они заявили о своем порыве пойти на военную службу, был предметом особой гордости. Мэр произнес короткую речь о службе земле отцов и о героической борьбе против большевизма. Оркестр пожарной бригады весело играл им, и несколько красавиц из Союза немецких девушек прикрепили маленькие букеты на лацканы будущих героев. Мысль о возможности оказаться убитым или стать инвалидом не приходила в голову ни одному из них, но шесть из молодых людей, гордо позировавших для группового портрета, погибли за

два последующих года. Впрочем, до этого было еще далеко. Через несколько месяцев они прибыли на службу, полные самых радужных надежд.

После окончания учебы, в январе 1943-го я, восемнадцатилетний, как почти все молодые люди из моего региона, был призван на военную службу в горнострелковые войска, базировавшиеся в округе Куфштайн в Тироле. Получив снаряжение, я и мои товарищи через десять дней были переброшены в Миттенвальд для прохождения базовой пехотной подготовки. Через шесть месяцев изнурительных тренировок я стал пулеметчиком. За все время моей подготовки тема снайперов, как тактический аспект пехотных боев, не упоминалась вовсе. Мне довелось услышать лишь несколько уничижительных замечаний о русских снайперах и женщинах с «дробовиками», которых пулеметчики должны уничтожать решительно и безжалостно.

Подготовка была тяжелой, но проходила без суеты, какая бывает в армии в мирное время или на ранних этапах войны. Наоборот, все было сконцентрировано на подготовке молодых людей — хотя бы физической — к трудностям, с которыми они столкнутся на поле боя, и к обучению их доскональному знанию своего оружия. В частности, инструкторы, имевшие фронтовой опыт, пытались передать умения, приобретенные ими в боях. Они знали о драматически высоких потерях среди посылаемых на фронт в качестве пополнения новобранцев, которых сразу же ошеломляла ужасная реальность войны. Неожиданно открывавшаяся перед новичками безжалостная жестокость боя вызывала у многих из них неконтролируемую панику и желание убежать. Однако хотя такое поведение и могло спасти их в былые времена, в век сложных орудий войны, убивающих со значительного расстояния, подобное приводило к гибели.

Тщательные тренировки позволяли подготовить каждого к моменту встречи с врагом, но они мало помогали контролировать естественный инстинкт убегать от опасности. В последние минуты перед боем, еще до его начала, каждый должен решить для себя, сможет ли он спокойно взглянуть в лицо войны или нет. Именно тогда становится ясно, кто настоящий воин, для которого сражение — вторая натура, а поле боя — дом, где приходится вечно стоять перед выбором — убить или быть убитым. Только из такой кузницы военной реальности выходят снайперы — солдаты, которые знают, как сохранить мозг ясным, кто способен действовать на передовой в огне сражения и кто знает, как с максимальным эффектом владеть своим оружием — винтовкой с оптическим прицелом. Только такие солдаты удостаиваются

имени «снайпер».

Я и мои товарищи получили назначение в 144-й горнострелковый полк, который тогда находился еще в южной части Восточного фронта около Ворошиловска. Мы оказались среди одного из последних пополнений, направляемых в этот полк для восстановления его полной численности. Но перед отправкой на фронт мы получили трехдневные отпуска. Правда, эти три дня прошли так быстро, что мы и глазом не успели моргнуть. Для многих из нас это стало последней возможностью в наших молодых жизнях повидать свои семьи и сказать: «Прощай».

Во время этой короткой встречи с родными будущее казалось неясным. Моя мать гладила меня по голове при каждой возможности и всячески старалась проявить заботу обо мне. Мой отец, солдат Первой мировой войны, прятал свое беспокойство за молчанием и упорной работой. Но вот наступил неизбежный день расставания. Когда я вошел в автобус, который должен был отвезти меня обратно в бараки Миттенвальда, моя мать была вся в слезах. Отец обнял меня, прощаясь, хотя не делал этого никогда раньше, и, с трудом сохраняя хладнокровие, шепнул на ухо: «Позаботься о себе, мальчик. Я больше всего желаю, чтобы ты вернулся невредимым. Но это в руках божьих». Когда автобус тронулся, я лишь один раз махнул родителям рукой и неожиданно отвернулся с застывшим выражением лица. Иначе я потерял бы самообладание, которое и без того сохранял с большим трудом.

Немцы с тревогой наблюдали, что в районе 3-й горнострелковой дивизии Красная Армия, усиленная прибывшими поставками нового американского оружия, приготовилась к крупному наступлению на Донецкий бассейн и Украину. Следовательно, каждого человека, увеличивавшего боевую численность немецких частей, в них встречали радушно. Я и мои спутники провели много дней в дороге по бесконечной русской степи в застеленных соломой вагонах для скота до того, как достигли места назначения — Донецкого бассейна. Наше прибытие в Ворошиловск совпало с началом атаки русских. Не дав нам ни малейшего шанса адаптироваться к фронтовой жизни, на следующий день после прибытия нас бросили в бой за Редькино ущелье, который оказался невероятно тяжелым и принес значительные потери. В сравнении со средним пехотинцем мне выпала по-настоящему тяжкая доля, поскольку 3-й горнострелковой дивизии до самого конца войны приходилось действовать в неестественных для подобного рода войск условиях в южном секторе Восточного фронта, всегда находясь в гуще боев. Потери в ее частях были практически невероятными.

Пропорционально они были значительно выше потерь во всей остальной армии.

Донецкий бассейн с его огромными запасами угля представлял собой важный регион добычи сырья, а потому был крайне важен для обеих противоборствующих сторон. Угольные шахты с гигантской системой тоннелей не были полностью очищены от войск противника наступающими немцами. За спиной у войск Вермахта оставались целые русские части, спрятавшиеся в тоннелях, которые потом нападали на ничего не подозревавших немецких пехотинцев. В результате происходили кровопролитные ближние бои, которые могли продолжаться даже в тоннелях.

Советские войска успели энергичной атакой прорваться через немецкие линии обороны до того, как я достиг фронта. Теперь они стремились расширить занятый плацдарм. Командир 3-й горнострелковой дивизии оценивал ситуацию, как очень шаткую, а потому нанес контрудар без дальнейшей подготовки и перегруппировки своих сил. Это привело к успеху, но победа была куплена ценой огромных потерь среди пехотинцев.

Я и другие проходившие подготовку вместе со мной стрелки прибыли к месту назначения на рассвете 18 июля 1943 года. К расположению части мы подходили безмолвно. Мы были задумчивы, на наших лицах были написаны тревога и нервозность. У каждого, кто встречался нам на пути, был свой способ совладать со страхом, найденный ранее. Опытные бойцы с мрачным выражением лица жевали корки хлеба, или курили, или просто заставляли себя собраться так, что на их лицах не отражалось ни одной эмоции. Но новобранцам оказалось гораздо труднее побороть свою нервозность. Мы были напряжены и беспокойны. Многих из нас без конца тошнило. Не зная по опыту о том, что должно произойти дальше, я воспринимал странные сцены происходящего, отчетливо ощущая страх. Я не мог даже есть, мой желудок восставал против любой пищи, а тело потрясывалось, как желе. Я не мог сдвинуться с места. Но в этой критической ситуации мне повезло. Командир моего отделения был очень опытным и закаленным в боях человеком, но при этом он со вниманием и сочувствием относился к новичкам, попавшим в его часть. Он увидел, насколько я испуган, и сказал мне, стараясь ободрить:

— Дыши глубже, парень. Думай только о своем пулемете и стреляй, как тебя учили. Будь внимателен ко мне и моим приказам. Я забочусь о своих ребятах, и если тебе придется действительно туго, я буду с тобой. До сих пор я вытаскивал свою часть из любой передряги. Мы не бросим никого из своих.

Сочетание еще сохранявшейся во мне юношеской наивности и доверия, которое сразу вызвал у меня командир нашей группы, позволило мне найти в себе силы, чтобы преодолеть тревогу, собраться. Это и помогло мне выстоять среди событий, сопровождавших мое боевое крещение.

Было почти 5.00, когда горные стрелки начали контратаку. Она началась с огня немецкой артиллерии, размещавшейся позади позиций, занимаемых мной и другими солдатами. Стрелкам было отлично видно, как на местности перед ними с глухим, тяжелым звуком от земли отрывались огромные комья, взмывая фонтанами в чистое утреннее небо. Мне было неприятно слышать эти абсолютно новые для меня звуки, смешивающиеся с бесконечным грохотом выстрелов и воем шрапнели. Я и другие стрелки припали к земле на своих позициях и с замиранием сердца ждали приказа идти в атаку.

Артподготовка продолжалась около двадцати минут. Когда орудия затихли, я неожиданно уловил странный звук. Это по-звериному орали раненые русские. Приказ к атаке раздался, когда ужас все сильнее стал нарастать внутри меня. Все напряжение и нервозность неожиданно трансформировались в одно сплошное движение вокруг. Вихрь боя, начавшегося так кроваво, начал затягивать в свою воронку и немецких пехотинцев. Внезапно на наших позициях стали взрываться русские гранаты. Как только я вскочил, сразу услышал жужжащий звук, за которым последовал разрыв. Справа от меня товарищ, молодой парень-ровесник из Берхтесгардена, изучающе смотрел на свою разорванную форменную куртку, через дыру в которой с каждой секундой все сильнее и сильнее вываливались его кишки. После нескольких секунд шока этот парень начал истошно орать, пытаясь запихнуть свои кишки обратно. Мне хотелось помочь ему. Он опустил свой пулемет, но командир отделения тут же ударил его по спине и заорал: «Вперед! В атаку! Ему не помочь. Прикрывай огнем своих товарищей!»

Когда я вышел из оцепенения, раненый неожиданно затих, со странным застывшим взглядом опустился на колени и рухнул головой на землю. Но я был уже в двадцати метрах от него и не видел этого. Мысли улетучились у меня из головы, меня направляла примитивная воля выжить. Смерть, ранения и страх потеряли былое значение. Мое сознание сузилось до стрельбы, перезарядки оружия, бросков вперед, поисков укрытия и наведения пулемета на врагов. Я превратился в животное, борющееся за свою жизнь. За время боя не на жизнь, а на смерть наивный молодой человек превратился в воина в исконном понимании этого слова. Смесь страха, крови и смерти

подействовала на меня, как наркотик, который, с одной стороны, опьяняет, но, с другой, угнетает, поскольку не только обозначает собой переступление черты, за которой конец «человеческой невиновности», но также уносит прочь надежды на будущее. Убийство стало ремеслом, захватившим меня. И судьбе было угодно, чтобы я достиг в нем наивысшего мастерства.

Наша группа осторожно пробиралась по кустарникам, пока не угодила в засаду. Противник прятался на расстоянии около двадцати метров. Один из наших стрелков без слов упал от града внезапных автоматных очередей. В ту же секунду я ответил огнем из своего ручного пулемета, и остальные солдаты из нашей группы смогли залечь в укрытие. Затем они забросали позицию противника ручными гранатами и бросились вперед, прикрывая огнем друг друга, но враг словно испарился. Немного впереди, в густом кустарнике они нашли четырех мертвых русских, лежавших перед мастерски замаскированным входом в шахту. Убитые выглядели крайне истощенными и бледными. Вероятно, они прятались в тоннеле не один месяц.

В шахту вели свежие следы. Любопытство подтолкнуло нескольких стрелков полезть туда. С карабинами наготове они скрылись под землей. А через несколько минут я услышал глухие звуки выстрелов из глубины шахты. Вскоре после этого немецкие солдаты, шатаясь, вышли наружу. Они были мертвецки бледны и растеряны. Но задавать вопросы не оставалось времени. Сектор атаковала рота русских, и стрелков захватил водоворот боя.

Неослабевающее противоборство продолжалось до сумерек, которые наступили около десяти вечера. Мне казалось чудом, что я в отличие от многих своих товарищей пережил этот день. Теперь моя рота отходила обратно к позициям, откуда началась утренняя атака. Из-за недооценки сопротивления русских атаку нужно было начинать снова на следующий день. Обе стороны получили возможность перегруппироваться. Передышка использовалась на то, чтобы осмотреть и перевязать легкие ранения тех, кто остался способен продолжать воевать, а также чтобы принести на позиции провиант и боеприпасы. Сидя с коркой хлеба, банкой рыбных консервов и сигаретой, немецкие бойцы разговаривали о самых главных событиях, происшедших за день. Это стало первой возможностью для меня спросить у выживших товарищей о том, что же все-таки произошло в тоннеле. В коротких фразах, до сих пор явно пребывая в шоке от того, что они увидели, двое из выживших стрелков рассказали о невероятном случае. Но, возможно, невероятные случаи такого рода происходили на той войне каждый день.

Нащупывая дорогу в полутьме тоннеля, примерно через

пятьдесят метров они обнаружили с трудом различимую выемку в стене, откуда невыносимо воняло. Им понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к темноте. И тогда перед ними предстала ужасающая картина. В углу на корточках бок о бок сидели двое русских. А неподалеку от них — тщательно законсервированные останки двух человеческих тел, лежащие на ящиках для патронов. Консервировали их, явно закоптив над огнем. В другом углу за кучей экскрементов лежали их кишки, которые уже начали разлагаться, и обгрызенные кости. Трясясь от отвращения, один из стрелков, немного умевший говорить по-русски, спросил у двоих уцелевших, что произошло.

Они ответили, что их, тридцать пять бойцов, оставили в этом тоннеле, когда русские отступали, со строгими указаниями оставаться в укрытии и удерживать позиции до начала контратаки Красной Армии. Шел месяц за месяцем, но контратака не начиналась, и у них очень скоро закончилось все продовольствие. Офицер, остававшийся с ними, тем не менее настаивал, чтобы они следовали приказу. А когда многие солдаты стали требовать немедленного отступления, он застрелил двух самых молодых (им было всего по шестнадцать лет), чтобы удержать остальных. Он хладнокровно убил их выстрелами в шею, а затем под дулом пистолета приказал остальным выпотрошить их, расчленить тела и коптить их над огнем. Он заставил солдат разделить печень трупов и съесть ее сырой. Следующие несколько недель они ощущали себя людьми, преступившими человеческий закон. И они даже не думали о сопротивлении офицеру, потому что их сержант и два младших сержанта были на его стороне и охраняли все ящики с оружием. Со временем тела были съедены, и офицер безжалостно застрелил еще одного самого молодого солдата. Через несколько дней после этого атака русских отбила тоннель, что обязало группу перейти к действию.

Пока стрелок, знавший русский, переводил остальным этот рассказ, другого немецкого солдата начало тошнить от переполнившего его отвращения. Когда он снова смог дышать, он закричал: «Вы грязные ублюдки!» — и выстрелил из своего пистолета-пулемета MP40[1]. Им не верилось, в их глазах была паника, оба русских пристально смотрели на свои изрешеченные пулями тела, пока кровь с пеной не хлынула из их потрескавшихся, уже безмолвных губ. Их тела вздрогнули в последний раз, и жизни оборвались. «Уходим отсюда, ребята», — заорал командир отряда, и они ринулись обратно, покидая этот кошмар. Выйдя из тоннеля, они не могли надышаться свежим воздухом. Для опытных немецких пехотинцев это был всего лишь

один эпизод войны. Но я был ошеломлен потоком переполнявших меня эмоций. Первый день на фронте оказался непохож ни на что из пережитого мной ранее. А если это не более чем безобидная прелюдия к порокам войны, то что же будет дальше? Но развивать мысль времени не было. Желание спать и голод брали свое. А на отдых оставалось лишь несколько часов.

В итоге на то, чтобы сломать советское сопротивление, у немцев ушло четыре дня. Им пришлось привлечь для этого дополнительную артиллерию и штурмовые орудия. Клочок покоренной русской земли стоил жизней 650 немецких солдат.

По истечении пяти дней я потерял последние остатки своей юношеской наивности. Опыт кровавых боев наложил свой отпечаток на мое лицо, так что выглядел я теперь на десять лет старше. Наша 7-я рота сократилась в численности всего до двадцати человек. Из моей группы в живых остался только я и командир нашей роты. Я потерял чувство времени и не испытывал больше ни страха, ни жалости. Я стал продуктом событий, происходивших вокруг меня, движимый примитивным инстинктом выжить среди изнурительных боев, голода и жажды.

Глава вторая. «ПОПЫТАЙ СВОЕ СЧАСТЬЕ, СТАВ СНАЙПЕРОМ»

22 июля борьба Вермахта за восстановление прежней немецкой линии фронта достигла результата. Но русские сражались с отчаянной смелостью. Хорошо замаскированные, они часто демонстрировали необычную практику ведения огня, стреляя только с расстояния менее пятидесяти метров. Таким образом, практически каждый выстрел попадал в цель. Русские снайперы, в частности, порождали уверенность, что немецкие стрелки скоро будут уничтожены.

На меня давило осознание того, что моя боевая специализация была самоубийственной, как никакая другая. Стратегическая важность пулеметов неизбежно приводила к тому, что на них обрушивался яростный огонь тяжелых орудий, таких как минометы и пехотные орудия, и — особенно в подвижных боях — снайперов. В результате процент потерь среди пулеметчиков был значительно выше, чем среди других бойцов. Мне стало ясно уже в первые дни на фронте, что мои шансы выжить напрямую зависят от того, смогу ли я занять в своей роте другое место.

Когда шел пятый день участия в боях, слева от меня раздался глухой удар, и осколок снаряда вошел в мою левую руку. Я встретил ранение с холодным фатализмом, как неизбежное последствие войны. Что удивительно, рана не болела и слабо кровоточила. Я попробовал согнуть руку и успокоился: она казалась неповрежденной. Я отполз назад со своим пулеметом, извлек пачку бинтов и с помощью товарища перевязал рваную рану на кисти руки у основания большого пальца. Едва я успел закончить перевязку, как мой сослуживец закричал:

— Зеппи, посмотри, они идут. Стреляй, стреляй!

Через час, когда рота отошла от переднего края и появилось немного времени, чтобы отдохнуть, я наконец почувствовал боль. На сборном пункте, который также выполнял функцию базового склада провианта и боеприпасов, доктор с несколькими медбратьями оказывали помощь раненым. Я отправился туда, чтобы мою рану осмотрели.

Импровизированный госпиталь размещался неподалеку от полкового штаба в небольшой хате, крытой соломой. Без единой эмоции я слушал стоны, вой и крики. Запах гниющей плоти теперь не вызывал у меня тошноту. Один из медиков сортировал прибывающих в зависимости от серьезности их ранений. На

плащ-палатке принесли очень молодого солдата. Сначала я посмотрел на его лицо. Из горла солдата вырывались монотонные стоны: «Я не могу сдвинуться. Боже, я не могу сдвинуться». Мой взгляд застыл на теле раненого. Оно, подобно марионетке, дергалось в конвульсиях. Сержант медицинской службы поднял принесенного солдата и обследовал его грудную клетку. Спереди на ней не было повреждений. Но между лопаток зияла рваная дыра, в которую пролезло бы две руки. Из нее виднелись осколки ребер и позвоночника. Сержант медслужбы осторожно уложил раненого обратно на плащ-палатку. Он сказал:

— Ребята, нам не помочь этому парню. Смерть для него будет самым милосердным при таком ранении. Отнесите его в сарай к священнику.

Всех безнадежных относили в сарай, где капеллан — явно ошеломленный горем — старался обеспечить смертельно раненным тот скромный комфорт, который был в его силах.

Мое ранение было оценено как несерьезное. Поэтому мне пришлось ждать в очереди, чтобы попасть к сержанту медслужбы, который со знанием дела очищал от грязи и зашивал открытые раны. За мной сидел сержант, правое предплечье которого было перевязано носовым платком, натянутым с помощью палочки, как жгут: его почти оторванная рука качалась на последних оставшихся сухожилиях, как на веревках. Он неподвижно смотрел в пол, пребывая в состоянии шока.

Прошло еще три часа до того, как очередь, наконец, дошла до меня. Не говоря ни слова, сержант медслужбы снял повязку, обследовал рану на наличие инородных тел, а затем продезинфицировал ее раствором сульфонамида. Обладавший огромной физической силой младший капрал медицинской службы схватил мою руку и повернулся ко мне спиной, загородив мне вид на ранение. Как только он сделал это, сержант без анестезии начал быстро и умело, счищая грязь, подрезать края раны и зашивать ее. Удерживая мою руку стальной хваткой, младший капрал сказал:

— Ори, если захочешь, это отключит твое сознание от боли.

И я почувствовал, что теряю самоконтроль, меня переполнила боль. Мои крики словно выражали все нечеловеческие испытания, пережитые мной за несколько последних дней.

На время, пока заживет рана, мне полагался отдых. Поэтому я был на четырнадцать дней перемещен в полковой транспортный отряд вместе с другими моими сослуживцами, которые также были легко ранены. Нам было приказано выполнять несложную вспомогательную работу. В этот период полк, который понес огромные потери, перебазировался обратно в Ворошиловск на

пополнение людьми и матча-стью. Я, как вы помните, до войны работал плотником, и поэтому был определен ассистентом унтер-офицера по вооружению. Мне было поручено сортировать захваченное оружие и, как только пойду на поправку, чинить приклады поврежденных немецких карабинов.

Именно здесь в относительной безопасности полкового штаба я после размышлений над ситуацией твердо решил попытаться при первой же возможности избежать службы в качестве пулеметчика.

Конечно, это было знаком судьбы, что среди оружия, которое сортировал, я нашел одну-единствен-ную русскую снайперскую винтовку. Только увидев ее, я поспешил спросить у унтер-офицера по вооружению, нельзя ли с ней попрактиковаться. У них было достаточно русских патронов, и унтер-офицер вдруг почувствовал, что перед ним именно тот человек, которому такая работа окажется по плечу. Он сказал:

— Покажи мне, на что ты способен. Возможно, ты рожден, чтобы быть снайпером. Нам нужны такие ребята, чтобы дать иванам хорошую взбучку. Ты знаешь, в какой кошмар их снайперы превратили нашу жизнь.

Я начал практиковаться в тот же вечер. Через несколько дней стало ясно, что я прирожденный снайпер. Унтер-офицер по вооружению был впечатлен моими стрелковыми навыками. Без всяких видимых усилий я поражал со ста метров спичечный коробок, а с трехсот — деревянную коробку из-под патронов, размерами тридцать на тридцать сантиметров.

Четырнадцать дней отдыха пролетели быстро, рана заживала, и мне пора было возвращаться в свою роту. Когда я прощался с унтер-офицером по вооружению, тот вручил мне винтовку с оптическим прицелом.

— Зепп, я разговаривал с твоим стариком, — так опытные воины называли своих командиров роты. — Он не против, если ты попытаешь счастья в качестве снайпера. Давай, мой мальчик, покажи иванам!

В первых числах августа 1943-го я возвратился в свою роту со снайперской винтовкой в руках. Когда я доложил сержанту о своем прибытии, тот без церемоний вручил мне черный знак «За ранение»[2] вместе с наградными документами.

— Оллерберг, надеюсь, ты не думаешь, что на этом все закончилось, — сказал мне сержант. — Это было только начало. Держи свой зад поближе к земле, особенно сейчас, когда ты снайпер. А теперь иди и задай иванам хорошую трепку!

Фронт был относительно тих. Бои свелись к незначительным артиллерийским дуэлям и стычкам между отрядами,

выходившими на разведку. Но при этом из-за русских снайперов каждый немецкий солдат ощущал невероятное напряжение. Очень опасным было даже просто высунуться из окопа в непосредственной близости от передовой. Вопреки всем предосторожностям русские находили себе мишени снова и снова.

В своем командире я обрел мудрого наставника, понимавшего выгоды, которые дает войскам наличие снайперов, и сокрушавшегося об их отсутствии в немецкой армии. Однако подобная точка зрения не была широко распространенной. Многие офицеры воспринимали снайперов как бесчестных, коварных убийц и отказывались использовать их. Один из офицеров 3-й горнострелковой дивизии вполне конкретно отразил такое отношение в своих мемуарах: «Каждый из этих головорезов выползает на рассвете или перед сумерками и лежит неподвижно, просматривая вражеские позиции, подобно коту над мышиной норой. И вот, из окопа на мгновение вынырнет лишь плечо или голова. Но и мгновения достаточно. Выстрел разрывает тишину. Из сведенной судорогой руки выпадает пустая консервная банка. Такова цена человеческой жизни для снайпера. Такова война!»

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. Находясь в траншеях, солдаты сталкиваются с необходимостью отправлять естественные нужды. По гигиеническим причинам они не могут завалить окопы экскрементами. Поэтому через несколько дней пребывания на фронте каждый немецкий пехотинец приспосабливался использовать в качестве туалета пустые консервные банки. После того, как банка наполнялась, запах, исходивший от нее, и ворчание товарищей побуждали солдат избавляться от их содержимого. Для этого нужно было выплеснуть банку за край траншеи. Неопытные солдаты при этом иногда приподнимались слишком высоко, боясь запачкать окоп. Хороший снайпер не мог не использовать такую возможность для точного выстрела и при этом не чувствовал каких-либо угрызений совести.

Впрочем, замечание в конце приведенных выше комментариев офицера вполне справедливо. Война не может быть этичной или героической. Это средство достижения политической цели через максимальное насилие, цена которого смерти, увечья и разрушения. Соответственно, нет абсолютно никакой разницы, погибнешь ли ты от пули снайпера или от осколка мины, выпущенной из миномета. И если смотреть на вещи с такой точки зрения, то говорить о чести неуместно. Тем более что при этом напрашивается вполне логичный вопрос. Кто более честен и

мужественен в бою — офицер, который, к примеру, посылает целую роту в кровавую мясорубку во имя достижения какой-то стратегической цели, ради личной славы или в результате тактической некомпетентности, либо же, так сказать, «коварный», но высоко эффективный в борьбе с противником снайпер, который постоянно подвергает себя значительному риску?

Так или иначе, я избежал самоубийственного возвращения в строй пулеметчиком. Теперь я подчинялся напрямую командиру роты. К этому моменту боевая обстановка была такова, что рота занималась в основном удержанием собственных позиций. И командир позволил мне выйти на охоту в пределах района, занимаемого нашей ротой. Инстинктивно я чувствовал, с чего начинать действовать, и обошел окопы, чтобы расспросить товарищей о том, что они видели вокруг. Меня встречали с восторгом: «Наконец, у нас есть снайпер. Покажи им, на что ты способен, Зепп!» Командир группы пулеметчиков взял меня за рукав и отвел в крытую траншею. Сквозь щель между массивными бревнами, выложенными вдоль краев окопа для защиты от вражеских пуль и осколков снарядов, он показал мне позиции русских и пояснил:

— Где-то там находится снайпер. Он стреляет во все, что ему покажется подозрительным. Посмотри сюда, даже в посуде, которую мы поднимали над траншеей, есть пулевые дыры. Ты сможешь избавиться от него?

Глава третья. НЕОБХОДИМАЯ ДОЛЯ УДАЧИ

Напрягая глаза, я сквозь восьмикратный бинокль (его, подстрекая к уничтожению противника, мне выдал сержант, отвечавший за снабжение роты) всматривался в окружающую местность через небольшое отверстие между бревнами, но не мог разглядеть ничего особенного. Тогда я попросил осторожно поднять над краем окопа плащ-палатку с кепкой на ней, надеясь таким образом выследить русского снайпера. Последний оказался довольно неискушенным в своем деле и выстрелил, едва кепка показалась над краем траншеи. Я увидел вспышку на дульном срезе винтовочного ствола противника, мелькнувшую, подобно порыву ветра, из-за кучи поваленных деревьев. Теперь, когда я знал, где прятался русский снайпер, я мог, наконец, достать свой оптический прицел, который прятал до этого, чтобы блики от его линз не привлекли врага раньше времени. Так, уже первый раз выйдя на снайперскую охоту, я интуитивно почувствовал одну из важнейших особенностей своего нового ремесла. В отличие от своего противника я понимал первый закон выживания: не стрелять по цели, которую ты точно не идентифицировал. И стрелять только раз с одной позиции, а потом немедленно ее менять или становиться невидимым в ее пределах.

Мой противник оставался на своей позиции и дожидался новой цели. Это была фатальная ошибка, за которую ему пришлось заплатить своей жизнью. Я аккуратно положил перед бревнами скрученную плащ-палатку, чтобы упереться на нее, и осторожно высунул в щель ствол своей винтовки. Мне не удавалось воспользоваться своим оптическим прицелом, поскольку щель была слишком узкой. Но русский лежал всего в девяноста метрах от меня, и прицелиться можно было обычным образом, используя мушку и прицельную планку.

Неожиданно я занервничал. Мои товарищи ожидали абсолютно безупречного выстрела, и я внезапно осознал, что должен впервые в жизни хладнокровно и расчетливо убить человека. Мою решимость подтачивали сомнения. У меня пересохло в горле, сердце учащенно забилось, и задрожали руки. Я почувствовал себя парализованным и неспособным нажать на спусковой крючок. Мне пришлось опустить винтовку и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. Мои товарищи стояли вокруг и пристально смотрели на меня. Я снова поднял винтовку в огневую позицию и снова почувствовал колебания.

— Хорошо, а что теперь? Задай ему взбучку, — будто издалека донесся до меня голос товарища.

И в этот миг ко мне вернулось самообладание. Будто во сне, с точностью машины мой указательный палец сам лег на спусковой крючок. Я напрягся, сделал глубокий вдох и выдох, задержал дыхание и надавил на спусковой крючок. Раздался выстрел. Из-за поднявшейся передо мной пыли я не видел, попал я или нет. Но мой товарищ, смотревший в другую щель между бревнами, закричал:

— Ты снял его, парень! Превосходный выстрел. Эта свинья мертва.

Словно пожар по кустарнику, по окопам стала распространяться новость: с русским снайпером покончено.

Неожиданно раздались пулеметные очереди и винтовочные выстрелы. Кто-то закричал: «В атаку!» Изумленные столь неожиданным немецким штурмом русские стали спешно покидать свои передовые траншеи и отходить к своей основной линии обороны. Не встречая сопротивления, немецкие стрелки ворвались на оставленные позиции. Я был среди них. Мне и свидетелям моего первого выстрела хотелось увидеть его результаты. Мы подбежали к куче поваленных деревьев, за которой прятался русский снайпер.

Оказалось, что там у него было вырыто углубление, наподобие окопа, в котором теперь лежало его безжизненное тело. Голова и туловище снайпера были залиты кровью. Схватив его за щиколотки, двое стрелков вытащили его, чтобы увидеть, где именно была смертельная рана. Кровавое месиво из мозгов и осколков костей покрывало спину снайпера. В затылке русского зияла дыра величиной с кулак, так что через нее можно было заглянуть внутрь его черепа, который был пуст из-за того, что в нем все разворотило пулей. Опытные бойцы, привыкшие к подобному, перевернули его на спину, чтобы посмотреть на лицо убитого, который оказался мальчишкой, возможно, всего шестнадцати лет от роду. Моя пуля вошла ему в правый глаз.

— Ты четко снял его, парень. И ты сделал это почти со ста метров без оптического прицела. Ты действительно хорошо сработал, Зепп, — сказал один из стрелков.

Я посмотрел вниз на свою жертву со смесью гордости, ужаса и вины. Неожиданно я почувствовал, что комок подступает к горлу, и меня вытошнило. Судорожно рыгая, я извергал наружу смесь хлеба, солодового кофе и сардин.

Хотя мне было стыдно за такое публичное проявление слабости, мои товарищи отнеслись с теплотой и пониманием к тому, что я в этот момент потерял контроль над собой. Сержант с

большими рыжеватыми усами и жуликоватым шаловливым блеском в голубых глазах, который был на полторы головы выше меня и лет на десять старше, ободрил меня бодрым голосом с северогерманским акцентом:

— Тебе нечего стыдиться, мой мальчик, такое случалось с каждым из нас. И тебе тоже нужно было пройти через это. Лучше начисто проблеваться, чем наделать в штаны. А у папочки всегда есть немного горячительного для подобных случаев, — при этих словах он извлек из нагрудного кармана блестящую серебристую фляжку. — Сделай большой глоток. Так будет легче выбросить все из головы. Только смотри, чтобы остатки твоей блевоты не попали в мою флягу, иначе я оторву тебе башку.

Я с благодарностью сделал большой глоток. Протянув флягу сержанту обратно, я вдруг подумал: «Этот парень похож на викинга, только рогов на каске недостает», — и не смог сдержать улыбку, представив викинга среди горной пехоты. Но для размышлений и личных чувств не было времени, поскольку, пока мы обыскивали оставленные русскими окопы, надеясь найти полезные трофеи, советские солдаты контратаковали.

Немцы были отброшены назад так же быстро, как до этого они отбросили русских. Через час все вернулось к исходному состоянию, и каждый находился на прежних позициях. Но я сдал свой экзамен на звание снайпера, и мои товарищи всем рассказывали о моем успехе. Похвалы, посыпавшиеся на меня со всех сторон, помогли мне избавиться от сомнений в правильности того, что я сделал.

Я твердо усвоил второй урок: война — это безжалостная вещь, и тебе остается либо убивать, либо быть убитым. В бою сострадание к врагу — верное самоубийство, поскольку каждый противник, которого не убьешь ты, в следующую секунду убьет тебя. Твои шансы выжить возрастают прямо пропорционально твоим воинским навыкам и отсутствию у тебя сострадания к врагу. Этот принцип я соблюдал до конца войны. Если противник оказывался у меня на прицеле, а палец лежал на спусковом крючке, то судьба врага была предрешена — без исключений.

В тот же день я сумел застрелить еще двоих беззаботных русских солдат. Полный юношеской гордости, я сделал перочинным ножом три зарубки на прикладе своей винтовки. Я следовал этому ритуалу все время, пока со мной была моя русская винтовка с оптическим прицелом. Я сохранял эту самоубийственную привычку до тех пор, пока в следующем году трагически не погиб мой товарищ.

Сразу после моих первых успехов сержант сказал мне, что я должен докладывать о своих удачных выстрелах в штаб роты,

каждый раз называя свидетелей своих попаданий из числа сержантского состава или офицеров. Но засчитывались только те попадания, которые я производил, стреляя в одиночку, а не во время общей атаки или обороны позиций. Мне пришлось завести маленькую книжечку со своим снайперским счетом, а офицер или сержант должны были подтверждать всякий раз, когда этот счет увеличивался. За каждые десять засчитанных попаданий я награждался серебряной нашивкой размером семь сантиметров в длину и один в ширину, наподобие тех, что были на воротниках у сержантов. Такие нашивки носились на левом предплечье. Но получение подтверждения попаданий было делом изматывающим. Некоторые из моих командиров завидовали моему успеху и отказывались ставить свою подпись. Особенно часто это случалось, если мое попадание наблюдали артнаводчики, которые в большинстве случаев оказывались молодыми офицерами, полными воинского идеализма. Они считали снайперов грязными убийцами и выражали свою антипатию, отказываясь подтверждать их попадания. Другая причина, по которой отношения между снайперами и артиллеристами были натянутыми, состояла в том, что снайперы привыкли приворовывать лучшую, нежели их собственная, униформу артнаводчиков. В частности, куртки, накидки и плащ-палатки. Я стал мастером такого неофициального приобретения офицерской униформы.

В течение последующих четырнадцати дней мои снайперские выстрелы достигали цели двадцать семь раз, и моя новая специализация быстро превратилась в рутину. Как новичку, мне тем не менее исключительно везло, поскольку русские снайперы избегали меня, не зная о том, что на самом деле я не являюсь профессионалом. Часть фронта, где находилась моя рота, оставалась относительно тихой. Это давало мне возможность учиться на собственном опыте и собственных ошибках. Большинство начинающих снайперов такой возможности не имели, и за свои ошибки они нередко платили жизнью.

Однако этот спокойный период вскоре закончился. 18 августа 1943 года, после того, как давление русских нарастало в течение нескольких дней, советские войска предприняли масштабную атаку на всей протяженности Донецкого фронта. Благодаря сокрушительному превосходству в численности бойцов русские смогли прорвать немецкие линии обороны, и пехота Вермахта была вынуждена оставить свои позиции.

Теперь, когда немцы перешли к обороне, им. стало ясно истинное тактическое значение хорошего снайпера. Хотя я был на фронте всего несколько недель, я уже обладал решительностью и

хладнокровием опытного воина. Даже в отчаянных ситуациях я держал свои нервы в узде. В боях я сражался с вдохновением, и мне сопутствовала удача, а это невозможно выработать даже во время самой лучшей подготовки. Только в настоящих боях проявляется настоящий солдат, способный контролировать свой страх и обладающий врожденными рефлексами, необходимыми для выживания.

3-я горнострелковая дивизия начала свое методичное отступление к Днепру. Обладая значительным превосходством (тридцать три полностью укомплектованных дивизии против всего десяти истощенных боевых формирований с немецкой стороны), русские штурмовали позиции Вермахта, где на каждый километр передовой приходилось всего по девяносто немецких солдат. Бреши в обороне закрывались развертыванием вторых линий обороны и привлечением людей из тыловых служб. Соответственно, незадействованных частей и резервов у немцев не оставалось. В результате советский прорыв имел немедленные и крайне опасные последствия.

3-я горнострелковая дивизия оказалась в центре тяжелейших боев под Запорожьем, где два русских клина пытались прорваться и захватить немецкие войска в клещи. Однако стрелки 144-го горнострелкового полка занимали важную стратегическую позицию и, противостоя десятикратно превосходящему врагу, удерживали ее, позволяя остальным частям отступать упорядоченно и создать новую линию обороны.

В начале сентября дороги из-за проливных дождей ранней осени превратились в болото из грязи глубиной по колено. Постоянный недостаток сна, проблемы с обеспечением провиантом и боеприпасами и неослабевающее давление боев истощали последние резервы прочности немецких солдат. Такая ситуация стала типичной в конце войны. Моей роте было приказано прикрывать отступление полка. Ее шестьдесят стрелков были размещены в деревне, располагавшейся рядом со стратегически важными перекрестками, чтобы задержать продвижение передовых механизированных войск русских.

Советская разведка быстро установила численность стрелков, после чего на их уничтожение были направлены русские части. Однако оставшиеся в деревне бойцы 7-й роты были опытными солдатами. Они хорошо окопались и умели вести точный огонь лежа, благодаря чему некоторое время ухитрялись держать русских на значительном расстоянии. При этом немецкие солдаты даже выдержали огонь малых артиллерийских орудий и танков, понеся лишь небольшие потери.

В боях, подобных этому, снайперы доказывают свою доблесть.

Выстрел за выстрелом я поражал свои цели с расстояния 300 метров, заставляя противника постоянно искать укрытия от моих неизменно точных попаданий. Умение пошатнуть боевой дух противника в столь отчаянной борьбе приобретало решающее значение. Опытный снайпер необязательно старается убить свою жертву, а скорее стремится попасть в туловище так, чтобы ранение оказалось предельно болезненным и враг не смог продолжать воевать. Это позволяет снайперу не только поразить максимальное количество противников в сумасшедшей неразберихе боя, но и оказать психологическое воздействие на врага.

Я не раз видел, как нечеловеческие крики раненых мной русских бойцов деморализовывали их товарищей, и советская атака резко ослабевала и прекращалась. Именно в этих боях с превосходящими силами противника я развил до совершенства свою личную снайперскую тактику. Я не обращал внимания на первые три-четыре линии атакующих и старался поразить в живот как можно больше бойцов, наступавших позади них. Слыша пронзительные крики раненых у себя за спиной, наступавшие в первых рядах теряли присутствие духа, и атака начинала захлебываться. В этот момент я переключал свое внимание на первые линии врага. Противников, которые находились ближе пятидесяти метров ко мне, я убивал точными выстрелами в голову или в сердце, стараясь таким образом мгновенно вывести из боя всех, кого только мог. Тем из русских, кто находился на расстоянии больше пятидесяти метров от меня, я, наоборот, стрелял в туловище, стремясь ранить как можно больше врагов. Когда русские обращались в бегство, особенно эффективными оказывались выстрелы, в результате которых пули попадали отступающим в область почек. В этих случаях раненые начинали буквально по-звериному кричать и выть. В результате атака нередко резко заканчивалась. Мне в подобных ситуациях порою удавалось поразить более двадцати противников за несколько минут. Правда, такие попадания не увеличивали мой снайперский счет.

В течение двух дней мои действия помогали держаться нашей роте. Но ее численность продолжала неуклонно сокращаться, и нам все-таки пришлось отступить, чтобы избежать неминуемого уничтожения. На вторую ночь 7-я рота просочилась в брешь в войсках русских, которую удалось создать в сумерках. С собою немецкие бойцы унесли тринадцать раненых. И снова именно снайпер удерживал преследовавших их врагов на почтительном отдалении, пока на рассвете группа не достигла новых немецких линий обороны. Возможно, современный читатель еще может

задуматься о какой-то этике и солдатской чести в подобных боях. Но там, в кровавой мясорубке, каждый руководствовался исключительно тем, как выжить самому и помочь выжить товарищам.

Даже после того, как 7-я рота достигла своих, ее бойцам оказалось некогда подумать о заслуженном отдыхе. С началом нового дня русские опять предприняли атаку. Она была более осторожной, и ее отражение потребовало от немцев полного напряжения усилий. На этот раз в передовой линии русского наступления вместе с пехотой шло три танка. Я подготовил себе хорошо замаскированную позицию среди своих товарищей и надеялся, что противник долго не сможет определить мое местоположение. Остальные немецкие пехотинцы также замаскировали свои новые окопы так хорошо, как только умели, надеясь застать русских врасплох. Но и русские, не зная, с чем они столкнутся, продвигались осторожно.

Советская пехота укрывалась за своими медленно идущими танками, которые теперь находились на расстоянии около ста пятидесяти метров от немецких позиций. Первый танк, резко дернувшись, остановился, и его башня начала с жужжащим звуком поворачиваться, нацеливая пушку в направлении немецких линий обороны. Впрочем, русские еще не определили точного места нахождения противника. Башня остановилась, и через несколько секунд приоткрылся люк. Я уже держал свою винтовку в огневой позиции, и мой оптический прицел был направлен на крышку люка, приоткрытую всего на ширину двух ладоней. Оттуда осторожно высунулась голова с биноклем. Моя винтовка была нацелена на попадание с расстояния около ста двадцати метров. Я подсчитал, что мне нужно взять на пару сантиметров выше, чтобы пуля вошла танкисту в голову. Прямое попадание в данном случае было моим долгом, поскольку именно мой выстрел должен был стать сигналом к началу битвы. Несколько секунд я колебался, но потом мне пришла мысль, что я целюсь в командира танка, а возможно, и всей атаки. Его смерть могла решить исход всего боя. Глубокий вдох, мгновение на концентрацию, и мой палец тихо и твердо надавил на спусковой крючок. Раздался выстрел. Через оптический прицел я увидел, как кровь брызнула на крышку люка и голова исчезла в глубине танка.

Через несколько секунд разгорелся бой. Но танки не двигались. Они лишь стреляли в направлении немецких позиций, не принося им вреда. Спустя несколько минут их моторы заревели, и три стальных колосса отступили. Мое предположение, вероятно, оказалось правильным. Русская атака явно осталась без

руководства, и когда около часа спустя противник попытался снова атаковать немецкие позиции, в его действиях не было необходимого напора и решительности. Один-единственный сделанный после тщательного прицеливания выстрел деморализовал врага, и вполне возможно, что именно он позволил выстоять немецким стрелкам.

20 сентября наступление русских остановилось. Немецкий фронт, протяженность которого к тому времени сократилась, был недостаточно прочен, но благодаря высокому боевому духу 3-й горнострелковой дивизии прорыв советских войск был предотвращен. Однако при этом 144-й горнострелковый полк потерял больше половины своих солдат. Уцелевшие бойцы были измотаны, грязны, страдали от вшей, были ранены и больны. На их лицах появились глубокие следы тех нечеловеческих испытаний, что они пережили. Фашистская пропагандистская машина цинично называла это «героическим обликом воинов Восточного фронта, выкованным в огне боев».

Что удивительно, на мне не было ни царапины. Меня донимали только вши и диарея, появившаяся в результате того, что я, как и многие из моих товарищей, долгие дни питался преимущественно солеными огурцами, которые мы находили в оставленных деревенских домах.

Дивизия использовала временную передышку в боях, чтобы укрепить новую линию обороны, Вотан-стеллунг. На новом месте солдат Вермахта охватило особое чувство, словно они оказались дома, поскольку этот район совсем недавно населяли волжские немцы, высланные сюда русскими много лет назад. И здесь — среди аккуратных маленьких деревень и небольших городов с такими именами, как Гейдельберг, Тифенбрюн и Розенберг, где все дома опрятны и убраны, а в шкафах стоит глиняная посуда, и все смотрится так, словно хозяева вернутся в любой момент — им нужно было сооружать полевые укрепления, зная, что через несколько дней или, возможно, недель на них обрушится ураган войны. Происходящее начало казаться многим дурным предзнаменованием. В душах солдат поселилось странное предчувствие того, что подобная угроза нависнет и над их собственными домами.

Пока Красная Армия готовилась к новому наступлению, 144-й горнострелковый полк получил совершенно не соответствующее обстановке скромное пополнение из бойцов, вернувшихся из отпуска или из госпиталя. Количество оружия и боеприпасов, которое они получили, также не соответствовало ожиданиям. Самыми главными задачами было убедиться, что весь сектор, занимаемый полком, очищен от противника, точно

спрогнозировать, откуда начнется новая атака врага, и грамотно распределить свои собственные очень ограниченные силы. Также было важно ввести противника в заблуждение относительно силы немецких войск, высылая значительные по численности патрули.

В ранние часы утра и по вечерам я прокрадывался за пределы немецких позиций, чтобы обескураживать и приводить в смятение беззаботных солдат из русских патрулей, сокращая их численность неожиданными меткими выстрелами и обращая в бегство к их собственным позициям лишившихся присутствия духа уцелевших советских бойцов. Патрули не предполагали столкнуться со снайпером-одиночкой на таком отдалении от линий обороны, и при подобных столкновениях выстрелы снайперов на патрули обеих сторон обрушивались как гром среди ясного неба. Именно поэтому мне часто удавалось убить несколько солдат патруля, прежде чем они успевали найти укрытие или отступить на безопасное расстояние.

С первыми лучами солнца в чудесное утро конца сентября я, хорошо замаскировавшись, лежал на вершине небольшого холма, заросшего деревьями. Я просматривал артиллерийские позиции русских, до которых было около километра, когда прямо передо мной на расстоянии около ста пятидесяти метров появился русский патруль. Возглавляемая очень молодым лейтенантом группа шла в едином строю. Солдаты шагали слишком близко друг к другу, на их лицах была написана беспечность. Сохраняя самообладание, я очень осторожно, чтобы не выдать свого местоположения, переместил свою винтовку на огневую позицию. Я был удивлен, видя столь неопытные действия патруля. Как всегда, я первым делом поймал в оптический прицел офицера, и у меня перехватило дыхание, поскольку по его одежде можно было предположить, что тот как-то относился к русской политической верхушке. Это выглядело крайне необычно, но на русском командире была униформа особого покроя из сукна высшего качества и превосходные ботинки из самой лучшей кожи. Ошеломленно глядя на происходящее и держа палец на спусковом крючке, я увидел, что лейтенант споткнулся о корень дерева. Расслабив палец, я наблюдал, как русский встал и достал из кармана белоснежный платок с окаймлявшей его вышивкой, чтобы вытереть руки и форму. У меня, жившего среди грязи, зловония, вшей и каждодневной жестокой борьбы за выживание, происходящее породило смешанные чувства. Это показалось мне абсурдным и в то же время вызвало тоску по мирному времени. Но война не оставляет места сентиментальности. Пощадив этот патруль, я подвергал себя и своих товарищей непосредственной опасности. Глядя через оптический прицел на то, как лейтенант

тщательно отряхивает свой платок, складывает его и опускает обратно в карман, я поймал правый нагрудный карман офицера в перекрестье своего прицела. Происходящее начало напоминать некое мистическое действо. Приближающееся убийство превращалось в ритуал, наполненный поэзией неотвратимой скоротечности существования и словно пришедший из японского кодекса самураев «Бусидо».

С невероятной легкостью я ощутил, что наступил решающий момент, сконцентрировался и, внутренне улыбнувшись, нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела нарушил рассветную тишину, и молодой офицер в шоке и еще не веря, что это произошло, уставился на дыру на своей груди, из которой брызнул маленький фонтан крови. Пока его солдаты, громко вопя, разбегались в разные стороны, лейтенант без звука упал на колени и свалился в кусты, уставившись в небо своими уже пустыми глазами. После того, как двое из его бойцов поплатились своими жизнями за попытки достать тело командира, остальные не рискнули высовываться из укрытий и отступили, так и не определив мою позицию. Но я знал, что мое собственное укрытие больше не безопасно и, подобно привидению, стремительно исчез в подлеске.

Во время своих каждодневных дальних разведок и выходов на снайперскую охоту к позициям врага я видел, что численность войск противника неуклонно растет. Мои отчеты и отчеты других снайперов стали важными фрагментами в мозаике немецких разведданных, которые позволили определить главное направление приближающейся атаки.

В 8.00 утром 26 сентября 1943 года сотни вспышек озарили горизонт на востоке раздражающим дрожащим светом. До немецких позиций докатились грохот и рев, который все невыносимее давил на уши по мере приближения. Через мгновение немецким бойцам показалось, что перед ними разверзлось жерло ада. С грохотом одного невероятного по силе взрыва на них обрушились снаряды сотен артиллерийских орудий и многозарядных пусковых установок. С неба с жужжанием посыпались осколки, и стало тяжело дышать из-за наполнивших воздух комьев земли, газа и пыли. После первой волны взрывов со всех сторон стали раздаваться душераздирающие крики раненых и покалеченных. Пехотинцы отчаянно вжались в свои окопы и стрелковые ячейки. Короткие молитвы были произнесены — шепотом или криком, безмолвные клятвы были сделаны. Солдат, которых охватила истерика, товарищи втащили обратно в окопы. И начались минуты, казавшиеся часами.

Земля дрожала от ударов и взрывов снарядов. Воздух

превратился в удушливую смесь грязи, газа и металлической пыли, от которой у солдат едва не обрывалось дыхание. Вжимаясь в землю в своей ячейке, я ощущал себя беспомощным, как маленький ребенок. Я заставлял себя снова и снова бормотать «Отче наш», то и дело срываясь на отчаянные мольбы о божьей защите. «Мать твою, почему я? Боже, помоги мне выйти из этого живым! Помоги мне! Помоги! Отче наш, сущий на небесах...» Неожиданно меня оглушил страшный взрыв, и на мгновение я потерял ориентацию в пространстве. Над моим окопом пролетел огромный ком земли и какой-то темный предмет. Инстинктивно я прижал голову к коленям и сильнее вжался в дно своей ячейки. Через миг что-то глухо ударилось, свалившись в грязь рядом со мной. Я резко дернулся назад, охваченный ужасом. Это были изуродованные останки моего товарища, занимавшего соседнюю ячейку: туловище с оторванными конечностями. Осколки превратили в дрожащее кровавое месиво его грудную клетку, шею и лицо. Но его рот, который, как ни удивительно, ничуть не пострадал, вдруг начал издавать гортанные стоны и заговорил, словно из другого мира:

— Что со мной не так? Что случилось? Почему так неожиданно стало темно? Почему я не чувствую своего тела?

Искореженные обрубки его рук и ног, оторванных по самые бедра, беспомощно дергались.

— Помогите, помогите мне, пожалуйста! — слова его мольбы звучали со странным булькающим звуком.

Меня охватила паника. На грани истерики я вжался в стену окопа, чтобы не касаться изувеченного тела. Парализованный, не в силах сдвинуться с места, я не мог отвести глаз от умирающего, который пронзительно заорал:

— Я ослеп, ааа-а-а, ослеп, ааа-а-а! Где мои руки? Ааа-а! — конвульсивно дергаясь, туловище начало ворочаться в грязи.

Я подумал, что сойду с ума, и вдруг весь задрожал. Я начал мысленно орать: «Боже, дай ему умереть! Проклятие, проклятие, дай ему умереть! Ну почему он не умрет?!» Мой смертельно раненный товарищ кричал все громче, и, наконец, с диким воем «Аааааа-а-а!» искореженные обрубки туловища в последний раз конвульсивно дернулись и затихли навсегда.

Я, как загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от окровавленного тела все те несколько минут, в течение которых старался успокоиться. Вокруг меня падали снаряды, выпущенные из танков и тяжелых минометов, но я не замечал этого.

Прошло полчаса с начала артподготовки русских — вечность для немецких бойцов, — и она закончилась. В атаку пошла советская пехота. Стал слышен нарастающий грохот траков

гусениц приближающихся русских танков, который смешивался с криками наступающей пехоты. Немецким стрелкам потребовались считаные секунды, чтобы прийти в себя. Медики стали оказывать помощь тяжело раненным, а легко раненные и оставшиеся невредимыми солдаты Вермахта подняли оружие над краями окопов и начали отвечать на огонь русских. Я был почти в восторге от такой возможности сбросить напряжение. Рассвирепев и не думая об опасности, я ринулся в бой, чтобы перестать сходить с ума. Я словно освобождался от пережитого кошмара.

Час снайпера снова настал. Выстрел за выстрелом с убийственной точностью мои пули находили свою цель в рядах врага. Накал боя стал просто диким. На переднем крае русские бойцы смешались с немецкими. Ствол моей винтовки настолько нагрелся, что смазка, защищавшая оружие от ржавчины между стволом и прикладом, начета таять и стекать по пальцам. Вокруг меня взрывались снаряды, и шрапнель с воем разрезала воздух. Я инстинктивно менял свою позицию и, перепрыгивая из одного окопа в другой, быстро подхватывал боеприпасы погибших русских. Также мне приходилось следить за тем, чтобы не оказаться отрезанным от своей части.

Связь между этим наступлением русских и их прорывом в нижнем течении Днепра была неясна для простого немецкого солдата. Для меня вся стратегическая ситуация свелась к простой борьбе за выживание. Битва бушевала восемь дней, в течение которых оборона позиций и контратаки постоянно сменяли друг друга. Немецкие роты и полки неуклонно теряли численность, но не получали пополнений. На пунктах первой помощи днем и ночью шли операции, и бесконечные потоки медиков выбрасывали в мусорные ямы позади операционных палаток ведра человеческих тканей и ампутированных конечностей. Сотни солдат стонали и орали, лежа и дожидаясь врачебной помощи. Многие из них так и умирали, поскольку врачи не успевали заниматься теми, кто был безнадежен. Некоторым везло встретить смерть успокоенными морфием, но большинство умирало в одиночестве и агонии. Многих тяжело раненных, у которых не было надежды на выздоровление, прямо на поле боя убивали их товарищи. И это считалось везением, поскольку в противном случае они рисковали быть найденными врагом. Плохое обращение с ранеными — еще одна черта военных буден.

Запах пороха, пота, крови, страха и смерти витал над полем боя и навсегда проникал в умы солдат. Я, девятнадцатилетний паренек, в этой обстановке потерял свой юношеский максимализм и беззаботный взгляд на жизнь, как и многие из моих сверстников. Я принял как данность, что за мою жизнь враг

должен заплатить как можно дороже, и на этом поприще развил в себе профессионализм, удивительный для столь молодого человека. Я держал свои нервы в кулаке, когда другие паниковали. Я с чрезвычайной точностью, словно хирургический инструмент, использовал свое оружие. Инстинкт выживания в бою проявился во мне настолько, что жизнь в ритме постоянного чередования обороны, поиска укрытий и атак стала моей второй натурой. Я был известен тем, что не боялся ни ранений, ни смерти. А это называется храбростью. И я обладал необходимой долей удачи. Здесь перед нами одна из загадок войны: некоторые солдаты кажутся заговоренными от смерти или увечья. Я был одним из них. Я сумел выжить вопреки тому, что всегда был в гуще самых кровопролитных событий.

4—5 октября накал боев, наконец, ослаб, благодаря чему у истощенной роты появилось несколько дней на перегруппировку.

Глава четвертая. ОСОБЫЙ ДАР САМОКОНТРОЛЯ

9 октября 1943 года войска Красной Армии обрушились на остатки 3-й горнострелковой дивизии двадцатикратно превосходящими силами. В 10.00 началась обязательная артподготовка, для которой было задействовано 400 русских артиллерийских орудий и 220 многозарядных пусковых установок, выпускавших более 15 000 снарядов в час. Происходящее наполняло немецких пехотинцев ужасом, сводившим с ума. Но, когда артподготовка закончилась, они, подобно призракам, поднялись из серного пара и развороченной земли, чтобы с отчаянным мужеством защищать свои позиции. На этом примере отчетливо видно, что настоящий солдат — это самоконтроль, боевой опыт, твердость и решимость бороться до конца.

Советская атака обрушилась на немецкие позиции, словно волна прилива. Людские резервы русских казались почти неистощимыми. В то время как части Вермахта неуклонно сокращались в численности из-за недостатка пополнений, численность войск их противника без конца возрастала. Решение японцев сосредоточить свое внимание на южной части Тихого океана означало, что русские могут вывести свои многочисленные войска из Сибири и также задействовать их на западном театре боевых действий. Кроме того, в советскую армию призвали каждого мужчину в возрасте от 14 до 60 лет без каких-либо исключений. Однако многие из русских частей создавались крайне торопливо и, по сути, оказывались пушечным мясом. Под форменными куртками их бойцов оставалась гражданская одежда, а их подготовка сводилась всего к двум дням занятий, в ходе которых новобранцев едва успевали научить пользоваться стрелковым оружием. Их набор и организация были столь поспешными, что даже не каждому из них хватало оружия. Командование, подсчитав ожидаемые потери в ходе предстоящей атаки, вооружало только тех, кому предстояло быть в ее первой волне. Солдаты, следовавшие за ними, оставались без оружия и должны были подбирать его у павших. Поэтому вполне объяснимо, что такие бойцы как огня боялись быть посланными в бой, однако еще большим был страх наказания за неисполнение приказа. Советских бойцов беспощадно заставляли сражаться войска НКВД, шедшие позади них.

В этом бою я впервые увидел, как русские расстреливают

своих дезертиров, а точнее, каждого, кто начинал отступать, и как они без малейшей жалости заставляют бойцов лезть напролом на хорошо обороняемые позиции. На немецкие окопы обрушивалась одна волна атакующих за другой, чтобы быть расстрелянной, подобно кроликам. В результате этого вокруг позиций горных стрелков образовались буквально стены из тел убитых и раненых русских бойцов. Новые волны атакующих были вынуждены взбираться по трупам своих павших товарищей, используя их тела как прикрытие, до тех пор, пока горы из тел не стали столь высокими, что атака сама собой начала захлебываться перед этим дьявольским препятствием.

Тогда русские бросили в атаку танки, которые поехали прямо по трупам и еще остававшимся в живых своим раненым товарищам. Гусеницы танков Т-34 с грохотом месили тела, и человеческие кости с хрустом переламывались, словно сухое дерево. Эти звуки смешивались с криками и стонами раненых солдат. Слышать и смотреть на все это было невыносимо. Бой разгорался с новой силой. Немецкие стрелки сражались как сумасшедшие, надеясь в пылу схватки выбросить из головы все увиденное. Когда у них закончились патроны, они бросились на врага со штыками и лопатами. Злоба и решимость солдат Вермахта, защищавших свои позиции, была столь сильной, что с наступлением сумерек русским пришлось прекратить атаку.

Я был прикреплен к командиру роты, и это означало, что мне все время приходилось быть в гуще боев. Расстояние между мной и противником часто сокращалось столь стремительно, что после нескольких прицельных выстрелов мне приходилось откладывать свою снайперскую винтовку и доставать пистолет-пулемет MP40, который во время подобных ситуаций у меня всегда был наготове и висел на спине. Бои такого рода неизменно оказывались очень непростыми для меня, поскольку бойцы на передовых линиях обороны очень быстро смешивались с атаковавшими, начинался ближний бой, а на расстояниях около тридцати метров оптический прицел становился бесполезным и значительно сужал обзор. При этом он крепился к винтовке так, что целиться, не глядя в оптический прицел, также оказывалось практически невозможным. В подобных ситуациях снайпер всегда переживает огромный стресс. С одной стороны, он не может бросить свою винтовку с оптическим прицелом. С другой, если враги замечают его с ней, то снайпер оказывается в крайней опасности, поскольку противник тут же начинает вести по нему особо интенсивный огонь.

Когда к вечеру бой затих, выжившие немецкие стрелки не могли позволить себе расслабиться. Было очевидно, что русские

вскоре перегруппируются и начнут новую атаку. У моих товарищей было лишь несколько часов на передышку до того, как возобновился штурм. На этот раз он проходил с меньшим напором, враг старался не приближаться слишком близко. И именно теперь снайперы внесли ощутимый вклад в оборону позиций своими точными выстрелами, которыми они издалека поражали цели.

Ночью с 10 на 11 октября в моем секторе русские неожиданно прекратили вести огонь. И через несколько минут повисла обманчивая тишина. Командир 7-й роты воспользовался возможностью быстро обойти позиции своих бойцов, чтобы разобраться в ситуации. На позиции пулеметчиков, которая выдавалась немного вперед относительно основной линии обороны, ему доложили о подозрительных движениях в кустах перед ней. Командир немедленно выслал патруль из восьми опытных солдат. Я сопровождал их в качестве охраны, осторожно передвигаясь ползком на расстоянии тридцати метров от них. Со мной была моя снайперская винтовка, а пехотинцы патруля были вооружены пистолетами-пулеметами и ручными гранатами. Они ползли по доходившей до колена высокой траве к месту, указанному пулеметчиками, и их нервы были напряжены до предела.

Продвинувшись вперед на триста метров, мы услышали приглушенные голоса. По сигналу командира патруля я занял хорошо маскировавшую меня позицию за несколькими росшими рядом кустарниками, установил винтовку на огневую позицию и стал просматривать местность через оптический прицел. Прямо перед собой на расстоянии восьмидесяти метров я увидел пологий склон глубокого оврага. Патруль подобрался к его краю. Командир патруля осторожно заглянул в овраг и увидел русский отряд численностью около сотни солдат, состоявший из стариков и подростков, которые сидели на земле довольно плотно друг к другу, разговаривали и курили, стремясь побороть страх и не думать о своем опасном положении. Ими руководил явно неопытный офицер. Командир патруля отполз назад и жестами объяснил ситуацию своим бойцам. Один из них подполз ко мне и рассказал, что им, несмотря на численное превосходство врага, захотелось попытаться осуществить внезапную атаку, как только начнет светать. Немецкие бойцы рассчитывали, что застигнутые врасплох русские инстинктивно обратятся в бегство и устремятся к пологому склону оврага, где я смогу перестрелять их.

Через два часа на горизонте забрезжили первые бледные утренние лучи. Многие из русских к этому времени уснули, их часовые боролись с усталостью и выглядели рассеянными. По

знаку командира патруля каждый немецкий боец достал по три ручных гранаты и активировал их. Словно появившись из ниоткуда, двадцать четыре гранаты взорвались среди ничего не подозревавших русских. В тот же миг среди них началась абсолютная паника. Они стали разбегаться во все стороны, оголтело стреляя и попадая друг в друга. Раненые начали в ужасе орать. Немецкий патруль, находившийся над оврагом, открыл по растерянной толпе огонь из своих пистолетов-пулеметов. Точно, как горные стрелки и ожидали, русские ринулись к пологому склону оврага прямо в зону моего огня. Следуя безжалостным законам войны, я делал то, что должен был делать. Мои действия были почти автоматическими. Я целился в центр туловища и жал на спусковой крючок. Быстро прицеливался и стрелял снова и снова. Пуля за пулей с чрезвычайной точностью находили свою цель. Через несколько мгновений пять русских лежало в траве со смертельными ранениями, остальные опешили. Я перезарядил винтовку, и вскоре было убито еще пятеро. Советские бойцы, расталкивая друг друга, понеслись назад только для того, чтобы быть уничтоженными пулями и гранатами патруля. Это продолжалось еще несколько минут, и бойня закончилась. Везде лежали трупы и раненые, орущие и умирающие русские. Без единого звука я и патруль, подобно привидениям, исчезли в полусумраке рассвета. На нас не было ни единой царапины.

Наша смелая атака подарила нашей поредевшей роте еще несколько часов передышки. Но в полдень на нас обрушилась новая свирепая атака русских. И снова немецкие стрелки сумели продержаться до вечера, сражаясь с мужеством, вызванным отчаянием. С наступлением темноты атака прекратилась. Незадолго до полуночи мы узнали, что в другом месте русские прорвали фронт и перегруппировываются, чтобы прорываться дальше в глубь немецких позиций. Для меня и моих товарищей это означало временную передышку от атак на нашем участке. К этому моменту наши потери были уже столь велики, что мы не выдержали бы еще одного дня такого же натиска советских войск. Для бойцов, изнуренных голодом, ранами и болезнями, эта отсрочка была жизненно важна. Долгие дни мы питались только солеными огурцами и яблоками, которые нашли в русских хатах. Даже обладавшие самыми крепкими желудками страдали от эффекта, производимого этой нездоровой смесью. У каждого была диарея. При этом, поскольку во время боя нет возможности сходить в туалет, а сменного нижнего белья у пехотинцев также не оставалось, каждое выпускание газов становилось рискованным. Таким образом, в штанах у некоторых немецких солдат порою разыгрывались целые драмы. В грязных трусах,

неприятно пахнущие, но сплоченные бойцы начали реорганизацию своих позиций.

Наш отдых едва ли продолжался неделю. За время него мы смогли перевести дух, отоспаться, заняться личной гигиеной и восстановить свои силы нормальной пищей. В частности, важность личной гигиены нельзя приуменьшить. У Вермахта были веские основания следить за физическим состоянием своих солдат. Во время подготовки и пребывания в казармах неотъемлемым элементом обследования солдат была проверка гениталий. Капитан медицинской службы вместе с несколькими санитарами наносил неожиданные визиты в роту, и все ее бойцы должны были собраться в одном помещении, раздеться и выстроиться в шеренгу. Доктор осматривал их гениталии, проверяя их на наличие первых признаков венерических заболеваний, воспалений и микозов, которые были результатом недостаточной личной гигиены. За грязный пенис полагалось дисциплинарное взыскание, и поэтому многие бойцы, услышав, что их сзывают на медосмотр, тут же спешили привести в порядок свои члены при помощи носового платка.

Для бойцов, столкнувшихся с невозможностью поддерживать чистоту своего тела во время непре-кращающихся боев, было очень важно заниматься личной гигиеной при каждой возможности. Пренебрежение к этому могло стать причиной многих недомоганий и впоследствии привести к серьезным болезням. Микозы, чесотка, вши и фурункулы — все это было частью солдатского существования. Бойцы использовали каждую возможность постирать свою одежду и избавиться от вшей. Это стало почти ритуалом, что немецкие пехотинцы осматривали друг друга и свою одежду, ища вшей и других паразитов. По двое — по трое они собирались вокруг подвешенной на проволоке свечи, установленной в жестяную крышку от коробки из-под крема для обуви. Свеча раскаляла жестяную крышку, и в нее бросали каждого найденного паразита, который погибал с тихим шипением к злорадному восторгу пехотинцев.

Через несколько дней, за которые полк смог только частично восстановить свои защитные сооружения, на немецких стрелков снова обрушился удар в полную силу нового наступления русских. И это опять означало безжалостную борьбу за выживание. Несмотря на редкие немецкие успехи и контратаки, численное превосходство русских вскоре дало знать о себе, и солдатам Вермахта под их напором пришлось оставлять позиции. Тем не менее захват немецких позиций был крайне бессистемным, и линия фронта постоянно колебалась, пока не дошло до того, что вообще не стало какой бы то ни было

определенной линии фронта. Связь между немецкими частями была перерезана. Результаты боев стали неясны, и каждая часть, казалось, сражалась за саму себя. С психологической точки зрения, это была уникальная ситуация, в которой нестабильность фронта, огромное давление кровопролитных боев и постоянный страх быть отрезанным создавали огромный риск начала паники. Однако беспорядочное бегство привело бы немецкие войска к катастрофе и уничтожению, поскольку тогда враг смог бы продвигаться вперед, не встречая сколь-либо серьезного сопротивления, и целые части Вермахта оказались бы истреблены. Тем самым немецкая армия понесла бы колоссальные потери в бойцах и матчасти.

В то же время паника — это нечто глубоко человеческое. Она заложена в инстинктах и является последней возможностью спасти себя от опасности. Однако при этом паника означает отказ от организованного и сплоченного сопротивления и, по сути, кладет конец существованию военной части как таковой. И если паника охватывает основную массу бойцов, то остановить ее уже невозможно. В этом случае необходима почти сверхчеловеческая воля, чтобы остаться твердым и контролировать свое желание обратиться в бегство. Теперь, после двух дней непрекращающихся боев, которые завершались рукопашными схватками с использованием лопат и винтовочных прикладов, первые признаки паники появились и среди горных стрелков. Отдельные солдаты думали о том, чтобы сбежать с передовой, и некоторые из них, поддавшись отчаянию, действительно так поступали.

Как только панические настроения начали нарастать, офицеры и сержанты принялись усиленно бороться с ними, подавая своими собственными действиями яркие примеры мужества и воли к борьбе. Они могли предотвратить распад своей части, только руководя с передовой и сражаясь плечом к плечу со своими бойцами. В 3-й горнострелковой дивизии подобный стиль руководства был частью ее боевого характера, и это обеспечило ее выживание как сплоченного формирования до самого последнего дня войны.

Но вернемся ко мне. Среди кровавой бойни, я, завороженный ужасом происходящего, смотрел, как двое русских запрыгнули в соседний окоп, где в этот момент находилось несколько моих товарищей. Немецкие стрелки казались парализованными страхом. Но один из них все-таки инстинктивно бросился с лопатой в руках на одного из русских и рассек ему лицо. Однако другой русский мастерски владел штыком. С кошачьей плавностью движений он парировал каждую атаку оставшихся шестерых немецких солдат. Я рвался помочь своим товарищам,

тщетно ища возможность точно выстрелить в клубок бойцов, схватившихся в рукопашной. Мне оставалось только смотреть, как один за другим мои товарищи были заколоты насмерть. Казалось, сама судьба отдала их на откуп мастерству и безжалостной решимости русского. Вместо того чтобы наброситься на него всем сразу, мои товарищи позволили прикончить себя по одному. Они действовали так, словно потеряли надежду выжить. И это продолжалось, пока русский не сбил с ног самого последнего стрелка и замахнулся, чтобы убить его, но я сумел остановить советского солдата метким выстрелом. Выживший немецкий боец, не до конца веря в реальность происходящего, смотрел вверх, когда прямо перед ним пуля разворотила лицо противника. Осколки костей и обрывки тканей забрызгали моего товарища, его лицо и униформу. В этот момент к нему вернулась воля к жизни, пробужденная неожиданным спасением. Выскочив из траншеи, немецкий стрелок пополз в окоп ко мне.

В этом эпизоде наглядно отразилось одно из внутренних качеств, необходимых снайперу. В значительно большей степени, нежели в способности к меткой стрельбе, он нуждается в особом даре самоконтроля, позволяющем своевременно реагировать и действовать с автоматизмом даже в ситуациях, которые кажутся безнадежными. Каким бы неотъемлемым от мастерства снайпера ни казалось умение находить цель и делать по ней точные выстрелы, но умение столь же грамотно обращаться с оружием во время пехотного боя гораздо важнее. Снайперы, обладавшие им, всегда оказывались лучшими бойцами, чем солдаты, которые были хорошо подготовлены лишь в технических и теоретических аспектах своего ремесла. Молодые снайперы, попадавшие на фронт сразу после прохождения подготовки и не имевшие опыта, всегда успевали сделать лишь около пятнадцати или двадцати выстрелов, прежде чем становились мишенью для интенсивного огня врага. Их наиболее фатальными ошибками были неловкий выбор позиции, который не позволял стремительно и незаметно ее покинуть, нежелание избегать огня противника и слишком долгая стрельба с одной позиции. На снайпера, чье местоположение заметили, всегда обрушивался огонь тяжелых пехотных орудий, таких как минометы. И если у него не было возможности незаметно скрыться, то ему оставалось лишь бежать по открытому пространству так быстро, как он только мог. Среди немецких снайперов это называлось «заячьими прыжками», поскольку в подобных случаях снайпер должен был неожиданно выскочить из своей ячейки и побежать к выбранной заранее новой позиции, делая отчаянные и непредсказуемые для врага зигзаги. Подобный бег под огнем противника требует огромной силы воли

и очень крепких нервов. Неопытные солдаты обычно предпочитали оставаться на своих позициях, нежели идти на подобный риск, и в результате неизбежно погибали.

Как ни храбро сражалась 3-я горнострелковая дивизия, но части Красной Армии столь глубоко проникли в ее линии обороны на юге, что перед ней встала угроза окружения. Русские крепко вбили клин в немецкий фронт и теперь были готовы нанести решающий удар. В последний момент, как раз перед началом их завершающего штурма, 31 октября 1943 года, прибыл приказ отступать за Днепр. Однако при этом немецкая армия должна была сохранить плацдарм вокруг марганцевых шахт под Никополем, чтобы поставка их продукции в Германию продолжалась так долго, как только возможно. Этот плацдарм должна была удерживать 3-я горнострелковая и восемь других дивизий. Все они были измотаны боями и сократились до четверти от своей регулярной численности. У них оставалось лишь три недели на подготовку позиций и организацию обороны.

В дивизии поступило скудное обеспечение, включавшее среди прочего новую зимнюю униформу. Это были двусторонние костюмы из хлопка с толстой байковой подкладкой, состоявшие из двубортной верхней куртки и верхних брюк. Одна сторона костюмов была белой для использования в зимних условиях, а другая камуфляжной — для других сезонов. Однако первые восторги солдат, получивших эту теплую одежду, быстро угасли. Тонкая ткань с внешних сторон костюмов быстро рвалась, и подкладка начинала впитывать влагу, после чего униформа не только становилась тяжелой, но и переставала защищать от холода. В морозы мокрая подкладка даже леденела. То же происходило и с новыми кожано-войлочными сапогами. Вскоре пехотинцы столкнулись с еще одной проблемой: материал, из которого была сделана подкладка, оказался практически идеальной средой обитания для вшей, которые прятались в ней от преследований своих «хозяев». За зиму костюмы настолько наполнились вшами, что в начале весны их стирали вместе с ними. Мало того, вскоре немецкие стрелки обнаружили, что костюмы можно использовать только при «сухом» холоде, да и то, когда им не приходилось слишком много перемещаться. Дело в том, что костюмы надевались поверх полевой униформы, и когда солдаты потели, то пот не мог высохнуть быстро на толстой ткани. В результате резко увеличилось количество больных простудой и гриппом. Неудивительно, что когда в конце холодного периода дивизия начала отступать, весь ее путь был обозначен сотнями выброшенных зимних костюмов. Такие следы 3-я горнострелковая дивизия оставляла до конца войны.

Пехотинцы на горьком опыте убедились, что толстое нижнее белье, накидки и плащ-палатки гораздо надежнее таких зимних костюмов.

Весной 1944-го я сумел убедить полкового портного сшить мне камуфляжную рубашку, которая надежно служила мне в течение долгого времени. Тем же способом я заполучил и легкий белый костюм для маскировки в снегу, который можно было скрутить так, что тот занимал совсем немного места и его становилось удобно носить с собой. Тонкая хлопковая ткань этого костюма не сковывала движений снайпера, даже когда намокала. К тому же, как и камуфляжная рубашка, она очень быстро сохла.

Глава пятая. НЕ ПОБРИВШИСЬ, НЕЛЬЗЯ СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА СМЕРТИ

Бои на некоторое время свелись к вылазкам патрулей и снайперов. Я каждый день выходил на охоту, чтобы создать атмосферу беспокойства в русских окопах. Для своих целей я приспособил подбитый танк, стоявший на нейтральной территории между русскими и немецкими позициями. Я залезал под него до наступления рассвета и, находясь под его защитой в течение дня, просматривал русские позиции и стрелял по ним через просвет между траками танка.

Что необычно, я использовал это укрытие в течение четырех дней, за которые увеличил свой снайперский счет на пять попаданий. На своей позиции под стальным колоссом я ощущал себя в полной безопасности, поскольку у русских не было тяжелых орудий, и вполне осознанно нарушал железный закон снайперов: не оставаться слишком долго на одном и том же месте. Но русские вскоре стали невероятно осторожны, и мне стало трудно найти цель. Тогда на пятый день я решил взять с собой наблюдателя. Выбор пал на Балдуина Мозера, тирольца, с которым я подружился несколько недель тому назад. Добираясь до восхода солнца к подбитому танку, мы не подозревали о том кошмаре, который нам предстояло пережить в ближайшие часы. Ни один из нас не чувствовал близость страшной смерти, которую судьба уготовила наблюдателю. Я был уверен в безопасности своей позиции, хотя и стрелял с нее много раз. У советских войск на этом участке фронта еще не было артиллерии, а броня подбитого танка могла защитить от всего остального. Точнее, почти от всего. Я не подозревал, что меня подстерегает гораздо большая опасность — русский снайпер, знавший свое дело так же хорошо, как и я сам.

На востоке показалось огненно-красное утреннее солнце, посылавшее свои первые лучи на бескрайнюю степь, когда я и Балдуин разместились под танком и начали просматривать позиции врага в поисках беззаботной жертвы. Балдуин поднял свой бинокль лишь немного выше, чем следовало, но слабого отблеска от его линз было достаточно, чтобы сказать русскому снайперу о том, что его противник занял свое логово. Находясь на своей хорошо замаскированной позиции, русский установил свою винтовку в огневое положение и стал внимательно ждать еще одного блика. Менее чем минуту спустя он сделал выстрел. Именно в этот момент его заметил и Балдуин, который шепнул:

— Эй, Йозеф, там, два пальца в сторону от холмика, движ...

Второй гулкий удар мгновенно последовал за первым, и позади меня раздался звук, похожий на хлопок в ладоши. Кровь и обрывки тканей забрызгали левую сторону моего лица. Я повернулся к Балдуину и увидел чудовищную гримасу у него на лице. Пуля русского снайпера отрикошетила от бинокля наблюдателя и разворотила его рот, оторвав его губы, зубы, подбородок и половину языка. Полными паники глазами Балдуин уставился на меня, из его разорванного рта со странным бульканьем вырывалась вспенившаяся кровь. Я незамедлительно отполз глубоко под танк, таща за ноги Балдуина за собой. Покинуть позицию до наступления темноты было невозможно, поскольку это означало верную смерть от рук вражеского снайпера. Поэтому мы были обречены ждать. Я ощущал себя беспомощным и не мог никак помочь своему тяжело раненному товарищу. Здесь не могли помочь ни бандаж, ни давящая повязка. Единственной надеждой на спасение для Балдуина была скорая и квалифицированная помощь профессиональных медиков. Но где ее было взять? Мне оставалось только смотреть, как обрывок языка моего друга опухал до размеров детского мячика, постепенно перекрывая его дыхательные пути. Я попытался прижать язык Балдуина к краю рта, но от этого наблюдателя начинало тошнить и ему поступало еще меньше воздуха. Его можно было спасти, только зажав его язык в какой-то цилиндр или отрезав его. И мне не оставалось ничего, кроме как смотреть на тщетную борьбу за жизнь моего товарища.

Балдуину становилось все тяжелее дышать, с каждым новым конвульсивным спазмом в его легкие попадало все больше крови. Он начал медленно задыхаться. Я пытался поддерживать его под грудь. Ощущая свою беспомощность и бесполезность, я говорил другу держаться, что он справится с этим, что скоро придет помощь. Перед самой смертью Балдуин схватил мою руку, его пальцы конвульсивно вцепились в нее, но я даже не почувствовал этого. Балдуин взглянул на меня в последний раз с неизмеримой глубиной и тоскою, и его глаза, казалось, почти исчезли с лица. Он сжал свои руки, словно хотел махнуть ими на прощание, и его тело задрожало. Затем глаза Балдуина остекленели, и тело обмякло, освободившись от мучений. Через несколько минут напряжение внутри меня вылилось в безудержные рыдания от беспомощности, страха и постоянного напряжения в борьбе за выживание.

Не имея возможности действовать, я провел остаток дня над телом мертвого друга, вынужденный также следить и за происходящим вокруг. Голова моя была пуста. В ней не осталось

ни мыслей, ни чувств, словно их смыло слезами. Наконец, ко мне вернулось хладнокровие, и я почувствовал себя еще более расчетливым, жестким и безжалостным. В одно из мгновений этого дня, который казался бесконечным, я вдруг заметил, что мы с Балдуином не брились в течение нескольких дней. Развороченное лицо с окровавленной щетиной делало труп до отвращения уродливым. Это кажется абсурдным, но я в тот момент подумал именно об этом и решил, что не могу позволить себе, чтобы мой труп выглядел так же, если меня постигнет такая же судьба. И я дал себя клятву, что с этого дня буду бриться каждый день, если это только будет возможным. Я удерживал эту мысль в себе до конца дня, чтобы не думать больше ни о чем другом и спасти свою психику. И после этого я действительно сдержал свое слово, взяв за правило не смотреть в глаза смерти, не побрившись.

С наступлением сумерек я вытолкнул тело Балдуи-на из-под танка и под прикрытием темноты оттащил его к немецким позициям. Я доложил о случившемся командиру роты и вручил ему солдатский опознавательный знак Балдуина. Утром я вместе с еще одним товарищем вырыл могилу для погибшего друга. В степи не росло деревьев, чтобы сделать крест, и мы положили на могильный холм лишь его стальную каску. Вместе с Балдуином я похоронил еще одну часть того человеческого, что было во мне самом, и еще полнее принял беспощадные законы войны.

В ту же ночь немецкие военные инженеры заминировали подбитый танк и подвели к нему провода, которые должны были вызвать детонацию. И на следующее утро танк был демонстративно взорван. Это было сделано, чтобы русские сами не открыли по нему артиллерийский огонь, который подверг бы серьезной опасности немецкие позиции, что оказалось правильным решением, поскольку в итоге враг бездействовал еще некоторое короткое время. Однако через несколько дней началось новое русское наступление на позиции немецких стрелков, которое прошло как раз через могилу Балдуина. Гусеницы танков сровняли ее с землей, и Балдуин стал частью бескрайней русской степи и безымянным фрагментом истории, подобно десяткам тысяч других солдат, чьи молодые жизни были отняты у них.

Атаки русских начались 20 ноября. Они осуществлялись с меньшей решимостью, нежели раньше, а потому отражать было гораздо легче. Однако несмотря на это, бои потребовали полного напряжения от бойцов Вермахта и приносили много жертв, что впоследствии серьезно ослабило силы немцев. Ночью с 24 на 25 ноября советские войска подготовились к гораздо более массированной атаке, которая вовлекла 3-ю горнострелковую

дивизию в очередную безжалостную мясорубку, особенно в секторе 144-го полка. Во время подготовки русские собрали 200 танков и несколько пехотных полков. Пятьдесят из этих танков были направлены в сектор, удерживаемый 144-м полком.

В 5.00 грохот артиллерийских орудий пробудил немецких стрелков от тревожного сна. Инстинктивно они вжимались в свои ячейки. Артподготовка длилась около часа, в течение которого каждый из них оставался наедине со своим страхом. Когда над ними свистели осколки, бойцы Вермахта прилипали к земле и бормотали короткие молитвы. С первыми лучами рассвета артиллерийский огонь резко прекратился, сменившись грохотом и скрежетом огромного количества танковых гусениц. Едва ли имея хоть какое-то оружие, пригодное для уничтожения танков, немецкие бойцы собрали все свое мужество, чтобы остаться на своих позициях, на которые устремились две танковые бригады и сопровождавший их гвардейский корпус.

Танки делали первый заход в направлении позиций 144-го полка. Немецкие стрелки сосредоточили свое внимание преимущественно на русской пехоте, бойцы которой ехали на броне танков. Как только они спрыгнули с брони, мгновенно разгорелся жесточайший рукопашный бой, распространившийся вплоть до штабов 2-го батальона и 7-й роты. Во второй волне атаки русские бросили на немцев огнеметные танки. Нечеловеческий вой объятых огнем бойцов, стоны раненых и запах горелой человеческой плоти пошатнули боевой дух уцелевших солдат Вермахта. Организованное немецкое сопротивление рухнуло, но и отрезанные друг от друга группы стрелков продолжали сражаться до последнего патрона, до последнего ножа. Сотни немецких бойцов погибли в этой жесточайшей схватке, где были отброшены последние нормы военной этики. Никто не брал пленных и не щадил раненых.

В то время как восприятие огня артиллерии имело сходство с восприятием непреодолимой и неизбежной силы стихии, противостояние танковой атаке потребовало от немецких бойцов напряжения последних резервов воли и самоконтроля. Каждая клетка их тела сжималась, и внутренний голос звал убежать и спастись, когда среди тишины, наступивший после артудара, начал нарастать грохот танковых траков, к которому вскоре добавились глухие разрывы снарядов. Адреналин ударял в кровь немецким пехотинцам, их мышцы дрожали от предвкушения схватки, когда они методично готовили к бою свое оружие и гранаты.

Русские были всего в ста метрах от них, когда раздался приказ открыть огонь, и стрелки получили возможность сбросить

с себя мучительное напряжение ожидания. Танки уже врезёшись в позиции. Я внимательно разглядывал русских бойцов, толпившихся вокруг боевых машин, стараясь выявить командиров по их обмундированию и оружию. Опытные русские солдаты, сидевшие на танках, немедленно спрыгивали с них и открывали огонь, укрываясь за своими машинами. Это замедлило атаку, но если бы они оставались на броне, я продолжал бы стрелять по ним до тех пор, пока это оставалось возможным. Я всегда заканчивал выстрелом в запасной бензобак, привешенный к танку сзади. Если выстрел оказывался удачным, то бензин стекал через вентиляционные отверстия в моторное отделение, что порою приводило к самовозгоранию двигателя и останавливало танк. Борясь за свои жизни, я и мои товарищи стреляли по каждому, кто оказывался перед дульным срезом их оружия, но русские шли напролом, не считаясь с потерями. К тому же у стрелков не было оружия против танков, и их легкие минометы оказались бесполезными против штурмовавших. Враг стремительно приближался, и уже можно было различить лица русских солдат.

Плотный огонь оборонявшихся удерживал русскую пехоту на расстоянии около сотни метров от их позиций. Но двадцать танков без остановки ползли на стрелков в моем секторе с нарастающим рокотом моторов. У бойцов было наготове несколько оставшихся у них противотанковых гранат, помимо них у немецких пехотинцев были только связки ручных гранат, которые, попадая под гусеницы танка, порою могли повредить один из его траков и таким образом остановить его. Но оборонная тактика такого рода требовала значительного приближения к машинам врага. Чтобы подобраться к ним столь близко, была необходима невероятная степень самоконтроля. Стрелковые ячейки пехотинцев могли служить укрытием лишь до тех пор, пока машина врага находилась на расстоянии более 10 метров от них. Когда до танка оставались эти последние метры, стрелок должен был действовать незамедлительно, поскольку, стоило танкистам заметить местонахождение ячейки, они старались проехать по ней, чтобы сровнять ее с землей и похоронить заживо всех, кто в ней был. А так как у немецких бойцов было довольно ограниченное количество противотанковых гранат, то они выдавались самым опытным солдатам. Когда танк приближался к окопу на критическое расстояние, боец выпрыгивал из своей ячейки и бросался к танку, чтобы бросить гранату, целясь в башню, в моторный отдел или в ходовую часть. Но это удавалось лишь немногим, поскольку русская пехота делала все возможное, чтобы помешать этому. В результате моим товарищам таким способом удалось вывести из строя и остановить лишь пять

танков. Остальные боевые машины ровняли с землей немецкие позиции. Бойцы с тревогой сжимались в своих окопах и ячейках.

Я припал к земле на своей позиции, когда ко мне с грохотом и ревом стал приближаться стальной колосс. Не всем стрелкам удавалось контролировать свой страх. И теперь они выпрыгивали из окопов в надежде спастись оголтелым бегством, но огонь русской пехоты безжалостно сражал их наповал. В тридцати метрах передо мной пехотинец выскочил в надежде спастись подобным образом, но затем, петляя, устремился обратно к траншее своих товарищей. Однако на полпути русский пулемет остановил его бег очередью по ногам. А на раненого уже надвигался, гремя гусеницами, Т-34. Немецкий солдат старался отползти, работая локтями и волоча за собой перебитые ноги. Неожиданно он замер на месте, концентрируя угасающие силы для последней отчаянной попытки спастись от танка. Собрав остатки самоконтроля, он позволил стальному монстру подойти на расстояние всего нескольких метров от него, а затем откатился в сторону со всей силой и скоростью, на какие был способен. Однако по воле случайности или благодаря интуиции водителя — вопрос без ответа, как часто бывает на войне — танк, подобно магниту, следовал за каждым перемещением раненого, пока тот не рухнул от боли и отчаяния.

Траки Т-34 безжалостно поехали по перебитым ногам стрелка. Тело пехотинца приняло сидячее положение, словно он хотел обнять своего механического мучителя. За секунды его конечности были отдавлены монстром. Пребывая в ужасе от разыгранного врагом спектакля, я лишь через несколько мгновений осознал, что мой товарищ, охваченный болевым шоком, не издает ни звука. Когда гусеницы поехали по его тазу, солдат оскалил зубы, как лошадь, его лицо растянулось в дьявольской нескончаемой ухмылке, побагровело и распухло, как дыня. Затем его тело буквально лопнуло. Униформа, кости и кишки смешались в месиво страшного цвета, когда грудь и голова немецкого пехотинца исчезли под танком. То, что осталось после этого, представляло собой не более чем вдавленную в землю и смешанную с грязью бесформенную и отвратительную на вид массу, которая должна была скоро впитаться в почву матери-России, не оставив о себе памяти.

Через несколько минут, к удивлению немецких бойцов, русские танки продолжили свой путь, не принимая дальнейшего участия в бою. Очевидно, было что-то не в порядке в связи между танками и пехотой, либо же советские командиры недооценили численности немцев. В любом случае, с исчезновением танков, которые теперь двигались в сторону немецкого тыла, к стрелкам

вернулось их мужество, и они, исполненные желания мстить, ринулись на незащищенную русскую пехоту.

Судьба снайперов, обнаруженных противником, всегда оказывалась незавидной. Их боялись и ненавидели, а потому, заметив их, всегда обрушивали на них самый интенсивный огонь. Снайпера же, который попал в плен, ждала жестокая расправа. По этой причине я принимал меры предосторожности перед каждой атакой, чтобы быть уверенным, что я смогу спрятать свою винтовку, если это будет необходимо. На этот раз я приготовил тайник для нее под несколькими ящиками из-под боеприпасов. Как раз перед тем, как русские атакующие достигли немецких траншей, я положил свое снайперское оружие в заранее вырытую яму, а вместо него взял в руки свой пистолет-пулемет MP40.

Русские с громкими криками ворвались на немецкие позиции, и разгорелся беспощадный ближний бой. Движимые примитивным инстинктом самосохранения, бойцы противоборствующих сторон набрасывались друг на друга. Приклады винтовок глухо ударялись, раскраивая перекошенные лица. Очереди, выпущенные из пистолетов-пулеметов, превращали животы в кровавое месиво. Лопаты вгрызались в плечи и спины. Штыки и ножи пронзали тела. Среди криков, хрипов, стонов, выстрелов, дыма, пара, пота и запаха крови терялось все человеческое, даже если оно хоть в какой-то степени существовало до этого. Или именно здесь открывалось настоящее человеческое лицо? Человек, в конце концов, это всего лишь одно из позвоночных животных, всего лишь одно из звеньев дарвиновской борьбы за выживание, руководствующееся простым законом: убивать или быть убитым. И его интеллект выступает скорее как еще одно оружие, нежели как дар самосовершенствования.

Мертвый русский свалился в траншею, подобно мешку с картошкой, и своим весом придавил меня к земле. В то же мгновение вниз спрыгнул еще один советский боец, но его штык, чей удар предназначался мне, вошел в труп и завяз между ребер. За те несколько секунд, пока русский высвобождал свое оружие, я успел выкатиться из-под тела покойника и навалился на врага. Я со всей силы ударил русского ногой в пах. Глухой хруст, напоминавший звук ломающегося печенья, ясно говорил о том, что стальная подкова моего ботинка переломала лобковую кость противника. Русский повалился на спину, изогнувшись в агонии. Я схватил его за горло и большим пальцем сдавил глотку. Русский с хрипом сделал последний вдох, и его глаза едва не выскочили из орбит. Краем глаза я увидел тень над собою и инстинктивно увернулся, так что удар винтовочного приклада

отрикошетил по моей каске. На мгновение ошеломленный, я откатился в сторону и закрыл лицо руками, когда враг вновь замахнулся прикладом. Но удара не последовало. Нападавший получил выпущенную в спину с близкого расстояния очередь из пистолета-пулемета. Кровь и обрывки тканей забрызгали все вокруг меня. Я вскочил как раз вовремя, чтобы увидеть как товарища, спасшего меня, другой русский проткнул штыком, который вошел прямо в почки, и тот застыл подобно соляному столбу. В овладевшей мной ярости я схватил лежавшую передо мной винтовку убитого русского и с размаху ударил прикладом в лицо солдата, убившего моего товарища, до того, как тот успел высвободить свой штык.

Охваченный яростью, я потерял чувство времени, страха и даже боли. В один из моментов боя, когда рядом со мной взорвалась ручная граната, комок грязи ударился о мое лицо, и я почувствовал резкую боль в области рта и носа. Теперь, когда бой закончился, я ощутил во рту вкус крови и понял, что все мое лицо и шея были залиты ею так, что стали липкими. Атака закончилась столь же быстро, как и началась. Небольшая кучка стрелков стояла посреди сцены кровавой бойни, которая напоминала средневековое поле боя, полное стонов, криков умирающих и мертвых солдат.

— Йозеф, старина, твоей голове здорово досталось. Дай-ка гляну! — товарищ начал осматривать мое лицо.

Правая ноздря оказалась оторванной, а в моей нижней губе было несколько небольших металлических осколков. Но не оставалось времени, чтобы поделать с этим что-нибудь прямо сейчас. К нам с криками уже приближалась новая волна русских. Немецким стрелкам пришлось спешно подхватывать оружие и боеприпасы своих павших товарищей и занимать позицию в двухстах метрах от передовой, где к ним присоединились выжившие бойцы из других рот. Я был вынужден оставить свою русскую снайперскую винтовку в тайнике.

Небольшой группе, состоявшей менее чем из двадцати стрелков, повезло меньше. Они не могли добраться до траншеи, занятой мной и моими товарищами, и отчаянно сражались на своей позиции, пока у них не закончились патроны. Тогда пятеро оставшихся в живых вылезли из окопа с поднятыми руками. Их под конвоем увели прочь, по пути ударяя винтовочными прикладами.

И хотя в целом ситуация выглядела безнадежной, но стрелкам удалось отделить пехоту русских от танков. Последние были уничтожены в дуэли с немецкими штурмовыми орудиями 88-й батареи. Таким образом, прорыв в немецкий тыл на их

участке был ликвидирован. Уцелевшие пехотинцы услышали по радиосвязи, что два штурмовых орудия отправлены им на поддержку. С их прибытием полк должен был ринуться в немедленную контратаку, чтобы вернуть свои прежние позиции. А пока нужно было держать оборону. Обе противоборствующие стороны постарались перегруппироваться. Я теперь был вооружен обыкновенным карабином Mauser K98. Однако мой невероятный талант к точной стрельбе оставался со мной даже без оптического прицела, и я сумел, стремительно делая один точный выстрел за другим, остановить атаку патруля, который выполнял разведку боем. При этом я вел стрельбу, находясь в общей массе своих товарищей, также открывших оборонительный огонь, и это позволило мне не быть вычисленным русскими.

Едва ли прошел час, и штурмовые орудия прибыли. Немцы тут же развернули контратаку. У нас оставалось всего около восьмидесяти стрелков, способных принять в ней участие. Но, поддерживаемые двумя прибывшими орудиями, мы пошли вперед. Русские в ходе своей атаки из-за совершенного ими тактического просчета уже понесли значительные потери, и им было некем пополнить свои ряды. Неожиданное немецкое наступление вызвало у них удивление, которое можно было заметить даже со стороны. В результате советская пехота стремительно отступила на свои позиции, без боя сдав немцам захваченные рубежи. Я немедленно ринулся посмотреть, что сталось с моей снайперской винтовкой, и обнаружил ее нетронутой под ящиками из-под боеприпасов.

Немецкая атака развивалась столь молниеносно, что командир решил устремить ее дальше к советским позициям. Вновь оказавшись со своей снайперской винтовкой в руках, я начал уничтожать врагов своими быстрыми меткими выстрелами, особенно стараясь поражать их командный состав, чтобы у русских не получилось эффективной обороны. Без танков и пехотных орудий советские передовые позиции начали постепенно отодвигаться назад под напором немцев. Многие русские бойцы, считавшие, что они находятся на достаточном удалении, чтобы быть в безопасности, погибли от моих метких выстрелов. Что за ирония судьбы, ведь я стрелял из русской винтовки! В боевых ситуациях, подобных этой, маскировка совершенно не имела значения для снайпера. От него требовалось просто найти защищенную позицию с хорошей зоной ведения огня, откуда он мог бы стрелять так долго, насколько это было возможным, а затем переместиться на другую позицию, как только по нему открывали огонь или с перемещением боевых действий на другой участок.

Только после того, как атака русских была отбита, ко мне подошел сержант медицинской службы, чтобы осмотреть мои раны. Он приложил тампон к моему носу и забинтовал его, а осколки из губы извлек с помощью магнита. Раны не были серьезны, и я остался на передовой вместе со своими товарищами.

Русская линия обороны рухнула перед лицом решительной атаки немецких стрелков, и я вместе с одиннадцатью товарищами устремился в глубь позиций врага. Мы больше не встречали сопротивления и находили только мертвых и тяжело раненных русских. Но напряжение не спадало, поскольку в глубине русских позиций оставались хорошо укрепленные блиндажи, в которых нас могли поджидать солдаты противника. Тщательно прикрывая друг друга, мы подобрались к одному из блиндажей. Из него раздавались странные булькающие звуки. Один из горных стрелков закричал на русском:

— Сдавайтесь! Выходите с поднятыми руками!

Однако на это не последовало никакого ответа, и он сделал несколько очередей в глубь блиндажа из своего пистолета-пулемета MP40. При этом он не заметил никакого движения внутри, но странный звук не затих. Стрелок осторожно полез в полутемный блиндаж, в который через дыру в крыше немного проникали солнечные лучи. Едва ступив туда, он сразу громко позвал товарищей. Войдя, я был поражен страшной жестокостью увиденного. В блиндаже находились пятеро наших боевых товарищей, которых русские взяли в плен несколько часов тому назад. С бульканьем и пеной из перерезанного несколькими минутами раньше горла каждого из них лилась кровь. Обратившись в бегство, услышав звуки немецких выстрелов, русские, охранявшие пленных, решили не брать их с собой. Ноги умирающих дергались в агонии, их руки беспомощно царапали землю. Мы не могли им помочь. Казалось, что прошло слишком много времени, прежде чем страдания наших товарищей подошли к концу и тела стали неподвижными.

События, подобные этому, делали меня твердым и безжалостным. Они сеяли во мне семена ненависти, которые оправдывали убийство каждого без исключения врага, оказавшегося на прицеле моей винтовки. Подобные чувства переживали обе противоборствующие стороны. И у каждого бойца, немецкого и русского, были свои мотивы для возмездия врагу, оправдывавшие их действия на поле боя.

Мои сослуживцы также не были милосердны к пленным. Я видел, как захваченный в плен русский сержант оказался в руках немецких пехотинцев, разъяренных страшной смертью в плену

своих пятерых товарищей. Они требовали от него информацию о позициях противника, его численности и планах. И их не волновало, что сержант из-за своего низкого ранга попросту не мог знать ничего этого. Они просто пользовались случаем, чтобы отомстить. Сведения, рассказанные русским, были крайне скудными и не устраивали допрашивавшего лейтенанта и помогавших ему бойцов. Они начали бить его, чтобы он рассказал больше. Конечно, он все равно не смог рассказать им о том, что они хотели услышать. Но даже если б и смог, это ничего бы не изменило. Тогда они нашли бы себе другое оправдание.

Избиение становилось все более жестоким, и допрос с пристрастием превратился в типичную пытку. Под конец одному из избивавших пленного пришла в голову идея загонять ему под ногти заточенные спички. Русский начал дико кричать от боли, но это только распаляло его мучителей. Однако вскоре появился опытный немецкий сержант, который положил этому конец.

— Прекратить эту херню! Вы не лучше иванов, — он вытащил из кобуры свой «парабеллум», приставил ствол к шее русского и нажал на спусковой крючок.

Пуля разорвала череп русского, и его мозги разлетелись в разные стороны. Увиденное пробудило совесть внутри допрашивавших. Они опустили головы, и даже лейтенант не стал отчитывать сержанта за нарушение субординации. Казалось, что звук выстрела вывел его из транса.

27 ноября 1943 года русские прекратили наступление. Немцам удалось отстоять плацдарм, но дорогою ценой. Численность 144-го полка сократилась до четверти от номинальной. Около трех недель на плацдарме царила обманчивая мирная обстановка. С наступлением зимы бои свелись к редким вылазкам разведывательных патрулей, эпизодическому ведению беспокоящего огня и незначительным перестрелкам. Но ледяной дождь, грязь и, наконец, мороз и снег лишали мужества измотанных немецких пехотинцев.

У нас практически не было питьевой воды, и пить приходилось из луж и ручьев. В результате среди бойцов начала распространяться дизентерия и желтуха. Теперь мы с крайней бережливостью стали использовать ту чистую воду, которая у нас была. На утренний туалет я и мои товарищи тратили ровно столько воды, сколько могли набрать в рот, сделав один большой глоток из фляжки. Эту воду мы держали во рту и сначала выпускали лишь немного ее, чтобы помыть руки, потом еще немного выливали в сложенные пригоршней ладони, чтобы помыть лицо, а остатками полоскали зубы и потом глотали эту воду.

Бойцы выглядели, как привидения. Еще недавно мое мальчишеское лицо теперь скорее походило на лицо сорокалетнего мужчины. Мои глаза впали в глазницы, а их выражение стало злым и жестоким, что было результатом тех бесчеловечных событий, свидетелем которых я становился каждый день. Война сделала мои черты похожими на высеченные из гранита. Мне было всего девятнадцать, но у меня было беспощадное лицо бывалого воина.

Теперь я каждый день выходил на снайперскую охоту. Мои меткие выстрелы порождали страх и тревогу на позициях русских. В то же время я возвращался к своим с важной информацией о вражеских танках, артиллерии, позициях и перемещениях войск.

Пополнения и количество боеприпасов, оружия и провианта, поступивших к немцам, были очень незначительными, в то время как русские имели возможность получать из Центральной России огромные массы бойцов и обеспечения без перебоев и не боясь, что к этому возникнут какие-либо препятствия. В результате советские войска 19 декабря смогли развернуть новое наступление на немецкий плацдарм силами десяти полных дивизий. Не имея в районе плацдарма такого опасного противника, как Люфтваффе и зенитная артиллерия, русские пикирующие бомбардировщики и истребители также внесли в атаку свою лепту. На немецкие позиции двигались бесконечные ряды танков и пехоты, и за двенадцать дней непрекращающихся боев 3-я горнострелковая дивизия была практически полностью уничтожена. В некоторых местах всего двое немецких стрелков были вынуждены защищать сто метров передовой против пятидесятикратно превосходящего количества русских. Добавим к этому, что стойкость даже самых опытных немецких бойцов оказалась подорвана напряжением постоянного и непрекращавшегося страха. 30 и 31 декабря среди немецких солдат было несколько взрывов паники, но в критической ситуации полковой адъютант и офицер по вооружению проявили отчаянную храбрость. Они объехали передовую на мотоцикле и сплотили солдат своим присутствием среди них.

Долгие дни 7-я рота держалась под непрекращаю-щимися атаками советских войск. Постоянно меняя позиции, я старался заставить русских искать укрытие. Быстро делая выстрел за выстрелом, я снижал нагрузку, ложившуюся на моих товарищей. И только благодаря чуду я, в отличие от них, оставался невредимым под градом пуль противника. С ужасом я наблюдал, как стремительно они гибнут. Целые длинные траншеи теперь оборонялись одним или двумя бойцами. В ситуациях, подобных этой, нужно совсем немного, чтобы люди, потеряв голову,

обратились в бегство. Снижение обеспечения боеприпасами, неожиданное осознание того, что ты уже несколько часов не видел ни одного дружеского лица, потеря связи со штабом, смерть офицера, отсутствие заботы о раненых, бегство товарищей — всего этого было достаточно, чтобы сломить волю бойцов. Меня также охватывало желание спастись бегством, хотя у меня было неоценимое преимущество перед товарищами: я мог свободно перемещаться в пределах сектора, занимаемого частью. Я видел облегчение на лицах товарищей, когда на короткое время оказывался в их окопе. В их возбужденных вопросах о ситуации угадывались признаки надвигающейся паники.

Однажды мне довелось оказаться в траншее, удерживаемой единственным пулеметчиком, чьи нервы разошлись и который хотел покинуть свою позицию вместе со мной, когда я уйду с нее.

— Йозеф, я пойду с тобой. Я еще не настолько сошел с ума, чтобы оставаться здесь и лишиться своей задницы. Черт, мы ведь даже не выносим раненых, и я уже не говорю о нехватке патронов и еды.

В это мгновение мы услышали бибиканье мотоцикла позади себя. Обернувшись, мы увидели капитана, который, лежа на своем мотоцикле, зигзагами мчался к нам. И в этот самый момент у других пяти последних солдат в этой части фронта сдали нервы. Эти бойцы, потеряв голову, выпрыгнули из своих окопов и помчались в направлении тыла. Офицер мгновенно оценил серьезность ситуации и, выхватив из-за спины свой MP40, дал очередь над головами побежавших солдат. Они резко остановились и в шоке уставились на офицера. Неожиданно один из них поднял свой карабин и выстрелил в офицера, но промазал. Капитан, чей пулемет уже находился в огневой позиции, взял пехотинцев на прицел и приказал:

— Опустить оружие! И бегом на позиции, мудачье!

Услышав это, боец, стрелявший в него, пришел в чувство и опустил свой карабин. Офицер подошел к беглецам. Неожиданный звук падающей мины, выпущенной из русского миномета, заставил их повалиться в грязь. Я видел, как офицер прыгнул в окоп и солдаты последовали за ним. Через десять минут капитан уже подполз ко мне и пулеметчику. Грязный и измотанный, он тем не менее своим присутствием вселил в нас уверенность, даже несмотря на то что раздался залп русских орудий и над нашими головами пролетело несколько снарядов, подняв фонтаны земли позади нас.

— Мужики, не делайте херни и держитесь, — сказал он. — У нас все под контролем. Напор иванов спадает. Мы сумели продержаться поразительно долго. Теперь готовится новая линия

обороны для последующего тактического отступления. Связь скоро снова заработает. Ребята, держитесь так долго, как сможете. Я верю в вас.

Он дал нам банку какао, и мы жадно набросились на нее, когда он стал удаляться в поисках следующего окопа, перемещаясь зигзагами от укрытия к укрытию.

Через полчаса я оставил пулеметчика в поисках новой позиции. Было удивительным, какой эффект появление офицера производило на солдат. Стрелки продолжали сражаться. Приводящая к тактической катастрофе и потенциально гибельная паника была остановлена. Бойцы удерживали передовую.

Но не все солдаты справлялись с постоянным напряжением. Одним из способов спастись от ужаса фронта было сделать самострел или добиться появления симптомов тяжелой болезни. Были бойцы, которые специализировались на таких вещах, словно это была наука. Они делились своими знаниями только с избранными товарищами. Например, они узнали, что поедание крема «Нивея» приводит к появлению тех же симптомов, что и желтуха. Также можно было сделать себе самому ранение в руку или в ногу. Эти «специалисты» обнаружили, что если стрелять в себя через кусок армейского хлеба, то это предотвратит появление говорящих за себя следов от порохового ожога по краям раны. Перед главными атаками, во время непрекращающихся боев или в тяжелых условиях, потери численности бойцов от самострелов и болезней резко возрастали. Офицерам и сержантам были свойственны такие же злоупотребления, что и их подчиненным. Некоторые поражения были результатом того, что командиры оставляли своих солдат.

Потрясенные непоколебимой стойкостью горных стрелков, русские прекратили атаку на наш участок и перенесли свой напор на северо-восток, чтобы поддержать более многообещающее наступление. Однако немецкие разведгруппы не даром ели свой хлеб, и о перемещении главного направления атаки командованию стало известно заранее. Те немногие из бойцов полка, кто еще мог стоять на ногах и сражаться, были забраны со своих позиций. К своему глубокому удовлетворению, мы узнали, что капитан на мотоцикле сказал нам правду, и новые линии обороны действительно подготовлены.

Изнеможенные пехотинцы, оказавшись на сборном пункте в относительной безопасности, лежали вокруг него, словно мешки с песком, когда появился сержант медслужбы.

— Мужики[3], сейчас вы получите то, что вернет вас в норму!

Он проходил от бойца к бойцу, раздавая небольшие стеклянные пузырьки с пилюлями, на этикетке которых было

написано «Первитин». Это был метам-фетамин, подавляющий чувство голода, вызывающий прилив сил и разгоняющий сонливость[4].

— Когда начнете думать, что больше не можете держаться, — сказал сержант медслужбы, — проглотите одну из пилюль, и к вам вернется решимость и силы. Но не принимайте слишком много, иначе свалитесь с ног раньше, чем успеете пикнуть. Одной пилюли вполне достаточно. Итак, удачного боя!

С этими словами он развернулся, направившись осматривать принесенных раненых.

Оставалось лишь несколько часов на отдых и коматозный сон, после чего стрелки снова были на ногах и получили приказ проглотить одну из пилюль. К ней впервые за долгое время они получили чашку горячего кофе. И даже по кругу пошло несколько бутылок спиртного, так что каждый смог сделать по хорошему глотку. Но появление кофе и алкоголя всегда означало, что вскоре последуют плохие новости. Так было и на этот раз. Всего через полчаса они были перемещены на участок, подвергшийся новой атаке русских, где они должны были поддержать обескровленную пехотную дивизию.

Глава шестая. ГОСПОДИН ПРОФЕССОР И ЕГО КАРБОЛОВАЯ МЫШЬ

Началась оттепель, и стрелкам пришлось идти к месту назначения через грязь, доходившую до колена. Их ботинки и штаны настолько пропитались водой и набились грязью, что им было тяжело переставлять ноги. Физически истощенные немецкие пехотинцы тем не менее старались настойчиво идти вперед. Многие из них были настолько измотаны, что их шаги становились все медленнее и, остановившись, они засыпали стоя. Их товарищи хватали их за руку и вели за собой. Через несколько минут они, вздрогнув, просыпались и даже не могли вспомнить, как прошли этот отрезок пути. Марш был столь подавляюще напряженным, что даже пилюли, которые горные стрелки съедали в значительных количествах, оказывали лишь минимальный эффект.

Моя винтовка висела у меня за спиной, ее оптический прицел, чтобы на него не попала грязь, был завернут в куски плащ-палатки. На шее у меня на случай неожиданной перестрелки висел пистолет-пулемет MP40. Усталость и чувство голода я к этому времени уже привык заглушать, жуя галеты, которые всегда, когда была возможность, старался выменивать у товарищей на входившие в мой паек сигареты.

За перемещениями русских стояло нечто большее, чем простое изменение главного направления атаки. Их операция развилась в широкомасштабное наступление, которое нанесло серьезный урон немецким позициям 30 января 1944 года. В районе впадения в Днепр реки Базавлук две немецкие армии неожиданно оказались под угрозой окружения. Как и много раз прежде, на упорные запросы о сокращении протяженности немецкого фронта армейский штаб отвечал отказом столь долго, что когда разрешение, наконец, поступило, то было уже почти поздно. Их спасла только неуклюжесть русского командования, которое в решающий момент разделило свои войска вместо того, чтобы сохранить их концентрацию, и немецкие командиры получили возможность переместить достаточное количество частей в угрожающий сектор, чтобы расстроить атаку.

Изнеможенные горные стрелки утомленно брели через грязь. Важность цели, ради которой мы подвергались столь суровым испытаниям, не была нам ясна. Теперь мы сражались и

маршировали, скорее даже не думая вообще, нежели руководствуясь желанием уцелеть. Мы стали воинами, которых прочно связало чувство товарищества и постоянный страх смерти.

Перерывов больше не было. Стрелки стали походить на зомби. В своих промокших насквозь зимних боевых костюмах, с лицами, в которых ясно читались голод и усталость, мы просто позволяли тащить себя урагану страшных событий, разворачивавшихся вокруг нас.

Я в конце концов заболел. То, что я постоянно рисковал своей головой, в сочетании с питьем воды из воронок от взорвавшихся бомб вызвало у меня несколько приступов гастроэнтерита. Во время них я начинал дрожать всем телом и не знал, что в следующую минуту сделаю в первую очередь — справлю большую нужду или проблююсь. Командир батальона капитан Клосс нашел меня в углу блиндажа, дрожавшим и извивающимся, как раненый зверь.

Капитан Макс Клосс принял командование батальоном после того, как 2-й батальон перебазировался на Никопольский плацдарм. Движимый решимостью служить земле отцов там, где это наиболее необходимо, он оказался в числе добровольцев, перемещенных с Северного фронта на Восточный. Его дух поддерживала твердая вера в идеи национал-социализма. Подчеркивая свои убеждения, он носил на своей униформе значок организации Гитлерюгенд, в которой некогда состоял. При этом он скорее был отважным и исполнительным солдатом, нежели горячим сторонником партии. Когда он увидел меня в моем незавидном положении, то спросил у командира роты, кто это такой. Тот объяснил ему, что это снайпер 7-й роты, который очень хорошо справляется со своей работой.

— Нам необходим каждый специалист, — сказал Клосс. — Этот боец должен снова встать на ноги. Он последний снайпер, который остался у нас в этом бардаке. Мы не можем себе позволить потерять еще и его.

Клосс приказал мне отправляться на командный пункт батальона и там разыскать батальонных связных.

— Скажи ребятам, что они должны позаботиться о тебе.

Затем он повернулся к командиру роты и спросил:

— Я надеюсь, вы не возражаете, лейтенант?

Последний только пожал плечами. Продолжая дрожать, я отправился к командному пункту батальона. До него было всего около километра, но мне приходилось останавливаться по пути, чтобы снова и снова облегчать желудок. Наконец, я оказался в блиндаже связных. Изнеможенный, я подошел к их импровизированному месту для отдыха и простонал:

— Старик сказал, что вы должны позаботиться обо мне. В частности, мне нужно новое нижнее белье.

— Конечно, мисс Оллерберг, — раздался елейный голос из глубины походившей на пещеру комнаты. — Господин профессор и его карболовая мышь обязательно придут, чтобы припудрить вашу страдающую задницу.

Однако связные по-настоящему хорошо заботились обо мне, несмотря на то, что встретили с такой иронией. Они давали мне черный чай и нашли высокоэффективное средство от диареи под названием «Долантин», который производила компания «Хехст». Это средство имело не только болеутоляющий эффект, но также оказывало антиспазматическое действие. Оно значительно снижало боли при диарейном расстройстве. Однако «Долантин» нашел свое истинное применение как обезболивающее, после того, как в начале 40-х годов XX века химики «Хехста» смогли усилить его эффективность в двадцать раз. Усиленный вариант получил название «Поламидон». Только в 1944 году этого препарата было выпущено 650 тонн, что свидетельствовало о громадных нуждах военной машины Германии в обезболивающих средствах.

«Долантин», отдых и соответствующая пища ослабили мои кишечные судороги и диарею. Благодаря феноменальной заботе со стороны связных я восстановился всего за несколько дней. Капитан Клосс захаживал ко мне, чтобы узнать о моем состоянии здоровья, и мы с ним неплохо сошлись.

Мои ноги еще немного дрожали, когда Клосс сказал мне:

— Тебе пора сделать одну работенку. У нас есть четыре новых сержанта, направленных в твою роту. Я думаю, ты можешь позаботиться о них, сопроводить их до позиций роты и показать им, что нужно делать. Мой шофер заберет тебя.

Менее чем через четверть часа я уже сидел вместе с сержантами в джипе «Фольксваген». Но наша поездка окончилась всего через несколько минут оглушительным взрывом, который вывел из строя ходовую часть машины. Джип дернулся влево и начал переворачиваться. Я как бы со стороны услышал, как сам орал: «Че-еерт!» — когда я и мои товарищи оказались в грязи сбоку от дороги. Каждый понял, что мы наехали на мину, которая взорвалась под левым передним колесом, поэтому никто не попытался сдвинуться с места. Мы продолжали лежать там же, где и были.

— Эта херня, должно быть, наша! — сказал водитель. — Еще вчера здесь было чисто. А иваны не могли сюда пробраться. Кто-нибудь ранен?

Не считая нескольких ушибов, никто из нас не пострадал. На

четвереньках мы отползли к джипу, осторожно ощупывая землю кончиками пальцев. В разгар обсуждения того, что делать дальше, мы увидели группу полевых инженеров, единым строем двигавшихся в нашем направлении.

— Что вы здесь делаете, домохозяечки? — спросил один из них. — Неужели вам никто не говорил, что вы можете испортить наши с такой любовью установленные мины?

Грубый цинизм этой тонкой шутки был встречен в штыки.

— Сейчас мы набьем вам морды, ублюдки! Вы должны говорить нам, где ставите свои чертовы мины!

— Что ж, теперь вы о них знаете, — заявил нам командир группы инженеров. — А если вы не прекратите ворчать, то мы так и оставим вас сидеть здесь. Предлагаю вам след в след пойти за нами.

— Пойдем за ними, — сказал водитель.

Выяснилось, что путь к моей роте теперь был блокирован, и мне с товарищами ничего не оставалось делать, кроме как вернуться на командный пункт батальона и доложить старику о случившемся. В результате Клосс оставил меня в расположении КП вместе с батальонными связными.

Русские делали все, что было в их силах, чтобы отбросить немцев назад. Цивилизованные законы войны перестали соблюдаться на Восточном фронте и сменились нечеловеческой жестокостью. Советские войска установили новые законы боев и стремились отплатить немцам за все их предыдущие успехи на русской земле. В ходе этого они проявляли нечеловеческую беспощадность к своему противнику: не только к солдатам, но и к гражданскому населению.

Немецкие железнодорожники, вопреки тяжелым бомбардировкам, сумели перебросить на плацдарм две батареи 112-го горного артиллерийского полка. Но лишь один локомотив сумел невредимым пройти под бомбежкой, и на обратном пути ему нужно было эвакуировать из мешка тяжело раненных. Я и мои товарищи рано утром проходили мимо железнодорожного депо по пути к своим новым позициям. Вокруг вагонов толпились сотни раненых, совершенно не имевших адекватной заботы о них. Когда раненые увидели небольшую группу стрелков, еще готовую сражаться дальше, в их глазах появилась надежда. Один из раненых громко сказал то, о чем думал каждый из них:

— Удерживайте иванов, пока не отойдет поезд!

Благодаря его словам, почти неуловимо для себя, стрелки получили столь необходимую им мотивацию держаться столь долго, насколько это будет возможным, в ходе грядущей атаки русских.

Советские войска находились лишь в полутора километрах от депо. И стрелки, под обстрелом развернувшись из маршевой линии, приняли бой. Поезд под прямым огнем артиллерии отошел буквально в последние минуты. Но всего через несколько километров беззащитный состав выследили и атаковали русские бомбардировщики, которые сбрасывали на него свой смертоносный груз, не обращая никакого внимания на красные кресты на его вагонах. Вагон, в котором находился медицинский персонал, был поражен первым, бомба убила почти всех докторов. Под градом пуль и бомб пораженный вагон потянул за собой остальной состав, и он сошел с пути. Вагоны ударялись друг о друга, и из них вываливались находившиеся внутри них раненые бойцы. Они оставались беспомощно лежать в грязи.

На следующий день отступление привело нас на это место. Перед нами предстала картина, поражающая даже среди каждодневного ужаса войны. Трупы, странно изогнувшись, свисали из окон пущенного под откос поезда. Везде вокруг лежали оторванные конечности, везде были разбросаны бинты, которые туда-сюда носил ветер. Уцелевшие раненые в панике пытались отползти с гибельного места, но у большинства не хватило сил для этого. Их раны открылись, и они умерли от потери крови. Их тела были разбросаны по земле на триста метров вокруг. Немногие выжившие из медицинского персонала, среди которых было всего два доктора, оказались беспомощными перед лицом подобной катастрофы. Однако с появлением стрелков надежда вернулась к ним. Правда, стрелков было всего полсотни, причем многие из них также были ранены и перевязаны. Их силы в столь сложной ситуации были подобны капле в море. Кроме того, русские преследовали этот небольшой боевой отряд и должны были оказаться здесь в течение часа.

Так быстро, как только могли, стрелки соорудили несколько носилок, чтобы нести раненых. В столь жестокой ситуации у бойцов не было выбора, и они могли взять с собой только тех, кто мог идти сам, и немногих из лежачих, у кого были наибольшие шансы выжить. Все, кто был при смерти и чьи ранения не оставляли много надежды выжить, были оставлены позади. Сутками раньше пехотинцы завидовали раненым, уезжавшим на поезде, поскольку это, казалось, означало для них конец боев и возвращение домой. Но война опять играла ими. И теперь пехотинцы обрели новых товарищей, вместе с которыми им вновь предстояло отчаянно бороться за свои жизни.

Неожиданно выстрел разорвал тишину. Все повернулись в направлении выстрела и увидели стрелка с «парабеллумом» в руке, который окаменело стоял над теперь уже мертвым телом. Я

подбежал к нему и спросил:

— Что ты сделал, скажи Бога ради?

Пехотинец упал на колени и зарыдал. Ему понадобилось около минуты, чтобы хоть часть самообладания вернулась к нему, и он смог говорить. Убитый был его другом и соседом. Ему были ампутированы обе ноги, а после схода поезда под откос раны на месте ампутации снова открылись. Кроме того, его грудь была распорота осколками. Невероятно, что при таких ранениях он так долго оставался жив. Раненому было ясно, что он окажется в числе тех, кто будет оставлен на милость русских. Увидев друга, он попросил его о последнем одолжении: быстро избавить его от страданий. Он умолял так настойчиво, что стрелок не смог ему отказать, хотя и знал, что это будет терзать его память до конца дней.

Теперь остатки роты были готовы к маршу. Мы оставили это место страданий, надеясь, что русские позаботятся о раненых или хотя бы убьют их быстро.

Я достал свою снайперскую винтовку и держался немного позади, чтобы прикрыть тыл группы. Мы двигались уже полчаса, когда я, следовавший в пятистах метрах от своих, вдруг заметил на расстоянии около ста пятидесяти метров от себя русский патруль. Я тут же нырнул в кустарник. Нужно было действовать быстро, чтобы вынудить русских остановиться. Установив винтовку в развилку одной из ветвей, я начал осторожно прицеливаться. Мне попался не лучший участок для ведения огня, перекрытый кустарниками, которые русские грамотно использовали в качестве прикрытия. Только практика, интуиция и чувство верно выбранного момента помогают опытному стрелку в подобных ситуациях. Я бесшумно поймал в перекрестье своего оптического прицела командира патруля, держа на прицеле его грудь, пока тот пробирался по кустарникам. И вот наступил подходящий момент. Русский на несколько секунд остановился на открытом пространстве, и я выстрелил ему точно в грудь, так что тот, пораженный пулей, упал обратно в кустарник. Остальные участники патруля оказались достаточно опытными, чтобы немедленно определить работу снайпера. Они бросились врассыпную, как цыплята, атакованные ястребом, и укрылись столь хорошо, как только могли. Я быстро выстрелил еще, стараясь, чтобы мои пули прошли как можно ближе к двум из них, чье местонахождение я заметил. Моя пуля пробила флягу на ремне у одного из них. Этого было достаточно, чтобы заставить их лежать, прижавшись к земле, еще полчаса.

Я быстро вернулся к своей группе и рассказал, что враг рядом. Ко мне прикрепили еще несколько бойцов для защиты

группы с тыла. Но, что удивительно, враг больше не появлялся.

С наступлением темноты мы встретились со стрелками из другого немецкого батальона, которые также отступали под напором противника. Объединившись, мы получили приказ по радио занять позиции и удерживать преследовавших нас русских столь долго, насколько это окажется возможным.

Глава седьмая. ЕЩЕ ОДНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАПЛАНИРОВАННАЯ КАТАСТРОФА

В батальоне, с которым мы соединились, я встретил коллегу, о котором уже был наслышан. Это был снайпер Йозеф Рот, уроженец Нюрнберга и мой ровесник, который также добровольно вступил в горнострелковые войска и, как и я, загорелся идеей стать снайпером после захвата снайперской винтовки. Мы сразу сошлись друг с другом. Командир батальона Рота хорошо знал, насколько ценны грамотно задействованные снайперы при обороне позиций, и предоставил нам полную свободу действий. В то время как остальные рыли траншеи, я и Рот решили совместно проводить разведку перемещений врага и работать вместе в грядущем бою. Нам было ясно, что две пары натренированных глаз увидят гораздо больше, чем одна.

На следующий день около 8.00 среди немецких стрелков, укреплявших свои позиции, неожиданно просвистела пуля, и пораженный ею капрал рухнул на землю, судорожно дергаясь и крича. Со скоростью света остальные устремились в укрытия. Только один из пехотинцев остался с раненым на несколько смертельных секунд дольше, чем следовало. Он даже не услышал глухого удара пули, которая вошла в его затылок как раз напротив левого глаза, а вышла через правый глаз, оставив дыру размером с кулак. Когда он упал, через нее вытекла желтоватая масса из крови и мозгов. Раздался предостерегающий крик:

— Караульные, снайпер!

Беспомощные караульные обрушили град пулеметного огня в направлении, где, как они предполагали, находился враг. Это не принесло результата, что стало ясно через несколько мгновений, когда прицельный выстрел уложил одного из пулеметчиков. Никто не двигался с места. Мы с Йозефом находились в своем блиндаже, когда в него ворвался связной и, задыхаясь, доложил о снайперской атаке. Услышав это, командир батальона просто сказал:

— Стрелки, вы знаете свою работу. Устраните проблему!

Быстро двигаясь, но при этом используя каждое прикрытие, мы вместе со связным поспешили к передовой.

Он провел нас на участок траншеи, возведение которого было уже завершено, где нас радушно встретил сержант. Он тут же доложил нам о событиях последних минут. Окоп, в котором мы

находились, с одной из сторон заканчивался хорошо замаскированной наблюдательной позицией в зарослях. Мы смогли незамеченными перебраться туда и начали просматривать местность в поисках укрытия русского снайпера. Однако, как ни напрягали свои глаза, мы не смогли разглядеть ничего подозрительного, даже просматривая с особым вниманием участок, выстрелом с которого был убит первый из наших товарищей. Часы проходили, и не было никакого результата. Мы обсуждали, какую позицию заняли бы сами, если б были русским снайпером. Но даже в местах, казавшихся нам идеальными, мы не наблюдали ни малейшего признака движения.

Около полудня еще один стрелок был поражен, выбрасывая консервную банку со своими испражнениями через край окопа. Но на этот раз жертве снайпера повезло. Пуля отрикошетила от каски бойца и вошла ему в предплечье. К счастью, русский снайпер не использовал разрывные пули, хотя снайперы чаще стреляли именно разрывными, и немецкий пехотинец отделался только сквозным ранением.

Мы в это время смотрели в бинокли в направлении русских позиций, и оба увидели клочок травы, качнувшийся, словно от давления пороховых газов из снайперской винтовки. Мы восхитились изобретательностью своего противника: он прекрасно замаскировал себя в норе, подрытой под земляную насыпь. Но теперь вопрос заключался в том, был ли он достаточно опытным, чтобы оставить свою позицию, или оставался на ней. Последний вариант казался более вероятным, исходя из того, что все его выстрелы были сделаны с одного направления. Поэтому мы решили спровоцировать русского, чтобы он высунулся. Мы остановились на том, что один из товарищей должен обмануть его фальшивой целью. Йозеф должен был занять позицию в пятидесяти метрах от меня, и мы оба должны были выстрелить по предполагаемой позиции врага, как только там от его выстрела вздрогнет трава. Мы набили травой сухарную сумку и надели ее на палку, а сверху нацепили кепку. Йозеф отнес получившееся чучело товарищу и сказал ему осторожно высунуть ее над окопом ровно через десять минут. Оба снайпера подготовились и нацелились на предполагаемую позицию врага. Ровно в назначенное время из траншеи высунулась кепка нашего чучела. Хитрость сработала. Русский выстрелил слишком рано, не рассчитывая, что может попасться в ловушку, и с той же позиции. Он едва успел нажать на спусковой крючок, когда мы почти одновременно выстрелили по нему. Русские снайперские винтовки обоих были заряжены патронами с разрывными пулями, хотя таких патронов было у нас и не слишком много. Тело

русского глухо шлепнулось в глубь норы.

Мы внимательно смотрели в оптические прицелы на земляную насыпь. Вдруг мы заметили лихорадочную активность позади нее, как будто что-то уносили прочь оттуда. Высунулся озадаченный советский наблюдатель с биноклем. Он мгновенно поплатился жизнью за свою неосторожность. Пули двух немецких снайперов одновременно вошли в его голову, которая разорвалась, как перезрелая тыква. Лишь его бинокль невредимый остался лежать на краю траншеи. Теперь уже русские не могли покинуть своих укрытий, а немецкие пехотинцы могли без помех закончить рыть свои траншеи.

Я и Йозеф подготовили себе отдельные хорошо замаскированные позиции для приближающейся советской атаки, разделив подходы к нам так, чтобы каждый из нас мог прикрыть огнем другого. Чтобы оставаться на них незамеченными так долго, как это возможно, мы договорились вести перекрестный огонь до тех пор, пока враг не приблизится на сто метров, и лишь затем перейти к прямому огню. Эта стратегия отлично сработала и помогла немецким войскам удерживаться в течение двух дней, что позволило осуществить эвакуацию собственных раненых и тех, которых мы подобрали после крушения поезда. Но мало-помалу плацдарм вокруг Никополя сужался, и немецкие бойцы опять оказались под угрозой окружения. Наши части перегруппировывались, и мы были вынуждены разделиться. Зная об особых трудностях и напряжении, в котором живет снайпер, прощаясь, мы долго сжимали руки друг друга и желали друг другу иметь ту необходимую долю удачи, которой достаточно, чтобы уцелеть в войне. Затем мы разошлись, надеясь однажды встретиться снова.

Из своей встречи мы извлекли важный урок: есть ситуации, в которых сотрудничество с другим бойцом, выступающим в роли наблюдателя, дает большое преимущество. И хотя я поклялся работать исключительно в одиночку после гибели Балдуина Мозера, я был вынужден признать, что работа в команде имеет значительные плюсы. Это заставило меня переговорить с командиром роты о возможности в случае необходимости иметь с собой наблюдателя. Командир пошел мне навстречу, и с этого момента я всегда мог по своему усмотрению брать с собой наблюдателем одного из своих опытных товарищей.

Тяжелые бои продолжались, и 144-й горнострелковый полк был вынужден снова и снова вести отвлекающие атаки, чтобы остальные части имели возможность организованно отступить. Полк был обескровлен в ходе этих операций, но продолжал доказывать, что он способен удержать позиции, несмотря на

массированные атаки русских. Порою немецким пехотинцам удавалось даже развертывать небольшие контратаки. Однако истощенный полк нес при этом невероятные потери, столь большие, что даже само его существование оказалось под угрозой. Целые роты 144-го полка были истреблены вплоть до последнего бойца.

После четырех дней кровопролитных боев, 12 февраля 1944 года немецкие войска получили приказ к общему отступлению с Никопольского плацдарма. Полк был настолько обескровлен и так долго не получал обеспечения материальной частью, что в нем к этому моменту не осталось тяжелых орудий, а у каждого пехотинца оставалось всего около пяти или десяти патронов к личному оружию. В столь суровых обстоятельствах при нападениях врага именно снайперы становились «артиллерией» немецких частей. Только мы, прикрывая части сзади, могли удерживать преследующего нас противника на безопасном расстоянии. Поэтому для сохранения боеспособности своих снайперов каждый немецкий боец собирал русские патроны всегда, когда только появлялась такая возможность.

Только благодаря величайшим усилиям и ценою значительных потерь 3-я горнострелковая дивизия вырвалась из мешка и достигла новой линии немецкого фронта у города Ингулец. Погода переменилась и стала одновременно врагом и союзником. Она была врагом, поскольку обрушила буквально град снега и льда на поредевшие ряды изнеможенных немецких стрелков, которые в ходе отступления не имели сколь-либо серьезной защиты от такого ненастья. При этом погода выступала как союзник, поскольку при таких погодных условиях русские не могли осуществлять организованное преследование.

Пехотинцы в апатии брели через степь. Ледяные кристаллы, подобно иглам, вонзались в их лица. Термометры показывали, что температура упала до минус пятидесяти градусов Цельсия. Каждый, кто переставал идти или падал на землю, получал серьезное обморожение всего за несколько минут, что зачастую приводило к летальному исходу. Железные подковы горных ботинок передавали холод ступням. Они обмораживались в ботинках и пропитанных потом носках. В результате многие стрелки могли передвигаться только ползком. Медики были не в силах оказать бойцам серьезную помощь, поскольку все их жидкие препараты замерзли прямо в ампулах. Только для самых тяжелых случаев у врачей было несколько ампул морфия, которые они носили у себя во рту. Раны немедленно замерзали и покрывались ледяной коркой. Когда в снегу находили труп замерзшего русского, то за его зимнюю одежду завязывались

драки. И воистину счастливчиком оказывался тот, кому удавалось заполучить шапку-ушанку или валенки.

Однако стрелки беспрестанно поддерживали движение друг друга. Стоило мне замедлить шаг, как я получал пинок ботинком или удар винтовочным прикладом. Точно так же поступал и я, увидев, что кто-то пытается остановиться. Но, несмотря на эти меры, многие обмораживались или даже погибали — настолько они ослабли. При этом бойцы с громадными усилиями продолжали тащить своих раненых до тех пор, пока у тех была надежда на выздоровление. Когда все вьючные животные были съедены, то безнадежных стали безжалостно оставлять позади.

Покрытое льдом оружие стало бесполезным. Невероятный холод сжимал сталь, и нельзя было даже передернуть затвор. Высокое качество немецкого оружия, где каждая деталь была плотно подогнана к другой, теперь работало против нас. Русское оружие, в противоположность германскому, было сконструировано так, что допускало значительные отклонения в размерах деталей, а потому исправно служило своим владельцам даже в морозы. Замерзшая, как камень, земля, также не позволяла сооружать оборонительные позиции. Только животный инстинкт самосохранения заставлял нас двигаться дальше по сжиравшей нас степи под ударами постоянно усиливавшегося бурана. Словно в трансе, едва живой от голода и усталости, я, спотыкаясь, брел по колено в снегу. Капюшон стягивал мое лицо, вымокшая камуфляжная куртка сжалась на мне, а снайперская винтовка у меня на спине буквально вмерзла в ткань, которой была обернута. Холод был практически непереносимым.

Впереди появились неясные силуэты фермы, и сквозь серую дымку непрерывно падающего снега стала видна большая куча соломы. В это мгновение земля неожиданно ушла у меня из-под ног. С криком я провалился в яму, которая была прикрыта снегом, и через миг понял, что смотрю прямо в искаженное зловещей ухмылкой замерзшее лицо мертвого русского солдата. Я, как оголтелый, на четвереньках продираясь сквозь снег, выскочил на поверхность.

Стрелки вдруг заметили движение на выгоревшей ферме, до которой теперь оставалось всего около тридцати метров. Словно наэлектризованные, мы начали искать, чем защитить себя, но замерзшие руки не могли держать оружие. Впрочем, в любом случае оно было покрыто льдом и не могло быть применено. Обрывки плащ-палатки, в которые была завернута моя винтовка , крепко примерзли к ней и также делали ее бесполезной. Ветер доносил до нас обрывки русской речи. Все остановились, с тревогой дожидаясь, что русские откроют огонь. Но ничего не

случилось. Минуты ожидания медленно тянулись одна за другой, пока не стало ясно, что русские также не готовы к бою. Обе стороны осторожно отступили.

Наступила ночь, и снег пошел еще сильнее. Немецким пехотинцам нужно было во что бы то ни стало укрыться от непогоды. Руководимые инстинктом стрелки направились к большому стогу соломы, который мог стать их единственной защитой от бушующих сил природы. Мы решили воспользоваться им, исчерпав последние силы сопротивляться нарастающему ветру. Теперь нужно было как можно скорее добраться до убежища. Еще несколько шагов, и мы были там. Пехотинцы поспешно зарылись в стог и, подобно молодым поросятам, жались друг к другу. Так мы пережили буран. Два дня и две ночи он безудержно ревел, не успокаиваясь, и даже законы войны не смогли противостоять его воле. Тот же стог соломы стал убежищем и для русских, которые залезли в него с другой стороны. Не имея возможности сражаться, немецкие пехотинцы и их беспощадные противники оставались в стогу, отделенные друг от друга всего несколькими метрами соломы.

Утром 20 февраля буран начал стихать, и мы обнаружили, что наше оружие, защищенное от холода, снова стало работать. Среди пехотинцев распространилась нервозность при мысли о предстоящем бое с русскими, находящимися по другую сторону стога. Никто не знал, как и где начнется этот бой. Трое стрелков выбрались на поверхность, чтобы произвести разведку. Вернувшись через полчаса, они прояснили ситуацию. Ко всеобщему облегчению, оказалось, что русские отступили рано утром.

И снова стрелки тащились по снегу в новый район боев. Прибыв туда, мы были на грани физического истощения. Но полк в последний момент достиг армейского склада и получил боеприпасы, провиант, одежду и одеяла. К нам поступило даже небольшое пополнение. Стрелки разместились на руинах деревни и обосновались там на несколько дней.

С тех пор, как я был прикреплен к штабу батальона, я получил доступ к такой роскоши, как крепкий блиндаж и даже печь. Я мечтал в уютном углу, когда капитан Клосс вернулся с полкового совещания. Дрожа от холода, капитан сразу уселся перед печкой и вытянул свои ноги в мокрых ботинках к самому огню. На него напала усталость, и, прислонившись к стене, Клосс уснул. Через некоторое время я посмотрел на него и увидел, что ботинки капитана задымились. В тот же миг офицер с криком вскочил и, прыгая по комнате, заорал:

— Черт, черт, горячо!

Он пытался снять с себя ботинки, но не смог сделать этого, поскольку их намокшая кожа была высушена слишком быстро и от этого сжалась вокруг ступни. Единственным выходом было вылить на них ведро воды, чтобы кожа размягчилась. Солдаты, находившиеся в блиндаже, не смогли удержаться от смеха. К счастью, среди поступившего в полк нового обмундирования были и ботинки, и Клосс смог сменить свою обгоревшую пару ботинок на новую.

25 февраля русские снова атаковали. Но атака была подавлена заградительным огнем действующего теперь на их позициях горно-артиллерийского полка. Стрелки использовали последовавшее за этим затишье, чтобы отступить к новым линиям обороны под Ингулыдом. Как и слишком часто случалось прежде, при создании этой новой линии фронта, было сделано несколько решающих ошибок. В то время как офицеры, находящиеся на передовой, могли развить практическую стратегию и соответствующие тактические концепции, верно оценив ситуацию, свои ресурсы и силы противника, штаб Верховного главнокомандования сухопутных сил Вермахта ОКХ снова и снова сводил на нет все принятые ими решения, издавая нелепые приказы удерживать ненужные позиции. Последствием этих не соответствующих обстановке решений были огромные и невосполнимые потери в матчасти и в человеческих жизнях. Истощенный армейский тыл уже не мог компенсировать потери такого масштаба. Военные операции стали рискованными и превратились в несогласованное отступление, которое становилось все более и более хаотичным и заканчивалось тем, что каждый спасал себя, как только мог. Новый фронт под Ингульцом стал еще одной предварительно запланированной катастрофой. Протяженность линии обороны было запрещено сокращать, необходимая реорганизация войск не была осуществлена. В результате русские атаки обрушивались на чрезмерно растянутые и слабо защищаемые линии обороны немцев. У командиров в подобной ситуации оставалась только призрачная надежда на части, обладавшие высоким боевым духом, решимостью и фронтовым опытом. Именно такой была 3-я горнострелковая дивизия. Вследствие этого она снова и снова оказывалась брошенной в самую гущу кровопролитных боев. Именно на ее плечах лежало бремя предотвращения прорывов врага и окружения. Резервные позиции были сооружены наскоро и не являлись сколь-либо реальной оперативной защитой. Недостаток личного состава и материальных ресурсов был огромным.

1 марта советская атака снова обрушилась на позиции

стрелков. На этот раз решимость русских казалась исключительной. На участке фронта, удерживаемом 3-й горностелковой и соседней 16-й танковогренадерской дивизиями, русские могли постоянно восполнять свои потери свежими силами. Каждый день у них появлялось до тысячи новых солдат, в то время как немцам некем было компенсировать свои потери. На третий день атаки пехота танково-гренадерской дивизии была фактически уничтожена, и горным стрелкам пришлось защищать еще и позиции соседей. К четвертому дню дивизия сократилась до половины от своей боевой численности. Только чудом я оставался невредим (не считая, конечно, царапин и ушибов), несмотря на то что был все время в гуще боевых действий. В который раз происходящее доказывало, что высокий боевой дух и опыт могут долгое время возмещать численное и техническое превосходство противника. Но к концу пятого дня наш батальон сократился всего до шестидесяти бойцов.

Когда мы сражались с врагом, атаковавшим нас с двух сторон, звуки свирепого боя неожиданно раздались со стороны тыла. В тот же самый момент связист получил сообщение по радиосвязи из штаба батальона о том, что русские атаковали их командный пункт и штаб нуждается в помощи. Было ясно, что боевая группа врага сумела прорваться через линию фронта и теперь стремилась нейтрализовать руководство немецкого сопротивления.

Превосходя нас в численности (сто бойцов против тридцати), русские совершенно неожиданно обрушились на совершенно неготовый к подобной атаке отряд, охранявший штаб. Разгорелся свирепый бой, в котором боеприпасы защитников штаба стремительно истощались, и все больше и больше немецких бойцов падали под огнем нападавших. Атака на основном направлении боев к этому моменту свелась к перестрелке со значительного расстояния, а потому командир роты пошел на риск и послал несколько бойцов поддержать защитников командного пункта. Он также связался с соседними ротами, и они тоже послали по несколько солдат. В результате был быстро собран небольшой отряд из двадцати бойцов, в числе которых был я и мой товарищ, закаленный в боевых патрулях, который должен был сопровождать меня в роли наблюдателя за противником.

Было около 7.00, и было решено развернуть контратаку в 8.00. Уже через час стрелки двинулись в направлении командного пункта, до которого оставалось менее полутора километров, так быстро, как только могли, но при этом со всеми возможными предосторожностями. Через пятнадцать минут мы встретились с

русской боевой группой.

На участке, усеянном кустарниками и небольшими холмами, командный пункт располагался в овраге в нескольких шагах от крутого холма. Этот холм не могли занять слабые силы немцев, а для русских он имел большое стратегическое значение, поскольку с его вершины они могли контролировать немецкие позиции. Защитникам командного пункта пришлось отступить к последнему укрепленному блиндажу. Они находились на последнем издыхании и теперь отвечали на свирепый огонь атакующих лишь одиночными прицельными выстрелами. Подступы к командному пункту были усеяны трупами солдат обеих сторон.

Горные стрелки, пришедшие на помощь товарищам, остановились, чтобы разобраться в ситуации. Пришло время проявить себя снайперу и его наблюдателю. Мы быстро выбрали скопление кустарников, которое обеспечивало нам хорошую маскировку, но при этом позволяло ясно видеть поле боя. План состоял в том, чтобы стрелки развернули атаку, а я с товарищем во время нее уничтожили как можно больше противников. У наблюдателя был очень широкий обзор в сравнении со мной, вынужденным смотреть на все через свой оптический прицел. Соответственно, обладавший лучшим обзором наблюдатель мог повысить эффективность снайпера, наводя его на цели. Я установил свою винтовку на огневую позицию, когда увидел, как немецкий пехотинец, который, казалось, был мертв от кровоточащей раны в голову, закрыл свое лицо руками только для того, чтобы тут же быть изрешеченным огнем пулемета. Под градом пуль лицо и шея немца превратились в кровавое месиво. Мой наблюдатель мгновенно определил место нахождения пулеметчика:

— Небольшое земляное сооружение в десяти метрах справа.

Я тут же повернул свою винтовку и поймал русского в оптический прицел, перекрестье которого остановилось на частично открытой грудной клетке противника. Пуля со смертельной точностью поразила цель на расстоянии 150 метров.

Мой выстрел стал сигналом к началу атаки для остальных. Стрелки открыли огонь. Пули поражали каждого врага, которого мог найти мой наблюдатель. Бой был коротким, но кровопролитным. Внезапно русские под неожиданным для них перекрестным огнем и с ростом потерь отказались от продвижения к командному пункту и, отчаянно стреляя во все стороны, через несколько минут отступили. Около двадцати из них исчезло в перелеске. Они оставили восемьдесят убитых и раненых. У стрелков не было времени, чтобы сделать что-либо

еще. Коротко обсудив ситуацию с оставшимися в живых защитниками командного пункта, мы двинулись назад. Через двадцать минут мы вернулись к своим товарищам, оборонявшим позиции на основном направлении атаки.

Шесть дней почти без перерывов свирепствовала битва. Немецкие пехотинцы были настолько измотаны, что проваливались в глубокий, подобный коме, сон, как только хотя бы на несколько минут наступала передышка. В ситуациях, подобных этой, медики обычно раздавали стимулирующие пилюли «Первити-на», чтобы мобилизовать последние физические резервы стрелков.

3-я горнострелковая дивизия сумела удерживать свои позиции до 7 марта. Но уже 6 марта советские войска сумели войти в Ингулец, прорвавшись через немецкую линию фронта на соседних участках. Теперь стрелки дивизии были подобны занозе в русской линии фронта. Занозе, которую требовалось срочно извлечь. На нас обрушился штурм огромного количества свежих сил советской пехоты. Уцелевшие стрелки 144-го полка были отброшены назад, и завязался свирепый ближний бой, который распространился вплоть до полкового командного пункта. Согласованное руководство бойцами стало невозможным.

Каждая группа немецких бойцов сражалась за свое собственное выживание. Среди этой бойни пришел приказ немедленно отступать через Ингулец.

К тому времени русские сумели почти полностью перерезать 3-й горнострелковой дивизии пути к отступлению. Были уничтожены дивизионные склады и захвачен основной пункт первой медицинской помощи. В результате у горных стрелков оставался единственный обороняемый коридор шириной около полукилометра, по которому они могли отступить. Немногие уцелевшие бойцы 144-го полка достаточно крепко держались на ногах, чтобы начать это отступление с боями. Когда мы начали движение, разрозненные бойцы из других частей присоединились к нам.

Среди нас была группа из четырех врачей, которые спаслись во время атаки русских на дивизионный пункт первой медицинской помощи. Эти люди, что было явно видно по ним, были полностью сломлены в результате пережитого. Сержант, который хотел узнать у них, откуда они прибыли и что там произошло, получил лишь сбивчивые ответы и, как только смог, перепоручил их опеке другого медицинского персонала.

— Врачи, позаботьтесь о своих товарищах. По тому, как ошалело они говорят, у меня создается впечатление, что они видели самого Святого Духа. Их нужно напоить и дать им по шее,

но сделайте это с материнской добротой. Тогда они, возможно, расскажут вам о том, что произошло.

Действительно, еда и алкоголь привели тех четырех медиков в чувства. Но рассказанное ими о событиях, свидетелями которых они стали, только напугало слушателей и усилило страхи перед возможностью оказаться в плену у русских.

Мне навсегда запомнился их рассказ, который был таким:

«Вдали от боев раненые получили место в последнем поезде, который пытался уйти из Никопольского мешка. Те из них, кто был безнадежен, остались на пункте медицинской помощи с доктором и семью санитарами. Чтобы показать свою беззащитность, медикам пришлось вывесить белый флаг и флаг Красного Креста, а также сложить перед палаткой в видимую издалека кучу свое оружие. Однако участок заняла монгольская[5] часть. Осторожно перебегая от прикрытия к прикрытию, ее бойцы окружили пункт медицинской помощи и приказали немецким пехотинцам выходить с поднятыми руками:

— Выходите с поднятыми руками, фашистские свиньи!

Двое санитаров вышли и остановились перед операционной палаткой. Из книги по русскому языку, выпущенной для солдат Восточного фронта, они знали несколько слов и закричали советским бойцам:

— Мы не вооружены. Здесь только раненые. Мы сдаемся Советской армии.

Крича немцам что-то непонятное, монголы подступили к ним с оружием наготове. Держа руки над головой, санитары дождались их. Колени медиков дрожали. Первый монгол, который подошел к ним, заорал приказ, который они не смогли понять. Через несколько секунд монгол без предупреждения заехал прикладом в лицо одного из них. Тот со стоном упал и прижал руки к лицу. Сквозь его пальцы сочилась кровь из сломанного носа и разбитых губ. Советские солдаты с криками продолжили бить медика, валявшегося на земле. Вероятно, его реакция была не такой, которой от него ждали, потому что монгол вдруг отошел назад, нацелил на него свой автомат, и выстрелил немцу в грудь. Санитар дернулся, из его горла хлынула кровь, и он умер.

В этот момент доктор в окровавленном фартуке и другой санитар вышли из палатки, чтобы посмотреть, что происходит. Это отвлекло стрелявшего, но в это время подошло еще четверо монголов, которые, крича непонятные приказы и приставив стволы своего оружия к спинам медиков, загнали немцев обратно в палатку.

Там на операционном столе лежал раненый с серьезными

ранениями в голову, операцию которому делал еще один медик. Последнего один из монголов тут же оттолкнул и достал из своего сапога нож, который вонзил в грудь раненому со словами:

— Эта фашистская свинья больше нам не помеха.

Он вонзил свой нож в сердце немца два или три раза, прежде чем оставить его.

Медики смотрели на него в шоке, полные дурных предчувствий того, что будет дальше. Их вытолкали в соседнюю палатку, в которой лежали раненые. Сержант монголов оттолкнул доктора, когда тот попытался убедить его пощадить раненых, и заорал:

— Сейчас мы вам покажем, как поступают с людьми, которые нападают на Матушку-Россию и убивают женщин и детей.

Махнув рукой своим солдатам и указав на раненых, он скомандовал:

— Перережьте им глотки, как овцам.

Немецкие пехотинцы задрожали, увидев дьявольский блеск в глазах двух подошедших монголов. Они, вероятно, были опытными пастухами и мясниками, поскольку вытащили из своих сапог ножи, которые явно взяли из дома. И они знали, как ими пользоваться. Эти ножи были идеальным инструментом для грядущей расправы. Без малейшего признака эмоций монголы обходили раненых и со знанием дела запрокидывали головы своих беззащитных жертв и перерезали им горло. Остро отточенные ножи входили в плоть столь легко, что из некоторых ран сквозь хлынувшую кровь были видны позвоночные кости.

Монголы работали быстро и методично. Всего через несколько минут вся палатка была превращена в скотобойню. Умирающие немецкие солдаты корчились от боли на своих кроватях. Доктор, который прежде каждый день сталкивался с ужасом войны, позеленел и не мог держаться на ногах.

— Смотри, — закричал сержант и ударил доктора прикладом своего автомата.

Нос доктора сломался, словно спичка, и по его лицу полилась кровь прямо на ботинки сержанта.

— Смотри на мои ботинки, слабоумок! Ты, старая свинья! — с этим криком монгол схватил свой автомат за ствол и обрушил приклад на голову доктора.

Его череп проломился с хрустом, с каким раскалывается перезрелая дыня. За этим последовало еще два или три точных удара стальным прикладом, и доктор был мертв. Скованные ужасом, санитары стояли в углу. Одного из них сержант вытолкнул вперед, чтобы тот стер своей униформой кровь с его автомата.

После этого монголы начали разграблять пункт медицинской помощи. Шесть оставшихся в живых санитаров были выстроены с руками за головой перед операционной палаткой. Еще один монгол, которому было поручено охранять их, был явно недоволен, что не мог принять участие в мародерстве.

— Вот дерьмо, — ругался он. — Зачем мне здесь присматривать за этими глупыми свиньями. Их все равно в расход пустят. Может, лучше я их сейчас сразу пришью?

— Закрой рот и делай, что я тебе говорю, — заорал на него сержант. — Старый хочет еще поодиночке с ними что-то сообразить. Может, прощебечут птички нам еще свои песенки и расскажут, куда их приятели смылись.

Один из санитаров немного понимал по-русски и понял, что впереди их не ждет ничего хорошего.

— Они хотят заколоть нас, как и раненых, — прошептал он сквозь зубы. — Этим закончится в любом случае, но мы должны попытаться вырваться при первой возможности и найти своих. Наши бойцы не должны были уйти далеко.

— Ты прав, — ответил его сосед. — Я вырублю Ивана, потом мы пробежим через палатку, перепрыгнем через мусорную яму и скроемся в кустах. Будем бежать, пока не окажемся в безопасности. Каждый сам за себя, но потом постараемся собраться вместе.

Монголы громко хвастались друг перед другом своими трофеями, особенно, когда они добрались до продовольствия. Охранник, который не участвовал в разделе найденного, все больше злился. Все его внимание было приковано к добыче его товарищей. И тут наступил удобный момент для побега. Когда монголы начали рыться в немецких ящиках, охранник с жадностью смотрел на них и больше ни на что не обращал внимания.

Один из медиков молниеносно выхватил кинжал из своего ботинка и, подобно тигру, подпрыгнул к спине охранника и повалил его на угол палатки. В следующее мгновение он воткнул нож в почки монгола и быстро крутанул лезвие в ране два или три раза. Тот окаменел от боли, из его горла начали вырываться глухие стоны, но немец зажал ему рот. Товарищи отважного санитара уже побежали через палатку, и он последовал за ними. Но они даже не успели добежать до ее противоположного конца, когда дикие крики раненого монгола подняли тревогу среди остальных. Раздались автоматные очереди, и пули, пройдя через брезент палатки, пригвоздили к земле замыкающего бегство медика, в руке которого все еще был нож. Остальные на бегу перепрыгивали яму для отходов, полную ампутированных

человеческих конечностей, которые торчали оттуда, словно хотели затащить к себе убегавших. Один из медиков, бежавший позади, зацепился за веревку, удерживавшую палатку в натянутом положении, и головой вперед рухнул в эту яму. Но его товарищ, перепрыгнувший через яму перед ним, вернулся назад и подал ему руку. Крепко схватив его, он вытащил его оттуда только для того, чтобы в следующую секунду увидеть, как его друга срежет автоматная очередь в спину. Пули прожужжали в опасной близости от него самого, но ни одна из них не настигла новой цели. Этот медик тут же прыгнул в кусты и пополз через подлесок. Прорываясь через листья и ветки, пули монголов свистели у него над головой. Справа от себя он увидел своих убегающих товарищей. Перекатившись в длинную лощину, санитар побежал за ними.

Будучи опытными пехотинцами, медики очень быстро нашли в своих карманах небольшой компас, который всегда носили с собой на случай, если окажутся отрезанными от своих товарищей. Я, к примеру, всегда носил компас в своем кармане. И теперь у одного из медиков также оказался компас, который спас жизни беглецов. Скрываясь от врага, они в течение двух дней спешно двигались за немецкими войсками, пока, наконец, не соединились с ними. Затем, доложив командиру имена своих павших товарищей, они тихо присоединились к колонне стрелков, оставаясь наедине со своими мыслями.

Выжившие бойцы 144-го горнострелкового полка сумели соединиться с частями на новой линии обороны, но это принесло им мало облегчения. Солдаты полка находились уже на пределе своей прочности. Долгие дни они не получали никакого обеспечения. Каждый был покрыт грязью и измучен вшами. Патроны к стрелковому оружию были на исходе, и их приходилось использовать с крайней бережливостью. Лишь безнадежность их положения заставляла бойцов сражаться дальше. Они знали, что только следование приказу, дисциплина и безропотное перенесение страданий могут дать им хоть какой-то шанс выжить в этих суровых испытаниях, где единственной альтернативой была неминуемая смерть в руках врага.

И хотя это было невидимо для солдат, сражавшихся на передовой, командование 6-й армии в последнюю минуту предприняло попытку предотвратить окружение. К этому моменту русские уже глубоко проникли в немецкие линии обороны, и окружение не было завершено только благодаря недостатку согласованности среди советских командиров. Пятнадцать немецких дивизий собрались вместе, чтобы единым фронтом прорваться по единственному оставшемуся у них пути к спасению

— пересечь реку Ингулец и выйти к Бугу, чтобы установить новую линию фронта на его западном берегу. 3-я горнострелковая дивизия во время этой операции двигалась в авангарде немецких частей и первой достигла Ингульца. Она сумела найти подходящее место, где под руководством передового батальона была сооружена необходимая переправа. Продолжавшиеся атаки русских были несогласованными, и их удалось отбросить назад.

Дивизии 138-го и 144-го полков заняли позиции, чтобы защитить плацдарм от ожидаемой атаки врага и гарантировать проход немецким дивизиям, следующим за ними. 15 марта 1944 года за проливными дождями последовали заморозки и начался гололед. Среди хронически истощенных немецких солдат, не имевших сколь-либо серьезной защиты от непогоды, стремительно начали распространяться простудные заболевания. Без малейшей возможности как-то облегчить свои страдания немецкие пехотинцы оставались в своих окопах, мучимые ознобом и лихорадкой.

Глава восьмая. ПОЧЕРК СНАЙПЕРА

Дивизии собирались на переправе через реку. Я и мои товарищи брели рядом с колонной боевой техники. Апатично переставляя ноги, мы ощущали себя защищенными от вражеских атак среди такой массы войск.

Оптический прицел на моей винтовке был завернут в кусок брезента для защиты от сыпавшегося с неба града. Я двигался походным порядком вместе с командирами 138-го и 144-го полков, которые тем временем обсуждали, как будут своими силами осуществлять оборону переправы. В тридцати метрах от меня неожиданно раздался крик:

— Смотрите! Иваны! Та-а-анки!

В тот же миг загрохотал пулемет, установленный на Т-34. Этот звук казался порожденным градом, летевшим с неба. Каждый ринулся искать укрытие, в то время как немецкое самоходное штурмовое орудие разворачивалось, чтобы занять огневую позицию. Раздалось пронзительное ржание лошади, вызванное болью и испугом. В задней части туловища животного зияла огромная рана. Лошадь принадлежала командиру 138-го горнострелкового полка, полковнику графу фон дер Гольцу, который вместо того, чтобы побежать, ища укрытие, повернул назад, чтобы помочь ей.

В этот момент с резкой вспышкой из ствола пушки русского танка вырвался снаряд, боевая техника, находившаяся около группы командиров, превратилась в горящие, дымящиеся обломки. Металлические осколки зажужжали и начали со свистом пронзать воздух. Полковник фон дер Гольц упал на землю, словно сраженный невидимым кулаком. Везде были разбросаны внутренности лошади. Перед тем, как умереть, она отрывисто заржала еще один раз. Наконец, немецкое штурмовое орудие сделало ответный выстрел и поразило Т-34 в край его башни. Раздался глухой взрыв, и объятый пламенем танк отошел назад.

Неожиданная атака закончилась за несколько минут. Я увидел, как полковник фон дер Гольц снова встал. У него больше не было правой руки. Из его плеча, подобно палке, торчали остатки кости предплечья. Обрывки тканей, вены и сухожилия свисали из страшной раны, как оборванные провода. Безмолвно с паникой в глазах полковник уставился на правую часть своего тела. Через несколько секунд его переполнил ужас, и он рухнул на землю, потеряв сознание. Его товарищи были уже рядом, чтобы помочь ему.

Для меня это был просто еще один эпизод из числа тех, что я переживал каждый день. Но с полковником фон дер Гольцем дивизия потеряла одного из своих способнейших командиров, который выделялся не только своим незаурядным талантом в разработке операций, но и личной храбростью. Он был очень необыкновенным и чуждым шаблону офицером, из-за чего у него даже не раз возникали проблемы с начальством. Возглавив полк горных стрелков, он нашел наконец армейскую часть и стиль руководства, которые подходили ему и позволяли реализовать свои способности с наилучшим эффектом. Он был единственным командиром 3-й горнострелковой дивизии, заслужившим дубовые листья к своему Рыцарскому кресту[6]. Позднее я узнал, что фон дер Гольц умер от гангрены в госпитале в Одессе.

16 марта русские усилили свои атаки, и на плацдарме, удерживаемом 138-м и 144-м полками, вспыхнули кровопролитные бои. Но стрелки сумели успешно защитить свои позиции. 3-я горнострелковая дивизия одной из последних отступала через Ингулец, и, за исключением незначительных арьергардных боев, она практически не встречала противодействия со стороны противника на всем пути к Бугу, на западном берегу которого дивизия остановилась.

Во время подобных отступлений становились ясны тактические преимущества использования снайперов. Последние удерживали на безопасном расстоянии преследовавшие немцев патрули и пехотные части и одновременно приносили ценные разведданные.

Части несколько поредели в ходе отступления, и чтобы подобные маневры оказались успешными, необходимо было держать врага в неведенье до тех пор, пока это было возможным. Поэтому арьергард всегда оставался на месте до того, как остальные войска переместятся на новую позицию. В идеале отряд должен был задержать преследующего противника, а затем с боями отступить. Это требовало огромного самоконтроля и отваги, какими обладали только опытные солдаты. Чтобы эффективно противостоять преследованию врага, крайне важно было обрушивать на него арьергардный огонь. И здесь незаменимыми оказывались пулеметчики и снайперы. Без сомнения, снайпер является наиболее удобной формой пехотного арьергарда. Находясь на хорошо замаскированной позиции, он поджидает врага, просматривает его ряды так долго, насколько это возможно, чтобы собрать информацию о его численности и оснащении, и, наконец, заставляет его прижаться к земле двумя или тремя быстрыми точными выстрелами, в которых явно виден почерк снайпера. После этого пехота противника, преследующая

отступающие войска, зачастую в течение нескольких часов не решается оставить свои позиции.

Таким образом, я обычно оставался позади своих товарищей после каждого длившегося всю ночь отступления, чтобы задержать русских, устремлявшихся за нами на рассвете. Я тщательно готовил для этого свои позиции, в результате чего они обеспечивали мне не только маскировку, но и определенную защиту от пуль. При этом укрытия всегда должны были позволять мне быстро покинуть их, оставаясь незамеченным. Если это оказывалось возможным, я устраивал себе укрытие перед оставленными позициями своей части на нейтральной территории на достаточном удалении от них. Я рыл траншеи и норы, которые должны были обеспечить мое собственное отступление. А если ситуация позволяла, я также прикрывал подступы к своему укрытию, расставляя ручные гранаты на растяжках. Их взрывы наносили урон и отвлекали внимание противника, что также помогало мне отступить незамеченным либо сделать еще несколько быстрых выстрелов.

Эта игра в сопротивление и отступление продолжалась уже четыре дня, и я видел, что русские с каждым днем становятся все осмотрительнее. Теперь я успевал сделать всего один или два выстрела до того, как враг, слившись с землей, пропадал из зоны моего прицельного огня. На шестой день русские достигли крайней осторожности. Они использовали каждое прикрытие и тщательно следили за тем, чтобы не подставить себя под пули. Первые преследователи были всего в ста метрах , когда у меня появилась первая возможность сделать меткий выстрел. Передо мной, должно быть, оказался разведчик. Русский занял позицию за кустарником и залег там, скрытый листвой, лишь слегка задев ветви кустарника. Необычное движение листьев тут же привлекло меня, и, вглядевшись пристальнее, я смог вычленить за кустарником контуры человеческого тела. Я просто прицелился в его середину и увидел, как листва резко задрожала после моего попадания.

С тревожной надеждой я ждал новых действий русских. Но ничего не происходило. Казалось, что они исчезли. Через час меня начали грызть подозрения. Что-то было не так. Предельно сконцентрировавшись, я осматривал подходы к своей позиции, но ничего не находил. К этому времени мои мышцы заныли от столь долгого пребывания в одной позе. Я немного сдвинулся и поменял положение ног. Я только положил свою правую ступню на левую пятку, и вдруг почувствовал сильный удар в свою правую пятку одновременно с резко раздавшимся звуком выстрела со стороны русских. Инстинктивно я скользнул в

глубину своей позиции, чтобы посмотреть на раненую ступню. Подошва моего ботинка оказалась целиком срезанной пулей, а через кожу ступни под ней тянулась кровоточащая глубокая царапина. Я мгновенно опознал почерк снайпера. И этот снайпер, судя по его выстрелу, который был мастерским, действительно знал свое дело.

Теперь я думал только о том, как выжить. После того, как враг определил мою позицию, я не мог себе позволить показать ни единого квадратного сантиметра своей шкуры. Я оставался в глубине своего укрытия, словно приклеенный к нему. Было очевидно, что русские не были вполне уверены в месте нахождения предполагаемой позиции немецкого снайпера, они также не видели попадания в него, и ситуация зашла в тупик. Ни один из советских бойцов не хотел высунуться из-за укрытия и рисковать угодить под пулю, и я, несмотря на интенсивное наблюдение, не мог разглядеть никаких признаков перемещений моих противников. Я надеялся, что русские так ничего и не предпримут до наступления темноты, а тогда я смогу незаметно ускользнуть со своей позиции.

Поскольку до встречи с русским снайпером я предполагал, что покину свою нынешнюю позицию довольно быстро, я не соорудил в ней каких-либо санитарных приспособлений. Однако через несколько часов нервное напряжение вызвало такое давление в моем мочевом пузыре, что я с трудом мог думать о чем-либо другом. Но я не хотел мочиться в свои штаны и руками вырыл в земле ямку чуть ниже уровня, на котором находилась моя ширинка, при этом не делая движений, более размашистых, чем было необходимо. В эту ямку я и облегчился. В столь страшных ситуациях и мочеиспускание может оказаться почти столь же приятным, как оргазм.

День медленно тянулся. Но, наконец, последние лучи солнца на краю вечернего неба обозначали конец моего плачевного положения. С наступлением темноты, я, как привидение, исчез, воспользовавшись заранее подготовленным отходным путем с позиции. На следующий день я переместился на участок соседней роты и был особенно внимателен. К счастью, на этот раз там не было и следа советского снайпера. А на следующий день наша часть достигла своего места назначения.

Мы обнаружили грамотно возведенные позиции вдоль Буга, которые были сооружены во время немецкого наступления двумя годами ранее. Проведя небольшие дополнительные работы, мы смогли добавить к защитным сооружениям комфортабельные блиндажи (конечно, комфортабельными их можно было назвать только с учетом условий, в которых обычно жили бойцы на

Восточном фронте). Русским потребовалось удивительно много времени, чтобы настигнуть нас. Эта не предвещавшая ничего хорошего в дальнейшем передышка подарила немецким пехотинцам неделю отдыха, за которую они получили новое вооружение, боеприпасы и даже небольшие пополнения. Для стрелков эта неделя была подобна каникулам. Они, наконец, смогли как следует отоспаться, поесть в человеческих условиях и немного заняться личной гигиеной. Однако эта идиллия длилась всего несколько дней.

Ночью с 25 на 26 марта русские штурмовые группы пересекли Буг под прикрытием темноты. Входившие в них сильные и опытные солдаты с первыми лучами рассвета, подобно голодным хищникам, ворвались на позиции моего батальона. С ножами и заточенными лопатами в руках они без единого выстрела уничтожили сторожевое охранение. Они не брали пленных. Внимательный часовой, дежуривший возле пулемета, просматривавший через бинокль береговую линию, увидел в двухстах метрах от нее русских, плывших на плоту. После этого он почти случайно глянул на передовые немецкие позиции. И вдруг увидел две русские каски, на долю секунды мелькнувшие над краем траншеи.

За этим последовали выстрелы и автоматные очереди. Стали слышны крики. И стрелки, наконец, заметили начало атаки русских. В траншеях разгорелся жестокий ближний бой. За несколько секунд все немецкие пехотинцы были подняты по тревоге и с оружием в руках заняли свои позиции. Развивая атаку, русские переправлялись через реку. В лодках и на плотах, стремительно двигаясь к занятому немцами противоположному берегу, они, казалось, совершенно не жалели себя под градом огня оборонявших свои позиции солдат Вермахта. Однако русские атаковали без поддержки артиллерии, и все преимущества были на стороне немецких стрелков, засевших в своих грамотно сооруженных окопах. Но пока сопротивление войскам, переправлявшимся через реку, не требовало значительных усилий, в траншеях, атакованных русскими штурмовыми группами, переправившимися ночью, развивалась угрожающая ситуация. В руки русских переходил один участок за другим. Поэтому немцы быстро сформировали специальные группы для нанесения контрудара. Их действия не позволили врагу захватить новые позиции. Однако при этом русские упорно защищали позиции, захваченные ими прежде.

В то время как я одну за другой всаживал пули в русских, переправлявшихся через реку, мой сержант осматривал в бинокль удерживаемые русскими позиции. Я вдруг заметил солдата в

белой меховой шапке, который явно был командиром, поскольку его всегда можно было заметить в гуще боев вдохновлявшим своих людей к жестокому сопротивлению. Сержант тронул меня за плечо:

— Я думаю, что человек в меховой шапке их командир. Если ты прикончишь его, то наши товарищи расправятся с Иванами.

Я к этому времени уже не понаслышке знал о том, какой эффект на бойцов оказывает присутствие офицеров, сражающихся бок о бок с ними на передовой, и как падает боевой дух солдат с гибелью таких командиров. Я сделал два шага в сторону и занял хорошую позицию, откуда отлично просматривалась занятая русскими траншея. Чтобы наверняка покончить с врагом, я зарядил свою винтовку одним из немногих оставшихся у меня патронов с разрывной пулей, какие нечасто находились среди захваченных русских боеприпасов.

Держа винтовку в огневой позиции, я ждал, пока появится возможность сделать смертоносный выстрел. Сержант теперь выполнял функцию моего наводчика. Он мог через свой бинокль просматривать всю занятую врагом траншею, в то время как у меня был очень ограниченный обзор через оптический прицел. Неожиданно меховая шапка снова возникла над краем окопа.

— Йозеф, там! — окликнул меня сержант. Ствол винтовки повернулся в нужном направлении, но цель снова скрылась из виду. Однако наводчик уже сделал часть своего дела, определив направление движения русского.

— Йозеф, он бежит вправо. Следи за ним. Ты видишь край его шапки над краем окопа?

Теперь я поймал ритм движения противника. Оставалось дожидаться, пока тот окажется в перекрестье моего прицела, чтобы в то же мгновение точно выстрелить в него. Я повернул свою винтовку, взяв на прицел новый небольшой участок траншеи. Я ждал решающего момента. И вдруг неожиданно увидел в оптический прицел меховую шапку. В ту же секунду раздался выстрел моей винтовки, и пуля вошла в цель. Мы увидели, как меховая шапка вдруг резко надулась, подобно шарику, и через миг разорвалась от кровавых брызг, словно перезревшая дыня.

Потеряв командира, русские пришли в замешательство и перестали действовать с прежней согласованностью. Воспользовавшись этим, стрелки начали штурмовать занятую русскими траншею и в кровопролитном ближнем бою сумели расправиться со всеми находившимися там советскими бойцами.

Выстрелив в русского командира, я незамедлительно снова переключился на русских, перебиравшихся через реку. Мой

наводчик также опять поднял свой карабин. Сила снайпера теперь заключалась в его быстром и очень точном огне. Бойцы, плывущие на плотах, оказывались очень легкой целью. Понимая это, они спрыгивали в воду задолго до того, как достигали берега. Для снайпера, стрелявшего по торчащим из воды головам, происходящее было чем-то вроде практики в прицельной стрельбе по плавно движущейся мишени. Но русские продолжали свою атаку, не считаясь с потерями, и вода в реке постепенно приобретала кровавый оттенок. Через некоторое время она стала напоминать сливную трубу скотобойни. По кроваво-серой воде у дна в направлении Черного моря плыли трупы, оторванные конечности и куски человеческих тел.

Мой полк сумел успешно отбить все обрушившиеся на него атаки и удержать свои позиции. Но на соседних участках русские прорвались через немецкую линию обороны. Тем не менее 144-й полк, несмотря на то что его фланг был открыт, оставался недвижим до 27 марта.

Ночью с 27 на 28 марта полк в конце концов начал свое отступление к Днестру. Бойцам предстояло преодолеть пешком триста километров. Чтобы снизить давление со стороны преследующих русских войск, наша дивизия попыталась вырваться вперед на значительное расстояние, совершив 48-часовой марш-бросок. Однако один из основных законов войны гласит, что отступающий враг не должен получать времени на отдых. Русские твердо усвоили это за предыдущие годы войны. И вопреки надеждам выкладывавшихся из последних сил немецких стрелков, давление русских на отступающие войска не ослабевало.

В довершение всего пути поставок к 3-й горнострелковой дивизии были парализованы. Она не получала ни боеприпасов, ни провианта, ни противотанковых орудий. Последний грузовик, который должен был привезти провизию, доставил две тонны шоколадных плиток и пятьсот Железных Крестов второго класса. Случившееся породило одну из тех странных ситуаций, когда немецкие пехотинцы спрашивали себя, что за гении сидят в службе снабжения. В результате происшедшего их ежедневный рацион долгое время состоял из половины плитки шоколада и галет. Это сочетание не было самым полезным для желудка и приводило к тяжелым запорам, что оказалось той еще заменой постоянно мучавшей бойцов диареи.

Двухдневный марш-бросок не принес немецким войскам ожидаемого облегчения. Передовые отряды русских все равно шли за ними по пятам, а следом за авангардом двигались и основные советские силы. Отступление дивизии превратилось в

бой на ходу без какой-либо четкой линии фронта. Советские отряды снова нападали на них на каждом шагу. Немецкие части были отрезаны друг от друга, и им приходилось противостоять русским в одиночку, несмотря на все свои отчаянные попытки стать единым более боеспособным соединением.

Русская пехота начала применять новую тактику. Советские войска теперь использовали полугусеничные бронетранспортеры, которые доставляли их прямиком на участок боев. Броня этих машин была столь крепка, что пробить ее можно было только из противотанковых орудий. Однако у немецких стрелков не было даже простейших из них, да и ручных гранат оставалось не слишком много. Русская пехота под защитой бронированных вездеходов обрушила на бойцов Вермахта свою полную мощь.

С ревом моторов и грохотом гусеничных траков дюжина бронетранспортеров надвигалась на позиции немецких пехотинцев. Мои товарищи лихорадочно искали способ противостоять этой новой опасности. При этом то, что русская пехота в случае необходимости в любой момент могла незамедлительно высадиться из этих машин, сводило на нет обычную тактику борьбы с танками, при которой стрелки использовали ручные гранаты. Я рассматривал в бинокль приближающиеся вездеходы в поисках слабого места. Сквозь смотровую щель в передней броне кабины я увидел движение. «Водитель!» — понял я. Щель была размером 10 на 30 сантиметров. До нее было около восьмидесяти метров. Шансы поразить водителя через смотровую щель были невелики, но это было единственной возможностью остановить бронетранспортер пулей из простой винтовки.

Я внимательно следил за приближающимся вездеходом, который снизил скорость, преодолевая неожиданные неровности поверхности. Я зарядил свою винтовку патроном с разрывной пулей и скрутил плащ-палатку, чтобы она могла служить упором для винтовки. Установив винтовку на огневую позицию, я прицелился. Несмотря на невероятное напряжение, я дышал спокойно и ровно. Для меня это уже давно стало привычным делом. Перекрестье прицела сосредоточилось на цели, и мой правый палец лег на спусковой крючок. Все чувства были предельно обострены. Бронетранспортер находился на расстоянии около шестидесяти метров от меня, и на краткий миг я смог увидеть через смотровую щель глаза водителя. Через секунду раздался выстрел, и пуля нашла свою цель. Вездеход дернулся в сторону и въехал в воронку от снаряда, в которой остановился. Его гусеницы продолжали двигаться. В панике русские солдаты начали выпрыгивать из бронетранспортера. На

них тут же обрушился огонь немецкой пехоты, которая не могла позволить им прорваться вперед. В кабине вездехода, очевидно, находился только один водитель. Она была отделена от боевого отделения, и в результате после смерти водителя никто не смог управлять бронетранспортером вместо него. Ахиллесова пята была найдена, и у нас появилась надежда, что мы сможем уменьшить нависшую над нами угрозу.

Использовав свои последние двадцать патронов с разрывными пулями, я сумел остановить семь из двенадцати атаковавших нашу часть бронетранспортеров, убив или ранив водителей. Остальные пять прорвались через позиции стрелков, из них выгрузилась русская пехота. Но немцам удалось уничтожить врагов в жестоком ближнем бою.

Несмотря на то, что на моем участке атака русских была успешно остановлена, позиции соседних дивизий опять оказались прорванными во многих местах. Для создания новой линии обороны требовалось очередное отступление.

Поразительно, но армейское руководство в ОКХ сумело перебросить румынские бомбардировщики и отряд противотанковых орудий, чтобы ослабить давление на отступающие войска. Уничтожив двадцать четыре русских танка, эти переброшенные силы обеспечили отступающим частям передышку, необходимую для установления новой линии фронта. Для сражавшихся несколько месяцев без поддержки с воздуха немецких пехотинцев появление в воздухе своих самолетов казалось чем-то нереальным. Но несмотря на это, основное направление наступления русских оставалось неизменным. И хотя 3-й горнострелковой дивизии в который раз удалось отразить атаку врага в своем секторе, заплатить за это дивизии пришлось третью своего личного состава. Потерпев поражение на этом участке фронта, русские изменили направление атаки и ударили по более слабым местам немецкой линии обороны. И пока всего в нескольких километрах от моих товарищей свежая немецкая часть перемалывалась в жерновах атаки русских и сотни молодых солдат с криками и стонами умирали, стрелки 144-го полка наконец-то получили возможность хоть немного поспать среди внезапного спокойствия, установившегося в их секторе.

Глава девятая. КРАЙНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ

Возглавляемый огромными танковыми силами русский прорыв в конце концов удался 2 апреля 1944 года. В результате даже 3-й горнострелковой дивизии пришлось незамедлительно спасаться из клещей советских войск. Эта операция была невероятно рискованной, поскольку части дивизии были оснащены только стрелковым оружием и ручными гранатами. Однако неожиданно начавшаяся непогода на этот раз выступила их долгожданным союзником. Вечером того же дня началась свирепая метель. Предельная видимость сократилась менее чем до пятидесяти метров. Уцелевшие бойцы дивизии оставили свои позиции и зашагали прочь от них в длинных колоннах, растворявшихся в беспредельности валивших с неба снежных хлопьев.

Как всегда во время подобных отступлений, которые приносили только мучения, раненые страдали больше всех. Каждый из них, кто был более-менее способен идти, двигался вперед, держась за товарищей. Страх оказаться в плену у русских заставлял их мобилизовывать последние резервы своих организмов. Тех же, кто был неспособен передвигаться самостоятельно, пришлось оставить на позициях. Им оставалось только мечтать о скорой смерти. Многие просили, чтобы им дали оружие и они смогли покончить с собой.

С немой болью расставания боевые товарищи в последний раз печально смотрели в глаза друг другу, обещая известить семьи или передать, когда они вернутся домой, дорогим для умиравших людям последние подарки от них. Разумеется, многие из фотокарточек, амулетов и других подобных безыскусных, но значимых для близких сувениров не достигли своих адресатов, оказавшись вскоре уничтоженными взрывами или затертыми до неузнаваемости от грязи и крови.

Последнее рукопожатие, которым обменивались бойцы, было наполнено взаимным пониманием. Немецкие части продолжали отступление, через несколько шагов уже переставая видеть за метелью своих оставленных товарищей.

Через несколько минут после того, как стрелки покинули свои позиции, они услышали сквозь темноту раздавшиеся позади них глухие отголоски выстрелов. Так некоторые раненые избавили себя от мучений. Многие стрелки начинали путь с почти равнодушными лицами, но боль, похороненная глубоко

внутри под толстой оболочкой внешнего безразличия, теперь напомнила им о себе.

Моя снайперская винтовка, как обычно, была у меня за спиной, обернутая в плащ-палатку. На груди у меня висел готовый к бою пистолет-пулемет MP40. Я вместе с несколькими товарищами охранял фланг своей маршевой группы. Мы двигались уже около часа, когда я услышал обрывки разговора и звук шагов марширующих бойцов. Я почувствовал облегчение: с моего фланга между мной и противником движется еще одна немецкая часть. Однако всего через несколько минут меня словно ударило электрическим током. Теперь были четко слышны русские слова, и менее чем в десяти метрах от меня сквозь метель стали видны силуэты советских бойцов. Значит, мы маршировали параллельно с русским конвоем!

«Не теряй голову», — сказал я себе, понимая, что если разгорится бой, то моим товарищам и мне самому придет конец. Я стал хлопать по плечу своих товарищей и одними глазами показывал им, что произошло. Этого было достаточно. Безмолвное предостережение распространилось по немецкой колонне, и каждый сразу понял, в чем дело. Не произнося ни слова, мы стали медленно удаляться от русского отряда.

В первые часы утра, когда еще было темно, мы вышли к удерживаемой русскими дороге, пересекавшей направление нашего марша, по которой тянулся бесконечный поток русских войск и машин с их обеспечением. После часа надрывающих нервы сомнений мы решились с боем пересечь дорогу. Дождавшись, когда напротив нас окажутся грузовики, перевозившие обеспечение русских войск, мы выпрыгнули из придорожных кустов. Завязался короткий, но жестокий бой.

Я вместе с четырьмя товарищами пошел в первой группе, прорывавшейся через дорогу. Воспользовавшись тем, что между двумя идущими друг за другом машинами оказалось расстояние около сорока метров, мы выпрыгнули из кустарника в нескольких метрах перед грузовиком. Пока трое стрелков опустошали магазины своих пистолетов-пулеметов, стреляя по кабине водителя, я и еще один мой товарищ бросили по ручной гранате в кузов машины. Передние колеса грузовика повернулись, одновременно раздался грохот от взрыва ручных гранат, и передняя часть машины въехала в придорожную канаву. Дверь кабины распахнулась, и в бледных отблесках огня, охватывавшего грузовик, на секунду мелькнуло окровавленное и искаженное лицо водителя. Из его горла с хрипом вышел большой сгусток крови, и русский, подобно сваленному дереву, рухнул на покрытую снегом землю. Теперь, пока пятеро немецких стрелков

вели огонь по другому грузовику, остатки полка спешно пересекали дорогу. Через несколько минут дело было сделано, и стрелки, словно привидения, растворились в темноте.

Остатки дивизии сумели переформироваться. Но тут выяснилось, что наше отступление слишком запоздало. Мы находились около города Бакалово в 25 километрах от устья реки Кучурган[7], которая являлась естественной преградой. Русским танковым частям к этому моменту уже удалось, нанеся быстрый и смелый удар, взять город[8] и, таким образом, окружить пять немецких дивизий, в том числе и 3-ю горнострелковую дивизию. Все эти части были в плачевном состоянии. Наши батальоны сократились до половины своей боевой численности и обладали только легкими пехотными орудиями и ручными гранатами.

Немецкие пехотинцы страдали от голода и находились на пределе своих физических сил. Однако страх оказаться в плену у русских не позволял нам даже помыслить о капитуляции. Командование частями, оказавшимися в окружении, принял офицер высочайшего ранга, командир 3-й горнострелковой дивизии генерал Виттманн. Он принял решение прорываться через смертоносное окружение и попытаться соединиться с немецкими войсками, занимающими позиции на западном берегу Кучургана.

Операцию по спасению из окружения следовало предпринимать энергично и незамедлительно. Однако в дополнение к крайне скудной материально-технической базе немецких войск их радиосеть также была разрушена, а потому осуществление связи между частями оказалось возможным только через связных. Это привело к значительным потерям столь драгоценного в данной ситуации времени. Подготовка к прорыву была завершена только к вечеру 5 апреля.

В 17.00 3-я горнострелковая дивизия выстроилась в авангарде немецких войск. Русские были явно удивлены решительным напором обескровленных немецких частей и не оказали стойкого сопротивления. Благодаря этому к 21.00 Бакапово было взято. 144-й полк занял небольшую деревеньку в двух километрах от города.

В дополнение к пяти дивизиям под командованием генерала Виттманна в окружении также оказался 24-й армейский корпус, занимавший соседнюю долину. Стремясь обрушить на русских удар максимально возможной мощи, оба командира договорились начать прорыв одновременно. Но попытка согласовать атаки провалилась из-за трудностей связи между ними. В конце концов силы Виттманна и 24-й корпус совершенно потеряли связь друг с другом. Генерал Виттманн справедливо

опасался, что корпус будет слишком медленно продвигаться, вырываясь из окружения. Через некоторое время он, казалось, вообще застрял на месте. Восстановление связи между дивизиями Виттманна и армейским корпусом было жизненно важно для их общего спасения. Поэтому Виттманн прервал боевые операции собственных войск и приказал своим частям ждать в районе Бакалово. Стремясь снизить давление врага на соседнюю долину, он подставил собственные войска под нарастающие и все более согласованные атаки русских.

На 144-й полк обрушивались особенно сильные удары. Удерживая позиции среди горящих домов занятой ими деревни, его бойцы всю ночь отбивали атаки казачьих кавалерийских частей. Я и десять моих товарищей размещались на руинах фермы. Я, к этому времени обладавший уже немалым практическим опытом в своем деле, подготовил себе четыре позиции с хорошим прикрытием и широкой зоной ведения огня, уделив особое внимание обеспечению возможности быстро и незаметно сменить позицию.

Появление первой роты казаков в 21.30 производило демоническое впечатление. Ее бойцы галопом мчались на лошадях в направлении немецких позиций, озаренные красными отблесками пожара. Седоки искусно управляли своими лошадьми и всего через несколько мгновений ворвались на немецкие позиции. В мерцающем свете было практически невозможно попасть в наездников, и нам пришлось вместо этого стрелять в их лошадей.

Благодаря тому, что прежде мне иногда приходилось стрелять по транспортным лошадям русских, я знал, в какую часть тела животного следует целиться. Если пуля попадала в грудину, лошадь тут же валилась с ног, переворачиваясь и зачастую придавливая седока. Если пуля входила в кишечник в районе почек, животное начинало вставать на дыбы, становилось неконтролируемым и в конце концов валилось на землю и медленно умирало, ожесточенно дергая ногами в конвульсиях. Учитывая расстояние между казаками и нашими позициями, я стрелял большинству лошадей в грудину, а также в мягкие части тех животных, которые находились на большем удалении от меня. Мои товарищи открывали огонь по свалившимся на землю наездникам. Таким образом мы сумели отразить несколько атак. Через час подступы к немецким позициям были усеяны телами умирающих лошадей, невинных жертв крайностей человеческой жестокости. Внутри меня нарастало отвращение к тому, что я был вынужден стрелять в этих несчастных животных.

Бой становился все ожесточеннее. Казаки неожиданно

возникли в пятидесяти метрах перед моей позицией. Я развернул свою винтовку и выстрелил в грудь лошади. Но в тот миг, когда я нажал на спусковой крючок, лошадь прыгнула через труп, и пуля угодила ей в брюшную стенку и разорвала ей половину живота. Внутренности животного вывалились наружу. Лошадь наступила на них, и они еще сильнее вывалились из нее. В широко открытых дрожащих глазах животного, которые были размером с куриные яйца, застыл немой страх смерти. Наездник на спине лошади превратился в камень. Мне казалось, что животное долгие минуты пристально смотрело на меня, пока не отвернуло взгляд, наполнившийся невыразимой глубиною и тоской, от чего еще сильнее чувствовалась абсурдность гибели лошади. В действительности все это длилось всего несколько секунд, пока я не очнулся из оцепенения и не положил конец ее страданиям точным выстрелом в голову. Очередь, выпущенная из пистолета-пулемета кем-то из моих товарищей, изрешетила грудь казака, который еще не успел слезть с седла умирающей лошади.

Следующей волне атакующих всадников удалось ворваться в деревню, и завязался ожесточенный ближний бой. Я снова спрятал свою снайперскую винтовку и, вооружившись своим MP40, сражался бок о бок вместе с еще семью бойцами, укрывавшимися на руинах фермы. Наше положение с каждой минутой казалось все более безнадежным. Неожиданно раздался рев многозарядных пусковых установок, и у немецких пехотинцев осталось лишь несколько секунд на то, чтобы рухнуть на землю и укрыться от их огня в относительной безопасности руин. Огонь русских пусковых установок обрушился точно между казаками и стрелками, но, по иронии судьбы, именно казаки сильнее пострадали от него. Куски тел лошадей и наездников перемешивались с комьями земли и градом падающих осколков. Взрывы и стоны умирающих раздавались везде вокруг. К этому грому апокалипсиса вскоре присоединились залпы немецкой артиллерии.

Обе стороны пытались поддержать своих бойцов, не располагая точными сведениями о боевой ситуации и позициях своих солдат. Огонь пусковых установок и артиллерии продолжался всего несколько минут, но он уничтожил целый казачий батальон и несколько стрелков. После этого бой вдруг затих, и наступила сверхъестественная мрачная тишина. Но за ней стремительно последовала новая волна русской атаки.

Временный характер позиций полка и недостаток вооружения и боеприпасов привели к большим потерям. За несколько часов этого оборонительного боя только один 144-й горнострелковый полк лишился почти 300 бойцов, 168 из которых были ранены, а

остальные убиты. Какая-либо связь с дивизией была потеряна. Патрули полка не смогли прорваться к ней, поскольку линии русских позиций уже твердо установились к этому моменту. Теперь само существование 144-го полка оказалось под вопросом. В этой невероятно сложной ситуации командир полка полковник Лорх принял единственное решение, которое давало нам шансы на спасение. Только немедленный прорыв мог позволить полку соединиться с дивизией.

То, что описывается как незначительные локальные боевые действия в армейских сводках и дивизионной истории, непреложно означает огромные страдания для раненых, которых приходится оставлять позади. Транспортные возможности медицинской службы всегда оказываются скованными при подобных обстоятельствах. Сообщение между передовой и главным пунктом медицинской помощи нарушается из-за потери в боях медицинских машин, нехватки бензина и медперсонала гораздо чаще, чем оказывается перекрытой дорога из глубокого тыла к фронту. Особенно в тех случаях, когда боевая ситуация настолько неопределенна, как во время отступления.

План полковника Лорха был доведен до командиров рот через связных. Раненые были отсортированы несколькими оставшимися в полку докторами и санитарами. Те из раненых, которых приходилось оставлять на позициях, просили, чтобы им дали оружие. Все приготовления производились стремительно и не оставляли места сентиментальности. Неумолимый характер войны заставлял каждого следовать ее безжалостным законам, в которых было абсолютно естественным нести смерть другим и самому встречать ее.

Решающую атаку немцы начали на рассвете. Осознавая серьезность ситуации, стрелки мобилизовали последние резервы своих сил и ринулись в бой, стараясь вырваться из смертоносного окружения.

В последующих официальных сводках говорилось о героической и тщательно спланированной операции. Но в реальности это было беспорядочной попыткой прорыва, которая удалась только благодаря благосклонности удачи. Многие немецкие солдаты потеряли самообладание. Бой для них превратился в бегство из окружения, что потом переросло в панику.

Перед самым началом этой решающей атаки я вместе с несколькими товарищами стоял возле одной из последних оставшихся у нас полевых кухонь. Я наполнял свою флягу горячим чаем, когда сквозь утренний туман до нас донеслись отдаленный рев моторов и грохот гусеничных траков. Это словно

пришпорило бойцов. Наши чувства напряглись, и мы начали всматриваться туда, откуда нарастал шум. Ничего не было видно, но неожиданно раздался крик:

— Иваны прорываются! Танки!

Мы побежали. Повар запрыгнул на свою повозку полевой кухни и, безжалостно подстегивая лошадей, начал удаляться, при этом чай выплескивался из оставшихся открытыми баков на его повозке. Более опытные стрелки попытались предотвратить бегство, приведя в чувство нескольких пехотинцев ударами и пощечинами. Но почти половина из них исчезла в том же направлении, что и полевая кухня. Оставшиеся, дрожа, ожидали русских танков. Через несколько минут из тумана показались контуры боевой техники. И тут оказалось, что это вовсе не танки противника, а немецкие самоходные штурмовые орудия, присланные, чтобы поддержать нас! Потребовалось полчаса, чтобы снова собрать вместе запаниковавших солдат. Удары кулаком в ухо и ногой под задницу здесь оказались гораздо более эффективными, чем какие-либо дисциплинарные меры. При этом было место и циничному юмору. Среди решительных бойцов, оставшихся на своих позициях, я узнал старшего сержанта в униформе со множеством наград. Это был тот самый Викинг с густыми рыжими усами, который ободрил меня после первого снайперского выстрела и предложил мне флягу со спиртным. Викинг прошел через всю операцию со стоическим спокойствием и неуклонно удерживал в том же состоянии своих бойцов. Пока остальные снова собирались на позициях, он со своим особым акцентом заметил, покашливая:

— Пацаны, а вы знаете, что вам больше не будут давать довольствия?

Вокруг Викинга все замолкли и непонимающе уставились на него. Он пояснил:

— В будущем вам будут давать только под хвост! — и разразился смехом.

Викинг был тем парнем, о котором я потом вспоминал снова и снова.

Около полудня полевой запасной батальон полка столкнулся на северо-западе Бакалова с противодействием особого рода. Из леса кто-то открыл по нам невероятно точный винтовочный огонь. За несколько минут одиннадцать пехотинцев из головной роты оказались поражены пулями в голову или в грудь. Раздался крик:

— Снайперы!

И каждый из уцелевших немецких бойцов как только мог вжался в свое укрытие. Двое командиров рот, высунувшие свои

головы из укрытий, чтобы рассмотреть в бинокли окружающую местность, заплатили за это своими жизнями. Русские разрывные пули развороти ли их черепа. Судя по огромному количеству точных выстрелов русских, можно было сделать практически однозначный вывод: батальон, по всей вероятности, столкнулся с целой ротой снайперов. Немецкие стрелки только слышали о подобных вещах, им до этих пор приходилось сталкиваться лишь со снайперами-одиночками. Без артиллерии и тяжелых минометов мы оказались беспомощными. Огонь врага обрушивался на нас из непроглядной зелени хвойных деревьев. Пулеметные очереди в направлении предполагаемых позиций врага не произвели видимого эффекта, но в ответ на них последовали точные выстрелы, ставшие роковыми для тех пулеметчиков, которые позволили себе хоть немного высунуться из укрытия. Осторожно, насколько это было возможным, стрелки отступили на защищенные позиции в разрушенных зданиях колхоза, стены которых служили надежным укрытием. Сразу после этого в штаб полка был отправлен связной. Батальон надеялся, что тяжелые орудия смогут обстрелять лес. Но боевая ситуация и недостаток артиллерии сделали это стандартное разрешение ситуации невозможным.

Я к тому времени был известен в полку как умный и успешный снайпер. Обо мне знал и командир полка. Соответственно полковник Лорх, несмотря на то, что он, казалось, оценил такое противодействие русских как чисто символическое, отдал связному письменный приказ, который тот должен был доставить в командирский блиндаж 2-го батальона. Приказ предписывал снайперу Оллербергу бороться с целой ротой русских снайперов. Три часа спустя я уже оценивал ситуацию, находясь внутри разрушенных колхозных зданий.

Лес находился в трехстах метрах от нас. Чтобы выследить хоть кого-то из русских в густом ельнике, я должен был подобраться ближе и спровоцировать снайпера врага произвести выстрел. Для этого я должен был дать им ложную цель. Соответственно я набил травой пять гранатных сумок, установил на них шлемы и обуглившейся деревяшкой нарисовал глаза, носы и рты. Кроме того, в последнее время я всегда носил с собой каркас зонта, с которого была снята защищавшая от дождя ткань. Теперь к этому каркасу были прикреплены ветки и пучки травы так, что между ними оставалась всего одна небольшая щель для наблюдения. В ста метрах от колхозных зданий была небольшая лощина, по краям которой росли кустарники. Эта была идеальная позиция для наблюдения, до которой можно было добраться ползком, оставаясь не замеченным противником. Я заранее

условился о сигнале, по которому остальные стрелки поймут, когда им нужно будет осторожно высунуть головы чучел на различных участках занимаемых ими руин.

Через двадцать минут я уже был в лощине и с осторожностью установил свой маскировочный зонт в подходящем месте. Благодаря этому я мог рассчитывать, что мои движения не привлекут внимание врага. Затем я начал внимательно просматривать русские позиции, чтобы определить возможные места нахождения снайперов. Анализируя их предыдущие выстрелы, я пришел к выводу, что русские обладали хорошим обзором немецких войск, следовательно, их позиции должны были находиться на возвышении. Логика подсказывала, что такое возвышение им могло обеспечить только расположение среди верхушек деревьев. Но я с трудом мог представить себе, чтобы опытные снайперы допустили такую кардинальную ошибку, стреляя с вершины дерева без единой возможности незаметно отступить или укрыться от огня противника. Я подал условленный сигнал, и мои товарищи высунули из укрытий головы чучел. Неожиданно с русской стороны раздалось несколько выстрелов, и я увидел, как ветви на вершинах деревьев закачались от пороховых газов, вырвавшихся из винтовочных стволов.

Я незамедлительно отполз к колхозным зданиям. Там я обсудил свой план с сержантом, принявшим на себя командование ротой после гибели двух бывших в ней офицеров. Я установил пять пулеметов на хорошо скрытых позициях с широкой зоной огня в направлении леса и поменял местоположение солдат, отвечавших за чучела. Немного в стороне от них я выбрал хорошо замаскированную позицию для себя. Затем подал знак стрелкам, чтобы они высунули из укрытий головы чучел, а сам в это время тщательно просматривал русские позиции. Когда одна из набитых травой голов была прострелена, я смог засечь местоположение нескольких снайперов. Затем, пока пулеметы вели огонь по вершинам деревьев, я делал прицельные выстрелы в вычисленных мною противников. Пулеметные очереди прекрасно маскировали мой огонь. Действуя подобным образом, можно было сколь угодно долго скрывать от русских присутствие немецкого снайпера. Тот факт, что советские снайперы пять раз попадали точно в головы противника, но сидели на деревьях, однозначно говорил о том, что они были хорошими стрелками, но не обладали тактическим опытом. Это ослабило мой страх перед предстоящей дуэлью с численно превосходящим противником.

Мой план работал с почти пугающей эффективностью.

Стоило только появиться набитой травой голове, тут же раздавались один или два, а иногда и три одновременных выстрела. Я определял место, где качались ветви деревьев, прицеливался и ждал пулеметной очереди, после чего стрелял и поражал одну цель за другой. Сраженные моими пулями русские падали с деревьев, словно мешки. Происходила быстрая смена позиций, и игра начиналась снова. Всего за час я застрелил подобным образом восемнадцать вражеских снайперов. После этого огонь по чучелам неожиданно прекратился. Было около пяти вечера. Мы выжидали еще час, но со стороны леса новых выстрелов больше не последовало. Тогда сержант решил продвигаться к деревьям. Я и пулеметчики обеспечивали прикрытие. Рота достигла леса, не попав под огонь. И стало очевидно, что враг отступил. Сержант махнул рукой мне и остальным. Осторожно, не доверяя обманчивой тишине, я вошел в лес и увидел молодых женщин, лежавших мертвыми на траве передо мной.

Этот массовый набор снайперов был особой русской тактикой, которая, как ни удивительно, имела свои истоки в немецком влиянии.

В 1920-х годах два прежних врага стали союзниками. Это был своего рода брак по расчету. После хаоса революции Россия оказалась на коленях в технологическом и экономическом смысле, в то время как Германии развивать военную технику не позволяли условия Версальского договора. И хотя страны были политическими оппонентами, их правительства уступили силе необходимости. Немцы передали России свои технологии производства и промышленное оборудование, получив взамен возможность развивать и тестировать свою новую военную технику в России. В частности, тесная кооперация наблюдалась в развитии боевых машин и авиации. Незначительной, как казалось на тот момент, частью сделки было то, что Германия также предоставляла русским технологические и тактические сведения для создания эффективного оптического прицела и совершенствования русского искусства меткой стрельбы. До этих пор русские не использовали оптических прицелов.

Впоследствии Вермахт сделал ставку на высокомобильную армию и пренебрег должным развитием пехотного вооружения и тактики, в то время как молодая советская армия из-за своих ограниченных средств сосредоточилась на последнем. В качестве примеров ее прогрессивных достижений можно назвать самозарядное оружие, противотанковые ружья и многоствольные минометы. И пока немецкая армия до 1940 года продолжала использовать старые довоенные оптические прицелы, Красная

Армия развивала современное снайперское оружие и готовила огромное количество снайперов. Русские снайперы действовали в одиночку, командами из снайпера и наблюдателя, снайперскими парами или даже целыми отрядами, в которых было до шестидесяти снайперов.

С самого начала Русской кампании советские войска несли значительные потери от наступающих войск Вермахта, особенно среди офицеров и руководства. Но им много раз удавалось задержать немецкое продвижение на несколько дней, несмотря на отсутствие тяжелых орудий. Однако немцы в эйфории от побед первых месяцев кампании сбрасывали со счетов русских снайперов и игнорировали скрытую угрозу, которую они представляют. Но в 1942 году, когда война приобрела более статичный характер и немцам все чаще приходилось переходить к оборонительным действиям, проблема стала более явной и потребовала неотложного решения. Нехватка оптических прицелов в немецкой армии была к тому времени критической. Введение оптических прицелов с 1,5-кратным увеличением было явно недостаточной мерой, поскольку они мало подходили для точной стрельбы с удаленных расстояний.

До того, как Германия смогла начать производство более мощных оптических прицелов, армии приходилось искать другие выходы из сложившегося положения. Немецкие бойцы, как и я, пользовались захваченными у русских снайперскими винтовками. Также в Германии шел сбор охотничьего оружия с оптическими прицелами, и оно посылалось на фронт. Немногие снайперские винтовки, имевшиеся в казармах и у полиции, также были собраны и стали первым оружием снайперов Вермахта. Руководящие указания насчет оружия с оптическим прицелом и применения снайперов начали появляться в конце 1942 года, но первых официальных инструкций не было издано до мая 1943-го.

Но вернемся ко мне. Мои товарищи собирали оружие и боеприпасы женщин, застреленных на вершинах деревьев, и вдруг раздались выстрелы.

Одна из молодых женщин, которой на вид еще не было двадцати, лежала лицом вниз на своей винтовке. Один из стрелков склонился над ней и перевернул казавшееся безжизненным тело, чтобы взять оружие. Правая рука девушки лежала внутри ее залитой кровью форменной куртки, в которой была видна дыра от пули, вошедшей ей прямо между грудей. На губах русской была кровавая пена. Но когда немец отвернулся от нее, чтобы поднять винтовку, девушка неожиданно выхватила из-под куртки пистолет ТТ и, захрипев: «Смерть фашистам!» — нажала на спусковой крючок.

Вовремя заметив ее движение, стрелок прыгнул в сторону, так что пуля только оцарапала его сзади, оставив кровавую полосу на его штанах. Развернувшись, пехотинец выхватил свой MP40 и надавил на спусковой крючок. С глухими шлепками пули вошли прямо в грудь умирающей русской снайперше. Словно наэлектризованная, она начала корчиться, но через несколько мгновений ее черты сковала смерть.

Для моих товарищей этот случай был первым, когда им пришлось сражаться с женщинами. Стоя над безжизненными телами и глядя на разбитые молодые лица, все они переживали странное чувство. Стрелки больше не испытывали ненависти к русским снайпершам, и их охватывал стыд. Но даже если бы они знали обо всем заранее, у них не было пути обойти закон войны: убить или быть убитым. Возможно, знай они, что воюют с девушками, немецкие пехотинцы сражались бы с меньшим неистовством и в итоге стали бы жертвами своих собственных нравственных норм.

На рассвете следующего дня линии обороны русских были прорваны, и дивизия прошла через них. Однако отдельным частям и разбросанным группам потребовались часы, чтобы соединиться с основными ее силами. Наш батальон, численность которого сократилась к этому моменту до шестидесяти бойцов, был одной из таких частей. Даже во время отступлений мы старались не оставлять врагу ничего, кроме выжженной земли и разрушенной инфраструктуры. Поэтому немецкие полевые инженеры подготовили взрыв железнодорожного тоннеля, по которому пролегал важный маршрут отступления немецких солдат с передовой. Когда 2-й батальон преодолел тоннель, капитан Клосс сказал командиру инженеров, что за ними в качестве арьергарда движется другой инженерный отряд, а потому уничтожение тоннеля следует отложить до того, как они пройдут через тоннель. Но у офицера инженерных войск разошлись нервы, и он детонировал заряды менее чем десять минут спустя. Еще через десять минут из тоннеля показались лишь двое грязных и разочарованных инженеров из арьергарда, угодивших в устроенную их же товарищами ловушку вместе с остатками батальона. Они доложили, что тоннель был взорван в тот самый момент, когда они проходили по нему. Эти двое бойцов выжили только потому, что были в авангарде отряда. Ярость распространялась среди бойцов. Многие думали о бесполезности и нарастающем безумии этой войны.

Но что мог здесь поделать простой солдат? Ему оставалось заботиться только о собственном выживании.

Мы продолжили движение и через час достигли заранее

условленного места сбора войск. Караульный неожиданно окликнул нас:

— Стой! Назвать пароль!

— Что за пароль, сукин сын? — отозвался стрелок, шедший в авангарде. — Где мы могли его взять? Засунь свой пароль себе в задницу!

С этими словами он продолжил шагать вперед. Пехотинцы позади него застыли, не веря своим глазам, когда град пулеметного огня вдруг разорвал грудную клетку пехотинца, забрызгав кровью все вокруг. За несколько секунд они все попрятались за укрытиями. Капитан Клосс пополз вперед и заорал:

— Прекратить огонь, недоносок! Это 2-й батальон. Зови своего командира!

Через несколько минут появился лейтенант и стал задавать вопросы, на которые Клосс отвечал раздражительно. В конце концов ему сказали идти вперед одному. Он осторожно встал и пошел к караульному посту, держа на вытянутых руках свое оружие. Клосс был полон ярости из-за смерти солдата и гибели инженеров. Лейтенант приподнялся. У его ног за пулеметом лежал караульный и пристально следил за обстановкой. Это был парень, дрожавший от страха. Задыхаясь от ярости, Клосс заорал на него:

— Трахнутый идиот, ты застрелил товарища! Я прикончу тебя, свинья! Я всажу пулю тебе в голову!

Клосс распалял себя все больше и больше и под конец потерял над собой контроль. С долгим криком он неожиданно разрядил весь магазин своего пистолета в беззащитного солдата, уставившегося снизу вверх на него широко открытыми глазами. Тут несколько пехотинцев бросились на своего командира и повалили его на землю, хлеща его по лицу, чтобы он успокоился. За исключением собственных бойцов Клосса и лейтенанта, выражавшего понимание к нервному срыву капитана, свидетелей инцидента больше не было. Поэтому все прошло без последствий, предвещая в дальнейшем нарастание отклонений в военной дисциплине. И стандартное сообщение «Погиб за Великую Германию», которое должно было быть отправлено семьям двоих убитых солдат, приобретало более чем двойственный смысл.

Полк, наконец, обрел радиосвязь с остатками боевой группы Виттманна. Появление радиосвязи позволяло скоординировать атаку пяти дивизий в следующей фазе прорыва. С началом нового дня мы сумели прорваться через последнее кольцо смертоносного русского окружения. Однако к этому моменту состояние всего немецкого фронта вызывало тревогу. Войска под командованием

Виттманна оказались отрезанными от остальной армии. Патрули, посылаемые по всем направлениям, натыкались только на вражеские части. При этом снайперы из своих разведывательных вылазок всегда приносили значимую информацию.

Снайперы находились в прямом подчинении своих командиров рот и были освобождены от обычных обязанностей. От командиров они получали приказы сражаться или отправляться в разведку. Поскольку их выживание находилось в прямой зависимости от умения оставаться не замеченным врагом, опытные снайперы развили в себе способность передвигаться предельно осмотрительно. Экзотический камуфляж такого рода, как тот, что отстаивался в руководствах по подготовке и показывался в пропагандистских фильмах и на фотографиях, едва ли играл какую-то роль. Полная маскировка требовала очень много времени и делала бойца неподвижным. К тому же при постоянно меняющейся, неустойчивой ситуации на Восточном фронте для применения такой маскировки практически не было возможности. Каждый снайпер, сумевший остаться живым за свои первые несколько недель в этом качестве, создавал свои собственные импровизированные средства камуфляжа, которые могли быть быстро задействованы, были легки в транспортировке и сковывали его подвижность столь мало, насколько это было возможно. Поэтому, как уже упоминалось, я держал при себе старый зонт, который укоротил и снял с него защищавшую от дождя ткань, благодаря чему я мог прикреплять к его проволочному каркасу ветки и пучки травы. Когда я не нуждался в нем, мой маленький маскировочный зонт легко складывался, и я мог без труда переносить его среди своего остального боевого снаряжения.

Вечером 6 апреля 1944 года радиосвязь с соседними частями боевой группы Виттманна была окончательно восстановлена. Полученные известия рисовали мрачную картину разобщенности немецких частей. Каждая из них была вовлечена в отдельные бои. Отступление и реконсолидация линии фронта были предельно жизненно важны. Нацистская пропагандистская машина замечательно называла это «гибким ведением войны».

Около 22.00 командный пункт генерала Виттманна начал получать повторяющиеся сообщения 97-й егерской дивизии. Все ее части в данном районе запрашивали разрешение на отступление к новой линии фронта за Кучурганом. 97-я дивизия уже подготовила переправы и должна была сохранять их невредимыми при поддержке 257-й пехотной дивизии. Для отступления было самое время, поскольку русские энергично преследовали немецкие части и обрушивали на их головы все

больше и больше снарядов. Тем не менее боевой группе удалось сосредоточить свои последние тяжелые орудия и встретить заградительным огнем советские войска, пытавшиеся перекрыть ей путь к отступлению. Пока русские приходили в себя от неожиданного заградительного огня противника, немецким пехотным частям удалось сняться с позиций. Однако русские быстро отреагировали на это, перебросив часть имевшихся у них в распоряжении войск в сектор прорыва и обрушив на немецких пехотинцев уничтожающий огонь. Тем не менее опытные солдаты и сержанты подстегнули горных стрелков к яростной контратаке. Немецкие бойцы бросились в битву, как тигры, смело переползая от позиции к позиции и стреляя с бедра при штурме вражеских позиций. Снайперы держались немного позади и стреляли, находясь среди своих товарищей, сосредоточивая свой огонь на позициях русских пулеметчиков и минометчиков. Бой свирепствовал в течение часа, пока русским не изменила их отвага. Тогда боевая группа Виттманна так быстро, как только могла, устремилась на прорыв через образовавшуюся брешь в позициях врага.

Безлунная ночь помогла немцам и избавила их от дальнейших крупных атак советских бойцов. А перестрелки с вражескими патрулями были для отступающих войск вполне посильным бременем. 7 апреля в

9.00 группа достигла Кучургана и незамедлительно приступила к переправе через него. Пять дивизий группы к этому моменту состояли из около 4500 солдат. 3-я горнострелковая дивизия была столь обескровлена, что в ней оставалось менее тысячи бойцов. Без остановки немецкие части двинулись к Днестру, который пересекли тремя днями позже.

Эта переправа была судьбоносной. Бойцы Вермахта покидали русскую территорию и входили в область Бессарабии, принадлежавшую Румынии. После трех лет свирепых боев и поражающих потерь Русская кампания окончательно провалилась. Стрелкам было ясно, что теперь война приближается к их родине. Речь больше не шла о завоевании новых земель. Теперь над Германией нависла безжалостная месть врага. И перед стрелками маячил лишь призрак надежды отвратить ее.

Глава десятая. ХУЖЕ ГОЛОДНЫХ ЛИС

Немецкие войска перегруппировались, включив в свои ряды румынские части. Но боевые силы румынских союзников были невелики, поскольку им не хватало опыта и боевого оснащения. В результате солдаты Вермахта не могли рассчитывать на сколь-либо серьезное облегчение своего положения.

Состояние 3-й горнострелковой дивизии снова было удручающим как в плане личного состава, так и в плане материальной части. Она смогла лишь в некоторой степени восстановиться от нанесенного ей урона, вобрав в себя разрозненные части и уцелевшую боевую технику уничтоженных немецких дивизий. Однако десять дней спустя, 17 апреля, более трети 3-й дивизии было переброшено на поддержку войск на оказавшемся под серьезной угрозой участке фронта, где части 3-й горнострелковой дивизии перешли под командование дивизий, уже сражавшихся там. Мне повезло остаться вместе с остальной частью своей дивизии, которая вошла в «боевую группу Роде», называвшуюся так по имени командира 138-го полка, из бойцов которого состоял костяк данной группы. Впрочем, и группа Роде впоследствии понесла ужасные потери более чем в 800 человек.

Однако несколько недель судьба была добра к уцелевшим бойцам 3-й горнострелковой дивизии. Майская погода проявляла себя с наилучшей стороны, а на участке фронта 144-го полка на берегу Днестра война, казалось, взяла передышку. Наши противники окопались на расстоянии, достаточном для ведения огня, но не спешили переходить к активным боевым действиям. Противоборствующие стороны обменивались эпизодическим минометным и пулеметным огнем и, словно чтобы развеяться от скуки, высылали время от времени небольшие патрули. Ширина реки между русскими и немецкими позициями была от 300 до 400 метров, и снайперы не имели возможности подползти к позициям врага и выбрать там себе хорошее укрытие для стрельбы. Поэтому я каждый день обходил позиции своей части, но при этом был вынужден ограничиваться стрельбой по особым целям, которые мне указывали товарищи. Когда мне удавалось попасть в голову с расстояния, доходившего до четырехсот метров, это было скорее удачей, чем результатом мастерства. Но вполне логично было предположить, что и на тех, у кого пули пролетели возле самой головы, мои выстрелы оказывали деморализующее воздействие, когда они думали о них,

оказавшись на безопасном расстоянии.

Каждодневная рутина войны притупляла в бойцах чувство опасности. Я, как правило, уже не воспринимал огонь врага, как прямую угрозу мне самому. Только когда я попадал на прицел одного конкретного огневого средства противника или оказывался вовлеченным в бой, где мне противостоял конкретный вражеский боец, ко мне снова возвращалось чувство опасности, и я понимал: «Эти ребята пришли сюда по мою душу». Однако избирательный огонь невидимого снайпера пугал даже самых опытных солдат. Снайпер представлял индивидуализированную угрозу жизни каждого из них. Это объясняет поразительное влияние снайперов на ситуацию на поле боя, когда порою один-единственный снайпер оказывается способен заставить целую роту в течение нескольких часов не поднимать головы из укрытия. При этом воля бойцов оказывается парализованной, поскольку каждый из них ощущает угрозу, нависшую лично над ним, и боится решиться хоть на малейшее движение, которое могло бы сделать его следующей жертвой снайпера.

В основном солдату приходится жить с постоянным пониманием своей уязвимости и возможности оказаться убитым. Многим не удается переносить такого психологического давления, и в бою их охватывает паника. Это проявляется в оголтелой беспорядочной стрельбе и в скрытой готовности обратиться в бегство, которая становится неконтролируемой, как только противник подбирается ближе или солдат остается один перед надвигающимся врагом. Соответственно, умение противостоять стрессу является гораздо более ценным качеством солдата, чем стрелковые навыки или специализированные знания. Следовательно, хороших снайперов трудно выявить в мирное время. Подбор и подготовка будущих снайперов основывается преимущественно на их навыках стрельбы, и здесь совершается серьезная ошибка.

Прежде всего снайпер должен обладать высокой степенью самоконтроля и крепкими нервами. Меткой стрельбе можно научиться, тем более что во время боевых действий меткость снайпера необязательно должна быть особенно выдающейся. Реалии той войны показали, что максимальное расстояние ведения огня из стрелкового оружия составляло зачастую 400 метров, а в большинстве случаев — 200 метров, и если снайпер целился, к примеру, в середину головы противника, его выстрел почти всегда оказывался точным. Непоколебимость, методичность и уверенные выстрелы — вот что делало снайперов, а не искусные выстрелы с расстояния в несколько сотен метров. Эти выстрелы с дальней дистанции, если они оказывались успешны,

воспринимались самими снайперами скорее как нечто исключительное, нежели как часть их ежедневной рутинной боевой работы.

Но вернемся ко мне. Я в который раз делал свой обычный обход позиций роты. В течение нескольких дней завязывались лишь незначительные перестрелки с русскими, которые не оставляли своих позиций, зная, что поблизости есть искусный немецкий снайпер.

Я провел все утро, беседуя с бойцами, дежурившими у пулеметов, и просматривая позиции врага, но так и не находя цели. Во второй половине дня я решил посетить северные позиции батальона, где я появлялся редко, поскольку они находились у изгиба реки, которая в этом месте была необычайно широка, и до русских позиций было более километра. Там не шло никаких боев, если не считать эпизодического и неприцельного пулеметного огня. Для винтовочных же выстрелов расстояние было слишком огромным.

Среди моих товарищей, находившихся там, царило беспечное настроение. Они ощущали себя оказавшимися на каникулах и наслаждались теплой погодой, без рубашек растянувшись на солнце и давя вшей. Некоторые из них мылись, поливая себя водой из котелков. Эстеты даже пытались смыть пятна от диареи со своего нижнего белья, которое прежде не мылось в течение недель, и избавиться от тяжелого острого запаха испортившегося сыра, исходившего от их носков, которые были вывешены на воздухе в довершение всей картины. Расположение бойцов было столь расслабленным, что они даже пригласили меня присоединиться к их импровизированной легкой трапезе, состоявшей из засохшего печенья с искусственным джемом и эрзацного кофе. Вся эта роскошь, нечасто доступная немецким солдатам в те дни, была украдена одним из пронырливых бойцов роты из джипа двух артиллерийских офицеров, выполнявших непродолжительную разведку на их участке.

Пока мы болтали между собой, к нам присоединился пулеметчик, только что освободившийся от караула. Он рассказал нам о странных звуках, доносящихся со стороны русских позиций. Пулеметчик описал их напоминающими шум, какой можно услышать, находясь около плавательного бассейна. Это озадачило меня, и я решил разобраться в происходящем.

Между нашими позициями и позициями соседней роты был клочок не занятой войсками территории, откуда я и надеялся рассмотреть русские позиции. После того, как я прошагал около пятисот метров, я нашел заросший кустарниками холм, который давал прекрасный обзор и мог служить достаточным укрытием.

Осторожно я подполз по высокой траве к просвету между двумя кустарниками, и передо мной предстала поразительная картина. Невидимый с немецких позиций небольшой залив у речного берега был полон русских бойцов, которые как только могли плескались и плавали в воде. Они явно ощущали себя в полной безопасности. Их никто не прикрывал и никто не стоял в карауле. Я прикинул расстояние до них. Оно составляло около 600 метров. Но погода была безветренной, и воздух был сухим. Меня охватила завистливая ярость при виде их беззаботности, смешивавшаяся с личными амбициями поразить врага с такого расстояния и осознанием того, насколько важно при каждой возможности демонстрировать противнику свою решимость. В результате я пришел к решению сделать выстрел с такого огромного расстояния. Я выбрал крупную, почти неподвижную цель. На противоположном берегу невдалеке от воды несколько русских лежали рядом друг с другом и загорали. Поскольку моя позиция находилась на возвышении по отношению к русским солдатам, которых я избрал в качестве цели, то целился я почти под прямым углом к земле. С помощью своего штыка я быстро вырезал из дерна несколько плиток и сложил из них жесткую и надежную подставку для винтовочного ствола. Затем я прицелился чуть выше головы своей жертвы. Сделав несколько медленных и ровных вдохов и выдохов, я сделал последний глубокий вдох и коснулся спускового крючка. Задержав дыхание, я надавил на спусковой крючок.

Грохот выстрела разорвал тишину. Мгновенно вернув винтовку на огневую позицию после того, как она немного дернулась от отдачи, я за долю секунды снова поймал свою цель в оптический прицел и увидел пулевую дыру над пупком только что ни о чем не подозревавшего русского. Тот скрючился, как складной нож. До меня долетел его крик, вызванный непереносимой болью, и полные паники голоса товарищей умирающего. Смертельно раненный боец перевернулся, и из его спины на песок потоком хлынула кровь. Остальные русские разбегались во всех направлениях, словно цыплята, напуганные ястребом, и ни один из них не позаботился о том, чтобы помочь своему умирающему товарищу. Через несколько минут можно было заключить, что его страдания закончились, поскольку он неподвижно застыл. Между тем я заметил всплеск активности среди одетых в униформу русских на позициях, возвышавшихся над берегом. А через несколько секунд я услышал грохот выпускаемых из минометов мин, которые взорвались на немецком берегу ниже моего укрытия. Наступило самое время убраться прочь до того, как ход вещей примет серьезный оборот.

Я, подобно ласке, сполз с холма и устремился обратно к траншеям стрелков, защищенным холмом, пока мины, выпущенные из минометов, уничтожали огневую позицию позади меня.

Боец, угощавший меня кофе с печеньем, встретил меня с определенной злобой в голосе. Он слышал одиночный винтовочный выстрел, разорвавший тишину, и сразу понял, что произошло.

— Черт, разве это было так необходимо? — негодовал он. — Наш уют кончился. Ребята, одевайтесь, теперь иваны устроят нам ад. Господин Искусный Стрелок, оказавшись здесь, не мог дождаться, чтобы разрушить нашу идиллию.

Он едва успел договорить, как первые пулеметные очереди обрушились на наши позиции. За ними последовал короткий минометный удар, однако мины падали позади траншей и не причиняли стрелкам никакого вреда. Я воспользовался начавшейся суматохой, чтобы красиво удалиться и не подставлять себя под дальнейший огонь врага.

На следующий день одиночные и опасно аккуратные выстрелы начали поражать позиции 2-го батальона. Это ясно свидетельствовало о том, что снайпер с русской стороны занялся проблемой Йозефа Ол-лерберга. Однако я оставался вполне спокоен, поскольку снайперская дуэль через реку была невозможна. Но, конечно, я удвоил свое внимание.

Было удивительно, как быстро мы обжили свои позиции и сделали их уютными. За несколько недель своего пребывания на новом месте мы создали армейские лагеря наподобие замкнутых деревень. Словно беря из ниоткуда, мы создавали себе все возможные удобства. Мы сооружали прачечные, парикмахерские и душевые кабины. Готовили пищу, жарили мясо и организовывали свое питание. Вокруг немецких позиций даже бегали куры, о которых бойцы очень заботились, поскольку те представляли собой источник жареного мяса и яиц. Но солдаты были хуже голодных лис, а потому счастливые обладатели кур особенно почитались среди товарищей.

У меня и батальонных связных, с которыми я работал, не было подобных возможностей благоустроить свою жизнь в полевом лагере. Нам оставалось рассчитывать только на то, что мы сумеем что-нибудь ловко своровать и тем самым сумеем улучшить и разнообразить свой питательный рацион. Понимая это, товарищи внимательно следили за нами. Но это был лишь вопрос нескольких дней, пока я и связные нашли способы добывать себе еду.

Поскольку я мог свободно перемещаться в пределах

батальона, именно я и должен был выискивать потенциальные жертвы. Сержант из соседней роты обладал курицей что надо. Он ее даже нежно называл Жозефиной и так хорошо о ней заботился, что она каждый день несла ему по яйцу. Яйца он съедал сам или обменивал на другие вкусности. Одиночная птица была идеальной целью, поскольку в случае искусных действий я не подвергался опасности быть выданным криками других птиц. Будучи специалистом и снайпером, я был единодушно избран связными в качестве того, кто расправится с курицей:

— Йозеф, это явно работа для снайпера! Твои охотничьи инстинкты и твоя кошачья проворность однозначно говорят в пользу нашего выбора.

Было новолуние, и небо застилали облака — идеальные условия для командной операции столь деликатного рода. Пока мои товарищи разводили огонь и подготавливали все к быстрому и спокойному приготовлению курицы, я в первый и последний раз надел на себя полную маскировку. Я измазал углем свои руки и лицо и закрепил ветки на своей кепке и униформе. Моя одежда чуть слышно зашуршала на ветру, и я исчез в темноте. При этом я не забыл заранее спросить у товарища, который прежде был фермером, о самом быстром способе прикончить курицу голыми руками.

Словно пантера, я осторожно и тихо подполз к блиндажу соседней роты. Курица, ничего не подозревая, дремала в своем обычном укрытии, которое ей с любовью смастерил хозяин из плетеных корзин, предназначавшихся для переноски артиллерийских снарядов. Караульный находился на расстоянии около двадцати метров и смолил одну на двоих сигарету с товарищем. Они курили ее, пряча под каской, чтобы не выдать своего присутствия огоньком на конце сигареты. Нервы мои натянулись. Я знал, что мне достанется, если меня поймают. Теперь я был уже возле плетеной корзины. Я едва дышал, и мое бешено колотящееся сердце почти разрывалось, пока я миллиметр за миллиметром поднимал крышку корзины. В корзине, держа голову под крылом, в глубоком сне лежала курица. Теперь я не имел права на ошибку. Я уперся лбом в открытую крышку корзины, чтобы освободить обе руки. Мои руки коснулись курицы. Еще несколько сантиметров, и я сдавил ее шею левой рукой. В то же мгновение я сумел схватить поднявшуюся голову курицы своей правой рукой. И до того, как птица успела понять, что происходит, короткий энергичный поворот моих рук с едва слышным хрустом оборвал жизнь Жозефины. Я на мгновение застыл неподвижно, чтобы посмотреть на караульного. Но тот продолжал что-то шептать своему

товарищу и явно ничего не заметил. Я быстро вытащил курицу и запихнул под свою маскировочную куртку. После этого я исчез столь же тихо, как и появился.

Через четверть часа курица была общипана и выпотрошена, и все свидетельства расправы над ней были надежно зарыты. Еще через час она была потушена и разделена по четырем обеденным консервным банкам. Мне и моим товарищам предстоял настоящий пир. Чтобы отметить событие, мы обмыли его бутылкой шнапса. Сытые и пьяные, мы погрузились в заслуженный и спокойный сон, из которого нас на следующее утро выдернули крики обворованного сержанта.

— Что за грязная свинья сперла мою курицу?! Это мог быть только кто-то из вашей компании. Следы вора ведут в вашем направлении. Ни один из моих бойцов не покусился бы на Жозефину. Они знают, что я пристрелил бы нахала лично.

У нас с трудом получалось выглядеть удивленными и шокированными. Но нам это явно удалось, поскольку мы избежали разборки, хотя сержант и показывал всем своим видом, что подозревает нас. У него не было доказательств, но он пообещал, что постарается их раздобыть. Он угрожал, что если ему это удастся, то он устроит над нами трибунал и расстреляет воров.

Между 25 и 28 мая спокойствию батальона пришел конец, но только на короткое время. Возвратились уцелевшие бойцы 138-го горнострелкового полка, и 3-я горнострелковая дивизия была перемещена на перевал Аурель в Карпатских горах. Наши позиции выходили на Молдавию, которая теперь отделяла нас от русского фронта. Водная преграда перед лесом у подножия пологих склонов гор создавала отличное укрытие для стрелков. Местность, лежавшая перед нами по другую сторону реки, была абсолютно открытой, ровной и отлично просматривающейся. Судьба была благосклонна к дивизии, и основное направление атаки русских переместилось севернее наших позиций, а на нашу долю остались лишь незначительные перестрелки с врагом.

В сочетании с превосходной погодой этот неожиданный отдых и передышка в войне подарили изможденным стрелкам возможность восстановить силы. Наша лагерная жизнь быстро возвратилась на круги своя. Бойцы соорудили уютные блиндажи и организовали все, чтобы сделать свою жизнь настолько приятной, насколько это возможно.

Бойцов наэлектризовали слухи о том, что в течение двух недель к нам для поднятия боевого духа и психологической разгрузки перебросят бордель Вермахта[9].

Война сузила солдатскую жизнь до лишь самых

неотъемлемых вещей: выживания, шуток, жадного глотанья пищи и выпивки, а также, если это оказывалось возможным, секса. Последнее было осуществимо только в двух случаях: если войска некоторое время практически не вели боевых действий и вступали в близкий контакт с местным населением (при этом порою случались и изнасилования, но такое было по вкусу не каждому солдату и часто наказывалось), либо если по соседству оказывался бордель.

Когда часть получала возможность расслабиться, напряжение постоянных боев зачастую выливалось в бьющее через край сексуальное желание. Его удовлетворение имело крайне важное значение хотя бы с точки зрения поддержания дисциплины. В то время как офицеры и сержанты располагали своими жрицами любви, которых пехотинцы называли «офицерскими матрасами», низшие армейские чины не имели доступа к этим женщинам. Им оставалось только насиловать или идти в бордель.

Когда появлялась возможность, жаждущие сексуальной разрядки солдаты буквально штурмовали последнее заведение. Однако не все было так просто. Сначала бойцов обследовал медицинский персонал, а потом они подвергались дезинфицированию для предотвращения распространения венерических заболеваний. Немалое количество солдат заражалось такими заболеваниями и умышленно, чтобы покинуть фронт. Для лечения их были развернуты специальные госпитали, которые пехотинцы прозвали «рыцарскими замками». Там их лечили от сифилиса порою очень грубыми средствами. Однократного пребывания в «рыцарском замке» обычно было достаточно для того, чтобы в дальнейшем боец придерживался сексуальной дисциплины. Специалисты в данной области до сих пор без восторга вспоминают, что для вскрытия очагов поражения сифилисом в уретру перед тем, как произвести ее дезинфицирование, засовывали специальную тонкую палочку. Эта очень болезненная процедура, конечно, делалась без анестезии. Более того, после того, как в первые годы войны заражение венерическими заболеваниями все чаще приобретало умышленный характер со стороны желавших покинуть передовую бойцов, на повторно заражавшихся солдат начали налагаться дисциплинарные взыскания.

Строгое дезинфицирование уретр посетителей борделей теоретически предотвращало возникновение подобных проблем. Опытные бойцы здорово веселились, рассказывая новичкам детали этой неприятной процедуры. Но по наивности своих юных лет я не предвидел ничего такого.

За этот период отдыха от боев я снова встретился со своим

товарищем-снайпером Йозефом Ротом. Мы обменивались своими соображениями, пили и разговаривали о сексе. Будучи столь молодыми, оба мы не имели особого опыта общения с противоположным полом. Но теперь перед нами замаячил соблазн посещения борделя. Мы обсуждали плюсы и минусы похода туда и что мы упустим, если не пойдем. Прежде всего, это могло быть нашей последней возможностью познать близость с женщиной. В итоге мы решили: сейчас или никогда, а то потом будет поздно. Йозеф говорил о неопределенности судьбы человека на войне:

— Подумай об этом, ведь это твоя последняя возможность попробовать такое. Может быть, завтра ты поймаешь пулю и умрешь, ни разу в жизни не потрахавшись. Разве это не ужасно?

Во время нашего разговора мой взгляд упал на старшего сержанта из отряда, только что доставившего боеприпасы. Этот сержант сидел за рулем «Опеля Блица» и ждал груза, который он должен был отвезти обратно. Это был Викинг с рыжими усами! Он явно слышал наш разговор и, поймав мой взгляд, воскликнул:

— Эй, возбужденные ублюдки, у вас все встало при мысли о крепких ягодицах наших девочек. Ха-ха! — увидев удивление на наших лицах, он вернулся к спокойному тону и добавил: — Честно говорю вам, ребята, послушайте старого сержанта. Пять минут радости не возместят ту боль, которую почувствуете потом.

За этим последовало многозначительное молчание, которое перебил Рот. Он был уже немного пьян и сказал:

— Возможно, ты умный хрен. Ну, так скажи нам свой великий секрет!

— Хорошо, — продолжил Викинг. — Как будущий ученый, я позволю вам попользоваться моим опытом. А если вы умные и послушаете дядюшку, то сможете избежать многих проблем.

— Только не делай из этого такую мелодраму, говори напрямик, — заворчал Рот.

— Хорошо, придется добавить немного цинизма, — уступил сержант. — Но сначала дайте мне глотнуть вашей выпивки.

Сделав большой глоток, он начал свой рассказ:

— Это было уже изрядное время назад. Когда мне однажды пришлось поехать на склад корпуса, вторым водителем со мной оказался сержант, который, скажу я вам, был хитрым старым дьяволом. Всю дорогу он трепался только о сексе и о еде. Он беспрестанно хвастался тем, что ему довелось щупать и куда засовывать. А когда мы подъехали к складу, он, конечно, знал, где это все можно получить. Что я могу сказать? Он потащил меня в бордель, который находился неподалеку. Я старался не показать охватившего меня испуга. Мы выпили сначала, а потом вошли в

бордель. Он находился в бывшем здании школы. Едва мы успели открыть дверь, как сержант медслужбы ухватил нас за шиворот. Говорю вам, этот сержант был огромной грубой скотиной. Тут же он заорал на нас: «Где ваши презервативы?» Я удивленно посмотрел на него. Зло оскалившись, он полез к себе в карман: «Вот презервативы, домохозяечки! Здесь никто не сражается с голым оружием», — добавил он. А я ведь даже не подумал об этом. Но за незначительную сумму, тридцать пфеннигов, я мог получить презерватив Вермахта. Сержант медслужбы ухмыльнулся: «Кроме резинок, вам больше ничего не потребуется. Гоните по «хейерману»[10] и можете выбирать себе девочек». Уловив мой недоуменный взгляд, он добавил: «Это пять рейхсмарок, идиоты!» Я пробыл там всего минуту, но уже потерял свои иллюзии. Но настоящий горный стрелок не отступает перед лицом трудностей. Поэтому я заплатил медику, и получил от него презерватив в коричневой бумажной упаковке.

Затем он сказал: «Курочки там, в классе», — с этими словами он втолкнул нас в следующую комнату. Перед нами оказалось пять легко одетых румынок, сидевших развалясь на изношенном диване. Мой товарищ быстро схватил одну из женщин и исчез с нею за занавеской. Вероятно, он уже занимался своим делом, пока я продолжал стоять как истукан. Прямо передо мной были женщины, с одной из которых я мог осуществить свои эротические желания, но я не мог сдвинуться с места. Дело принимало серьезный оборот. Я был словно парализован, и мое лицо покраснело. Тем временем женщины разговаривали между собой, решая, кто из них позаботится о таком юноше. Наконец, одна из них поднялась, взяла меня за руку и, ничего не говоря, повела меня за другую занавеску. Крайне взволнованный, я не замечал невзрачности такого любовного гнездышка. Румынка расстегнула мои штаны, и они упали мне на щиколотки.

Меня словно пробило током, когда она сняла с меня их настойчивым и одновременно нежным движением. Но я должен рассказать и о том, что было дальше, чтобы помучить вас, девственнички!

Со своими театральными жестами Викинг теперь походил на заговорщика. Мы ловили каждое слово его последующего рассказа.

— Внимание, дети, — продолжил он. — Девочка, которая занялась мной, была по-настоящему красива, и она знала свое дело. «Тсс, верь мне», — сказала она воркующим голосом, обхватив мою поясницу, и ритмично начала гладить меня обеими руками. Я задрожал от страсти и, притянув ее лицо к себе, покрыл его поцелуями. Она позволила мне сделать это, видя мою юность

и неопытность.

Я жадно вдыхал запах ее тела, ее волос. Мои руки путались в ее волосах, которые, словно шелк, спадали ей на плечи. Мои руки ненасытно скользили по ее телу. Страх, напряжение и желание, накопившиеся во мне за последние месяцы, — все выплеснулось в одно мгновение. Ее дыхание щекотало мои уши почти невыносимо. Ее язык нежно скользил по моей шее, нерешительно ласкал мочку уха, легко коснулся моей гортани, а потом щек. Чувствуя, как меня переполняет желание, ее руки двигались все быстрее. Дрожа от удовольствия я рухнул на матрас, лежавший на полу, и весь растворился в происходящем.

Нежные объятия дают тебе обманчивое чувство защищенности в холоде этих трудных времен. Они позволяют забыться, но это забытье потом резко оборвется. Ее язык щекотал мой живот, кружа вокруг моего пупка, лишил меня стыдливости и коснулся моего члена. Это заставило меня затрястись от восторга и жара. Жестокость войны на несколько минут стерлась из моего сознания.

Мое тело пронзили невыразимые ощущения. Мои жадные руки и ее настойчивые, но нежные пальцы нашли друг друга, чтобы сцепиться вместе на короткое мгновение. Вся нежность, которая была во мне, сосредоточилась на ее лице, когда наступил самый главный момент. И тут я понял, что смотрю в глаза, полные печали, которую мне не дано разгадать. Это заставило меня почувствовать себя одиноким. Я задумался о том, что вело меня по жизни — судьба или рок? Счастье и боль стальными клиньями вбиты в нашу судьбу. Я жадно вгрызался в ускользающие мгновения счастья, пока боль снова не вторглась в реальность.

Мы, разинув рты, безмолвно слушали последние почти лирические размышления. И тут Йозеф заворчал:

— Мужик, ты, что, поэта из себя изображаешь? Можешь просто рассказать нам, что произошло?

— Ох, джентльмены хотят, чтобы я выражался немного проще, ради их неотесанности, — сказал Викинг, разозлившись. — Скажу так, чтоб вы могли записать. Девочка устроила мне такую встряску, что мои яйца едва не разорвались. Теперь понятно?

— Все в порядке, старик, — успокоил его я. — Я наслаждаюсь твоим рассказом. Продолжай, мы заткнемся, — при этих словах я толкнул Рота локтем.

— Лады, — сказал Викинг и начал снова: — С остекленевшими глазами, с чувством невероятного облегчения и с новым осознанием себя, как мужчины, я вышел из-за занавески.

Я легко и бодро зашагал к выходу только для того, чтобы меня вернул к реальности резкий голос сержанта медслужбы: «Не так быстро. Сперва иди сюда и спусти штаны». Сначала я опять не смог понять, что от меня требуется, из-за северного сленга медика (он был из Мюнстера в Вестфалии)[11]. «Просто помыть твой член будет недостаточно, — сказал он уже мягче. — Его нужно обработать химическим препаратом. Поэтому не робей, покажи свою головку». С этими словами он подтащил меня к себе и с равнодушием мясника схватил мой член. В то же мгновение он сунул в мою уретру шприц без иглы и впрыснул туда около ста миллилитров зеленой жидкости. Дезинфицирующий раствор прочищал мой мочевой пузырь, и обжигающая боль дошла мне до брюха. Стиснув зубы и сжав кулаки так сильно, что у меня побелели костяшки пальцев, я терпел страшнейшую пытку, не в силах предотвратить ее, поскольку медик держал меня стальной хваткой. «Это болезненно, да?» — спросил он, злорадствуя. Удовольствие, которое я пережил за последние полчаса, напрочь ушло. «Убирай свое достоинство, — завопил медик. — Через пять минут ты можешь помочиться, но ни секундой раньше!»

Мой сержант, старый ублюдок, воспринял такую же процедуру совершенно равнодушно, словно ничего не произошло. Я даже заметил на его лице широкую злорадствующую улыбку, когда он смотрел, как я сжался от боли. После обследования, проведенного суровым младшим капралом медслужбы, я тут же рванул к школьному туалету и вытащил свой безжизненно обмякший член. Мне казалось, что младший капрал, видя мою боль, специально растягивал время, прежде чем сказал мне, что я могу отлить. С экстатическим восторгом я выпустил наружу впрыснутый в меня раствор сульфонамида. Чувство, которое я при этом испытал, было близко к оргазму и едва ли не превосходило то, что я испытал с румынкой. Глядя на меня, мой сержант не мог сдержать смеха.

После последнего осмотра моих гениталий мне, наконец, было позволено покинуть заведение. Вырвавшись на свободу, я поклялся себе больше не иметь секса при таких обстоятельствах.

Даже слушая такое описание, мы почувствовали неприятное жжение у себя в штанах.

— Я обычно предпочитаю учиться на собственном опыте, — высказался Рот. — Но на этот раз я лучше послушаю хорошего дядюшку. Йозеф, наша вылазка в бордель откладывается.

Я был вполне доволен таким исходом дела, поскольку не испытывал особого энтузиазма насчет мероприятия и до рассказа Викинга. Я оставил все попытки подобного рода до возвращения на родину.

Между тем оказалось, что чудеса все еще происходят. Дивизия неожиданно получила пополнения в людях и материальной части, достаточные для ее полного укомплектования. Офицеры знали, что это происходит в последний раз. Они понимали, что война уже проиграна. Продолжать сражаться их заставляла только одна мысль: не дать русским прийти с возмездием на их родину. А русские собрали свои силы для нового удара по немецким и румынским частям у них на пути. Затишье перед грядущим штурмом должно было стать последней возможностью для немногих оставшихся в дивизии старых бойцов, прошедших более-менее невредимыми сквозь самые кровопролитные бои, в последний раз увидеться со своими семьями. При первой же возможности мы были отправлены в короткие отпуска. Я, пробывший в дивизии около года, также мог рассчитывать на это. Но поскольку мне было всего девятнадцать с половиной лет, я был вынужден пропустить вперед бойцов, годившихся мне в отцы, и солдат, служивших гораздо дольше меня. К тому же дивизии были необходимы опытные снайперы. В результате мои шансы побывать дома казались нулевыми. Однако мой командир батальона капитан Клосс, относившийся ко мне с особой симпатией, знал небольшой трюк, который позволил мне побывать дома.

Глава одиннадцатая. «СНАЙПЕР ОШИБАЕТСЯ ТОЛЬКО РАЗ»

В последней четверти 1943 года Вермахт начал организовывать снайперские школы в своих крупнейших учебно-тренировочных лагерях. Там, на курсах, длившихся всего четыре недели, специально отобранных солдат старались подготовить к непростой работе снайпером. Солдаты, попадавшие на эти курсы, представляли собой смесь из только что призванных новобранцев и бывалых бойцов с обширным фронтовым опытом, охарактеризованных их офицерами как потенциальные снайперы. Все, оказавшиеся на курсах, помимо снайперской винтовки получали необходимую специальную подготовку. Снайперы, которых готовили для горнострелковых частей, проходили подготовку в военном лагере, называвшемся «Зееталералпе», в Австрии около города Юденбург. От него было недалеко до моей родной деревни. Поэтому капитан Клосс хитро «понизил» меня до ранга бойца, занимавшегося снайперской работой от случая к случаю и нуждавшегося в прохождении специальных курсов в «Зееталералпе». Оказавшись там, я мог получить десятидневный отпуск домой.

Таким образом, 30 мая я и еще десять других бойцов расстались со своими товарищами и в кузове «Опеля Блица» укатили по дороге, по которой в дивизию поступало снабжение. Перед отъездом я сдал свою русскую снайперскую винтовку заведующему оружейным складом полка, который в моем присутствии отдал ее другому снайперу со словами:

— Ты видишь зарубки на прикладе? Каждая из них наносилась, обозначая, что одним русским стало меньше. Получить такое оружие — большая честь, и это накладывает на тебя обязательства. Делай все от тебя зависящее, чтобы ты смог показать Йозефу, когда он вернется, что ты достойно исполнял его роль.

Молодой пехотинец выглядел изумленным и смущенным этой патетической речью. Но я положил руку ему на плечо и сказал:

— Не позволяй им сводить тебя с ума. Просто будь осторожен и береги свою задницу, — с этими словами я полез к себе в карман и извлек оттуда пригоршню русских патронов с разрывными пулями, завернутых в носовой платок, которые я хранил для использования при особых обстоятельствах, и вручил их новому снайперу:

— Мне они теперь не нужны. Если ты захочешь по-настоящему бахнуть из винтовки и увидеть после этого нечто эффектное через свой оптический прицел, используй одну из них. Это патроны с разрывными пулями. Но используй их экономно, они попадаются очень редко. Но, прежде всего, останься цел, если ты хочешь рассказать мне о том, что здесь происходило, когда я вернусь через шесть недель.

Мотор грузовика заревел, и я, снова пожав руку товарищу, получившему мою винтовку, запрыгнул в кузов. Необъяснимое предчувствие смерти новоиспеченного снайпера вдруг пронзило меня: «Бедный щенок, с ним быстро расправятся».

— Девушки, вы кончили прощаться? Сцена была такой душераздирающей, что я чуть не заплакал, — засмеялся водитель грузовика.

Затем он надавил на газ, и мои измотанные товарищи исчезли в облаке пыли. Я не знал, всех ли из них я увижу снова. Меня охватило странное чувство, в котором слились облегчение, вызванное возможностью получить короткую передышку от войны, и чувство вины за то, что я оставляю своих товарищей. Всего за год службы я начал воспринимать свою прежнюю жизнь как нечто неизмеримо далекое, и ежедневная борьба за выживание стала единственным реальным наполнением моего существования. Казалось, я привык к жестокой прелести жизни на волоске, когда остается единственный выбор: убить или быть убитым. Однако все подобные мысли в моей голове заглушались однообразным ревом мотора грузовика. Мне становилось все уютнее, и я заснул.

Прошло два дня, прежде чем я осознал, что перестал воевать. Спокойный, не тронутый войной пейзаж, мимо которого я ехал в поезде, казался почти нереальным. И хотя год назад мой путь на фронт занял десять дней, теперь я прибыл в Юденбург всего за пять суток. Мне повезло, поскольку младший капрал, который только что доставил на станцию пакет своему командиру роты, отвез меня в учебно-тренировочный лагерь на своем джипе. Я думал о предстоящей подготовке со смешанными чувствами, поскольку ясно помнил свою базовую подготовку, в ходе которой инструкторы всегда орали и готовили солдат преимущественно тупой муштрой. Я согласился быть направленным на курсы только потому, что не хотел упустить возможность несколько недель хорошо питаться, полноценно спать и провести несколько дней дома.

Я был удивлен, что меня встретили почти по-дружески, когда я доложил о своем прибытии сержанту. Мне не пришлось стоять по стойке «смирно». Мне сразу показали казарму и рассказали о

предстоящем курсе обучения. Стало ясно, что здесь проводится квалифицированная подготовка специалистов, совсем не похожая на грубую муштру во время базовой подготовки.

Барачный комплекс снайперов находился в пределах обширного участка тренировок. Меня поместили в комнату к четырем восемнадцатилетним солдатам из Миттенвальда, которых направили прямо в снайперскую школу после трехмесячной базовой подготовки. Они еще там зарекомендовали себя исключительно меткими выстрелами, умением оставаться неподвижными на своих позициях и отличной наблюдательностью. Когда я вошел в комнату, мой взгляд уставился на помещенный в рамку текст на стене. Он был написан готическими буквами:

«Снайпер — это охотник среди солдат! Его служба тяжела и целиком поглощает его тело и сознание. Только полностью уверенный в себе и непоколебимый боец может стать снайпером. Существует единственная возможность победить врага — научиться ненавидеть и преследовать его, вкладывая в это все силы своей души! Быть снайпером — награда для солдата! Он сражается, оставаясь невидимым. Его сила в том, что он, словно индеец, использует местность в сочетании с превосходной маскировкой, кошачьей быстротой и мастерским владением своим оружием. Владение этими навыками обеспечивает ему безопасность, превосходство и гарантирует его победу».

Меня зацепили эти патетические слова, и я почувствовал некоторую гордость. Но ее тут же приглушило мое знание реалий войны и ее безжалостности. При этом что-то внутри меня оборвалось, и я подумал: «Если ты знаешь, что такое настоящая война, если ты едва не погибал, то высказывания вроде этого для тебя абсолютно бесполезны».

Моя подготовка началась в тот же день, который был понедельником, с урока по снайперскому оружию, посвященному теме винтовок с оптическим прицелом. Инструктором был сержант с протезом вместо ноги. Становилось ясно, что почти все тренеры были опытными солдатами, которых забрали с передовой после серьезных ранений. Многие из них даже оказались бывшими снайперами, которые, подобно мне, напряженно совершенствовали свои знания в боях до тех пор, пока не перестали годиться для службы на фронте. Одновременно со мной курсы проходило шестьдесят солдат, разбитых на пятерки. Каждая группа имела своего собственного учителя по каждой теме.

На столе лежало четыре винтовки с оптическими прицелами. Это были три карабина К98к и винтовка, которую ни один из нас

не видел раньше. На фронте до меня доходили слухи о новой самозарядной винтовке, но я не видел ни одной такой в своей части. Передо мной был «Вальтер 43» с оптическим прицелом ZF4. А рядом с ним лежала винтовка «К98к» с оптическим прицелом очень небольшого размера, длина которого была около 15 сантиметров. Эта модификация оптического прицела называлась ZF41. Еще одна винтовка К98, лежавшая перед нами, имела шестикратный оптический прицел «Диалитан», созданный компанией «Хенсольдт», установленный на массивном кронштейне. Этот прицел считался самым лучшим и самым тяжелым оптическим прицелом для винтовок К98к.

После нескольких замечаний об эффективности каждого оптического прицела и надежности его крепления инструктор подробно остановился на карабине с оптическим прицелом, укрепленным на кронштейне, поскольку именно такие снайперские винтовки предстояло получить всем выпускникам курсов. Во второй половине дня мы пошли на стрельбища, чтобы попробовать в деле каждую из четырех винтовок. Я был поражен качествами прицелов фирм «Цейсс» и «Хенсольдт», которые явно превосходили оптический прицел моей русской снайперской винтовки. Однако очень похожим на русский оказался прицел самозарядной винтовки. Стрелять из «Вальтера 43» было очень легко, поскольку часть отдачи поглощалась механизмом автоматической перезарядки, но точность стрельбы была гораздо ниже, чем у карабинов К98. Винтовка с маленьким прицелом ZF41 удивила всех. Она стреляла вполне нормально, но сквозь крохотный прицел было почти ничего не видно. Комментарии тренера были следующими:

— Подобное дерьмо могли создать только идиоты из руководства. Эти пердуны, сидящие в креслах, знают о снайперах столько же, сколько корова знает о пении песен.

После этого мы выполняли различные упражнения, стреляя из обыкновенного карабина К98к без оптического прицела из положения стоя, с колена и лежа. При этом наши цели находились на расстоянии от 50 до 300 метров. Выполняя задания, мы не имели недостатка в патронах и не страдали от муштры, которая обычно присутствовала при базовой огневой подготовке. Учителя снайперской школы явно отдавали предпочтение объяснению материала и тренировкам.

На следующий день участники курсов выходили на тренировочный участок, чтобы оценить тактическую перспективность различных видов укрытий. Вторая половина дня снова прошла на стрельбищах. На той же неделе к программе занятий добавились такие предметы, как маскировка и

оборудование снайперской позиции. Я узнал на этих занятиях не слишком много нового. Некоторые виды маскировки и позиций требовали громадных временных затрат и не были применимы в реальных боевых условиях, поскольку каждодневная рутина войны не оставляет времени для сооружения сложных конструкций. Во время боев снайперу не придет даже в голову с этим возиться. К примеру, нас учили делать маскировку, обшивая одежду древесной корой. Но я уже твердо знал по опыту, что маскировка должна быть быстро выполнимой, эффективной и легкой в создании, а также как можно меньше сковывать свободу движений. Костюм, обшитый древесной корой, никак не подходил под эти критерии. Преподаватель знал о том, что я служил снайпером, но при этом не подозревал о моем огромном опыте и способностях. Тем не менее с началом курса маскировки он очень быстро понял, сколь профессиональный снайпер перед ним.

В расписании последнего дня нашей первой учебной недели значилось, что нас ожидают тренировки в полевых условиях. Я и мои товарищи не имели и понятия, о том, что мы будем из себя представлять. К своему великому удивлению, оказавшись на полигоне, мы увидели перед собой воссозданный в миниатюре пейзаж места ведения боев. В пятидесяти метрах от стрельбищного вала перед нами расстилалась модель идеальной долины с деревней и дорогами — все в уменьшенном виде. Это заставило участников курсов почувствовать себя Гулливерами в стране лилипутов. Для этой тренировки нам выдали специальное оружие — мелкокалиберные спортивные винтовки марок «Густлофф» и «Вальтер», оснащенные оптическими прицелами. На винтовках фирмы «Густлофф» с левой стороны был установлен оптический прицел ZF41, а на винтовках «Вальтер» четырехкратный оптический прицел берлинской фирмы «Оигее».

Нашей задачей было вести наблюдение за миниатюрным пейзажем и стрелять по маленьким фигуркам людей, как только они где-то появятся: в окнах, за домами или среди деревьев. Кроме того, на модели были даже машины и повозки, которые двигались вдоль дорог. По ним также нужно было стрелять.

Мой тактический опыт во время такой подготовки проявился особенно отчетливо. Наметанный глаз различал малейшее движение, и я поражал новую цель практически каждые тридцать секунд. Правда, так было только, когда я пользовался «Вальтером» с четырехкратным оптическим прицелом. А вот прицел ZF41 имел столь малый диаметр и ограниченный обзор, что почти все участники курсов сошлись на его непригодности для снайпера.

Таланты исключительного мастера меткой стрельбы, каким

был я, ярко проявились во время этой практики, что редко встречалось среди обычных участников данных курсов. И даже инструктор был вынужден признать, что он мало что сможет сделать для повышения моих навыков.

Регулярная практика в полевых условиях была частью тренировочной программы курсов. Нам приходилось стрелять не только по макету деревни, но и по постоянно изменявшимся и перестраивавшимся пейзажам, среди которых были спрятаны неизвестные цели, которые нужно было обнаружить и поразить.

Непрекращающееся соревнование между учащимися началось с нашего первого появления на полигоне, поскольку результаты ежедневной практики заносились в специальный раздел курсового журнала. Это позволяло в итоге точно определить лучших снайперов из нашего набора, которые должны были быть награждены большим пакетом деликатесов, среди которых было спиртное, сигареты, шоколад и тушенка.

Также все участники курсов должны были иметь небольшую записную книжку и носить ее с собой. В нее мы заносили такие данные, как результаты наблюдения за местностью и свои стрелковые достижения. Это делалось, чтобы приучить нас вести подобную записную книжку по возвращении на фронт, куда мы должны были заносить данные о местности, смене огневых позиций и успешных выстрелах. Я предупредил своих товарищей, что им следует делать в зашифрованном виде каждую запись, которая может выдать в них снайперов, и не вписывать своих имен. Я также сказал, что будет гораздо лучше, если они не будут вносить в свою записную книжку никаких сведений о своих попаданиях, а станут отмечать их на отдельном листке, где не будет значиться их имя и который будет храниться у их сержанта. Эти меры предосторожности, возможно, спасут их жизнь, если они окажутся захваченными в плен, если враг не будет знать заранее об их боевой специализации. Пленных снайперов на Восточном фронте всегда пытали и убивали. Слушая предостережения, юноши бледнели при мысли о том, что им предстоит на фронте.

Понедельник второй недели обучения стал значимым днем для участников курсов, поскольку к нам прибыл грузовик, полный больших ящиков с нанесенным на них кодом компании «Маузер»: «byf». Все устремились помогать разгрузке, и наше любопытство было вознаграждено, когда была открыта одна из коробок. В ней лежали новенькие карабины марки К98к с четырехкратным оптическим прицелом на кронштейне. В течение нескольких последующих часов каждый участник курсов получил по такой винтовке. Мы занесли номера своего оружия в свои записные

книжки с ремаркой «винтовка с оптическим прицелом». Это подразумевало, что каждая винтовка предназначена для использования лишь одним бойцом, который ее получил. Однако нам было сказано, что это оружие не принадлежит нам в полной мере до тех пор, пока мы успешно не окончим курсов. Это подстегнуло рвение к учебе участников курсов, особенно тех из них, что были молодыми солдатами без боевого опыта.

Я получил карабин с оптическим прицелом фирмы «Хенсольдт» под кодовым номером «bmg». Этот карабин был значительно короче русской снайперской винтовки, которую мне пришлось оставить в части, и его оптический прицел был гораздо лучше русского, в чем я смог убедиться в предыдущую неделю за время демонстрации различных винтовок. Гордясь своим новым оружием, участники курсов не могли дождаться, когда снова окажутся на огневой позиции, чтобы попробовать их в деле. После самого первого выстрела я понял, что у меня в руках превосходная винтовка.

Тогда же мы впервые получили специальные снайперские боеприпасы. Инструктор объяснил, что нам выдали патроны, произведенные с особой точностью, какие обычно используются при производстве оружия и при его починке для обеспечения точности стрельбы. Он рекомендовал нам, как только мы окажемся на фронте, уговорить заведующего оружейным складом батальона, чтобы он снабжал нас подобными патронами столь часто, насколько это будет возможно. После этого мы с энтузиазмом принялись за пристрелку своих винтовок. Базовая пристрелка была сделана с расстояния около ста метров. Для этого мы снимали казенную часть оружия и затем, установив винтовки на мешки с песком, направляли дульный срез ствола на центр цели, глядя прямо через него. По отклонениям между взглядом через оптический прицел и через ствол, положение перекрестья оптического прицела выравнивалось по отношению к стволу. Отклонения по сторонам затем корректировались переменным ослаблением и зажимом двух винтов на задней стенке кронштейна с помощью специальных ключей, прилагавшихся к каждой винтовке. После этой базовой установки прицела последние доводки производились во время стрелковой практики.

День закончился словами инструктора, призывавшего нас никогда не выпускать свое оружие из рук. Участники курсов носили свои винтовки с собой весь день даже во время отдыха. В каждой комнате была оружейная стойка, куда винтовки можно было помещать только на ночь. Таким образом мы учились заботиться о своих карабинах и защищать их от повреждений,

особенно оптику. Каждое падение или сильный удар по оптическому прицелу могли свести на нет его пристрелку и сильно повлиять на точность стрельбы. Я, конечно же, уже знал об этом по прежнему печальному опыту первых дней с русской снайперской винтовкой, и теперь аккуратное обращение со своим оружием уже было моей второй натурой. Однако другие участники курсов немало намучились со своими винтовками в первые дни. Но их научила бережному обращению с оружием не только необходимость новой пристрелки винтовки после каждого ее падения или удара по оптическому прицелу, но и то, что после таких инцидентов в наказание приходилось делать по двадцать отжиманий и тридцать приседаний с винтовкой на вытянутых руках.

Наше появление на полигоне на следующий день было посвящено теме «Выбор и обустройство позиций». Но перед практикой нам в классной комнате показали фильм, посвященный подготовке снайперов. К нашему удивлению, фильм был русским с немецкими субтитрами. Он был снят в 1935 году и демонстрировал высокий уровень русской подготовки. Перед просмотром тренер сказал:

— Смотрите внимательно. Иваны вовсе не плохи в этом деле. Их снайперы создали нам немало проблем уже во время нашего наступления 1941—1942 годов, и мы ничего не могли с этим поделать. Мы даже не знали тогда, как пишется слово «снайпер». Потери среди наших офицеров были катастрофическими. Когда у нас не оказывалось тяжелых орудий, русские снайперы останавливали нас на несколько дней. Мы пытались что-то поделать с этим со снайперскими винтовками, захваченными у иванов. Но эти свиньи знали свое дело, и нам пришлось учиться на своих ошибках. В итоге мне тоже нашелся достойный противник. Вы видите, куда он поразил меня. Мне чертовски повезло, что я выжил, — с этими словами инструктор нагнул голову, чтобы все смогли разглядеть огромный шрам, заканчивающийся у его левой глазницы, в которой теперь был стеклянный глаз. — Это было жестом судьбы и большой рекламой фирме «Цейсс», что пуля ивана отскочила от моего бинокля, и я потерял всего лишь глаз, а не жизнь.

Как уже говорилось, почти все тренеры в школе были бывшими снайперами, которые больше не могли участвовать в боях из-за серьезных ранений, но им по силам было выполнять важную работу передачи их опыта и знаний новичкам.

— Имейте в виду, что у врага тоже есть профессионалы, — продолжал инструктор. — И я дам вам один важный совет. Сматывайтесь, как только заметите, что за вами охотится

вражеский снайпер. В этом случае вам остается только одно: менять свою позицию после каждого выстрела.

Под монотонный рокот проектора на экране шла кинолента. Мои товарищи смотрели ее с должным вниманием, но я не видел ничего нового для себя и был вынужден бороться со сном всего через несколько минут пребывания в темной комнате. Подобно кролику, я дремал с открытыми глазами в полукома-тозном состоянии, в котором только опытные солдаты могут контролировать себя, пока одна из сцен фильма вдруг не привлекла мое внимание. Она показывала русских снайперов, готовивших себе позиции среди верхушек деревьев на краю леса. Субтитры гласили: «Покрытые листьями вершины деревьев — отличная позиция. Стрелок остается невидимым, но отлично просматривает окружающую местность и имеет широкое поле ведения огня!»

«Что за дерьмо», — подумал я и немедленно поднял руку. Занятия проходили в режиме диалога, и всегда можно было задать вопрос, высказаться по поводу и услышать мнение инструктора. Моя рука тут же была замечена, и фильм был остановлен.

Я сказал, что могу рассказать им больше о сцене, только что показанной в фильме, поскольку у меня есть собственный опыт в этом вопросе. И я подробно описал свой бой с женщинами-снайперами, засевшими на верхушках деревьев. Неловкая тишина, которая повисла после моего рассказа, была нарушена тренером, заявившим:

— Прислушайтесь к этому, ребята! Этот стрелок знает, о чем говорит, поскольку ему удалось уцелеть, будучи больше года снайпером на фронте. И вы должны вбить себе в головы, что снайпер ошибается только раз. Совершив ошибку, он в девяноста процентах случаев погибает. Поэтому жадно ловите каждый полезный совет, который услышите. Возможно, это однажды спасет ваши задницы.

Так проходили дни учебы. Я наслаждался хорошим питанием и регулярным сном. При этом, с одной стороны, я был счастлив, что могу некоторое время передохнуть от каждодневного страха за свою жизнь. Но, с другой стороны, часто думал о своих товарищах, и что с ними теперь. Я пытался выяснить, чем занимается 3-я горнострелковая дивизия, но в газетах, подвергавшихся жестокой цензуре, не было ничего стоящего. Несколько раз у инструкторов оказывалась возможность передать мне то, что рассказывали солдаты, находившиеся в отпусках. Основываясь на этих сведениях, я мог заключить, что на участке 3-й горнострелковой дивизии ситуация была относительно

спокойной.

Занятия продолжались. Теория и практические занятия дополняли друг друга. В течение нескольких следующих дней мы ставились в гипотетические боевые ситуации, в которых нам приходилось действовать независимо, и требования по отношению к нам постоянно повышались, логическим итогом чего стал крайне реалистичный сценарий.

За день до этого каждый из нас должен был подготовить себе позицию в заданных условиях, и нам приказали занять ее на следующее утро. Незадолго до того, как мы оказались на позициях, нам сообщили учебную боевую ситуацию. Участникам курсов нужно было действовать в условиях, когда за ними охотятся два вражеских снайпера. При этом два инструктора должны были наблюдать за ними и записывать каждый момент, когда их ученики давали возможность вражескому снайперу поразить себя: каждое видимое перемещение их подопечных означало, что они мертвы. Я увидел выражение ужаса на лицах своих товарищей. Я понимал его причину. Когда ты оказываешься привязанным к одному месту, это порождает массу естественных проблем с едой, питьем, отправлением больших и малых нужд. Где, как и когда эти проблемы можно разрешить в таких условиях? Я, будучи бывалым бойцом, выбрал и подготовил свою позицию, учтя все эти факторы, и мне не грозили особые трудности. А вот моим неопытным товарищам предстояло суровое испытание. Выслушав задание, мы закрепили на свои каски легкую маскировку из травы и листьев и заняли свои позиции.

Начинался угнетающе жаркий день. Утренние лучи солнца косо ложились на полигон, расстилавшийся перед участниками курсов. Уже около полудня с нас градом лился пот, конечности отекли и начали болеть, разнообразные физические нужды поглощали внимание.

Я в течение первых нескольких часов просто наблюдал за окружающей обстановкой и записывал все значимое, что видел. За это время я сумел засечь позиции инструкторов. На этом все важные задачи на день, которые меня заботили, были сделаны. Свою позицию я, как обычно, подготовил так, чтобы она позволяла мне незаметно покинуть ее. Это не только обеспечивало мне большую безопасность от вражеских гранат, но также позволяло переносить долгое ожидание в относительном комфорте. К тому же я уже вырыл углубление, в которое мог мочиться, немного повернувшись на одну сторону. А что касается больших нужд, я всегда справлял их в самом начале своего дня. Более того, будучи опытным снайпером, я всегда носил с собой

воду и еду, пусть даже это было несколько зачерствевших галет. Таким образом, я просто отполз в защищенное углубление своей позиции и провел весь день в дремоте, то окончательно засыпая, а то жуя принесенную с собой еду.

На рассвете следующего дня мы получили приказ отступить и построиться для марша обратно в лагерь. Многие мои неопытные товарищи выглядели крайне истощенными. У всех их на штанах были крупные пятна от мочи, и многие из них шагали, широко расставляя ноги с лицами искаженными от отвращения: они наложили себе в штаны. Один из их инструкторов не смог удержаться от самодовольной ухмылки, увидев это.

— Ребята, дам вам хороший совет: всегда облегчайтесь по утрам, — сказал он. — Тому, кто ушел из дома, не сделав этого, потом остается только проклинать себя.

— Наши задницы справили свои нужды независимо от нас, — прошипел мой сосед.

На следующий день позиции каждого кандидата в снайперы были осмотрены и оценены относительно их соответствия работе снайпера. Меня попросили объяснить плюсы и минусы моей собственной позиции, и я охотно поделился с товарищами своим фронтовым опытом, объяснив, что выбор хорошей позиции в основном зависит от ответа на три главных вопроса: как пробраться на позицию незамеченным, как покинуть позицию незамеченным и как быстро и незаметно перебраться на следующую позицию.

Остальная часть моего курса, казалось, выпала в осадок. Многих моих товарищей охватила скованность при мысли о приближающейся службе на фронте. Это давило на них в течение всего дня, посвященного разнообразным боеприпасам.

Снайперы часто передвигаются по нейтральной территории за пределами позиций своих войск. Если противник засекает их, то на них зачастую обрушивается огонь тяжелых пехотных орудий. И здесь крайне важно узнать эти орудия по звуку, чтобы предпринять правильные оборонительные действия. Если снайпера обстреливают из минометов, то это только вопрос времени, пока враг не изловчится точно направить мину в него или не вспашет взрывами весь участок, на котором залег снайпер. Оба варианта означают верную смерть. Поэтому в такой ситуации снайперу крайне важно оставить свою позицию так быстро, как это только возможно. При таком отступлении он лишается укрытия, и все, что ему остается, это отважно выпрыгнуть из окопа и зигзагами побежать к позициям своих. Как уже объяснялось, среди снайперов это называлось «заячьими прыжками». Такое требовало огромной силы воли, но было

единственным способом выжить в подобной ситуации. Поэтому «заячьи прыжки» последовательно отрабатывались в ходе курсов. Но, несмотря на это, многие снайперы, прошедшие их, позднее погибли, поскольку в момент решительных действий они остались в своих укрытиях, парализованные паникой и страхом.

В то время как работа минометов могла быть продемонстрирована нам вживую, грохот едва ли не самого страшного русского оружия был доступен только на граммофонной записи. Немецкие солдаты на передовой называли его «сталинским органом»[12]. Это была установленная на грузовике многозарядная пусковая установка, которая всего одним залпом могла превратить участок размером с футбольное поле в ад, где в воздухе с жужжанием разлетались осколки и комья земли взмывали в небо.

Граммофонная запись пробудила во мне болезненные воспоминания, которые были столь яркими, что я вновь ощутил во рту вкус серы, дыма и крови. На вопрос товарищей о том, как можно защититься от этого оружия, у меня был один короткий ответ. Лицо мое помрачнело, и я стал выглядеть на десять лет старше.

— Вам поможет только глубокий окоп, — сказал я. — Не высовывайтесь из него, сожмите ягодицы и молитесь.

Занятие включало в себя также рассказ о так называемой целеуказательной пуле «B Patrone» (от немецкого слова Beobachtung — наблюдение). Эта разрывно-зажигательная пуля изначально была разработана для пулеметов самолетов-истребителей. При попадании в цель такая пуля взрывалась, что позволяло отследить точность огня и скоординировать его направление. Производство подобных патронов было очень дорогостоящим, и поэтому долгое время они использовались исключительно в авиации. Однако русские, у которых подобные боеприпасы существовали еще до начала войны с немцами, уже начали использовать такие пули против пехоты противника. Вполне понятно, что немецкие стрелки боялись беспощадной эффективности этих пуль, в частности, еще и потому, что их любили использовать русские снайперы.

Я, естественно, уже знал о таких патронах, и мне даже доводилось использовать их, когда они оказывались среди захваченных у русских боеприпасов. И я был убежден в необходимости доступности таких патронов для немецких стрелков. Согласно Женевской конвенции использование разрывных пуль в ручном стрелковом оружии было незаконным. Однако ситуация на Восточном фронте зашла столь далеко, что использование любых средств казалось оправданным. Во время

демонстрации стрельбы такой пулей, она без труда срезала молодое деревце, диаметр ствола которого был около пяти сантиметров.

На четвертой неделе курсов подготовка стала еще более соответствующей реальным боевым условиям. Кроме ежедневной базовой стрелковой практики на полигоне, будущие снайперы получали практические уроки, посвященные смене позиций. Эти уроки включали незаметное перемещение между частями, выполнявшими военные упражнения на тренировочном участке, и охоту друг за другом в полевых условиях. В итоге стрелковая практика участников курсов на полигоне была соединена с такими уроками, и нам нужно было не только находить скрытые цели, но и стрелять по ним боевыми патронами. Это включало определение места нахождения чучел и стрельбу по ним в назначенное время. Если нам это не удавалось, мы получали у инструкторов плохие отметки и суровое предупреждение, что, столь плохо выполняя свою работу, мы неминуемо погибнем в реальных фронтовых условиях. При обучении такого рода мои неопытные товарищи лучше осознавали опасность, с которой им предстояло столкнуться на поле боя. С началом этих практических занятий участники курсов «гибли», как мухи. Даже я допускал ошибки, поскольку подготовка опиралась на официальную политику Вермахта, гласившую, что роль снайпера на поле боя должна быть исключительно наступательной, тогда как я действовал во многих ситуациях с крайней осторожностью. Хороший снайпер должен знать, когда ему исчезнуть, но программа снайперских курсов не разрешала самостоятельно принимать стрелкам такие решения.

Наконец, курсы были пройдены. Их окончание было отпраздновано в последний субботний вечер. Сержанту удалось раздобыть бочонок пива, несколько бутылок спиртного покрепче и несколько больших кусков свинины. Воспользовавшись наступлением долгожданной летней погоды, мы организовали нечто вроде барбекю. Столы и стулья принесли из своих казарм, а решетку для жарки мяса соорудили из начисто отмытой калитки, сваренной из стальных прутьев, которую закрепили проволокой на подставку, сколоченную из нескольких срубленных деревьев. Разгоравшийся огонь наполнял' воздух приятным ароматом. Но перед тем как мы смогли усесться и наслаждаться вечером, сержант приказал нам построиться.

На столе перед нами лежало пятьдесят шесть снайперских винтовок и стопка служебных книжек. Участники курсов вызывались по одному. Первыми были вызваны четверо солдат, не прошедших курса: им предстояло вернуться в свои части

рядовыми солдатами. Затем стали в обратном порядке вызывать выпустившихся снайперов, начиная с тех, кто имел низшие оценки. Пожимая руку каждого из них, сержант возвращал ему винтовку, которой он пользовался на курсах, служебную книжку и приятного вида бумагу из канцелярии с десятью заповедями снайпера.

Как все и ожидали, я оказался в тройке лучших учеников, которых сержант вызвал последними. Горячие поздравления сержанта мало тронули меня, а доставшийся мне в награду ящик из-под патронов, наполненный продуктами, вызвал у меня восторг. Ведь это означало, что мне не придется ехать домой с пустыми руками.

Стоящие с винтовками участники курсов были официально признаны снайперами. Но в то время как более неопытные солдаты были счастливы оттого, что обрели новый статус элитных бойцов, подобные мне бывалые солдаты, много повидавшие на передовой, смотрели в будущее с тревогой и дурными предчувствиями. Впрочем, они недолго пребывали в тяжелом состоянии духа. Жизнь снайпера подчинена моменту, а прямо перед нами была превосходная еда и пиво, а что еще нужно, чтобы наслаждаться жизнью? Я полностью отдался празднику и взял от него все, что мог, поскольку знал, что каждый день может стать для меня последним.

Большинство новоиспеченных снайперов на следующий день уже сидели в поездах, следовавших на восток. А меня в это воскресенье во второй половине дня на грузовике подбросили до Миттенвальда, и оттуда я зашагал в родную деревню. Я заранее известил в письме семью о своем приезде. Родители и сестры дожидались меня, когда я постучал в дверь. И не нужны были слова. Родители взволнованно обнимали меня, а сестры в нерешительности стояли рядом. Я повернулся к ним, улыбнувшись:

— Девочки, смотрите, что у меня для вас есть!

Я снял свою винтовку с плеча и прислонил к стене, снял рюкзак и, развязав его, достал несколько плиток шоколада в красной фольге, которые были частью завоеванного мною приза.

Глава двенадцатая. «С РУМЫНАМИ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ»

Как только семья услышала от меня, что события последних месяцев моей жизни представляли собой нечто вроде увлекательного приключения, все заверения вездесущей пропагандистской машины тут же были приняты ими на веру.

— Скажи нам, как идет война? — спрашивали они.

— Мальчик, ты плохо выглядишь! — сокрушалась мать. — Неужели они в армии не дают вам достаточно еды?

— Дайте ему хоть присесть! — не выдержал отец и усадил меня на скамейку за кухонный стол. — Сначала выпей, а потом мы тебе сообразим что-нибудь перекусить.

Моя семья явно не страдала от голода. Она была хорошо обеспечена продуктами, которые отец получал у местных фермеров за свои плотничные работы. Вся неловкость, которую каждый ощущал в первые минуты воссоединения семьи, вскоре прошла, но я по-прежнему замечал пытливые взгляды родителей. Однако что я мог им рассказать? У меня просто не было слов, чтобы описать то, что я перенес. Живя здесь, они бы попросту не поняли, каково мне там. К тому же у меня совершенно не было желания приносить ужас войны в этот спокойный, наивный мирок.

Начав рассказывать несколько анекдотов о каждодневной рутине солдатской жизни, я по едва заметному кивку головы отца понял, что могу продолжать. Охваченные восторгом, мать и сестры жадно слушали, как я описывал войну, подобной приключению, захватывающему, суровому и немного опасному — как раз такому, о каком мечтают молодые женщины.

Позднее, когда впервые за долгое время я снова оказался в своей удобной кровати, противоречия между вымыслом и правдой, миром и войной, начали терзать меня. Неуверенность в будущем давила на нервы. Так продолжалось несколько часов, пока я, наконец, не погрузился в беспокойный и слишком короткий сон. На следующее утро я встал разбитый, с головой, полной спутанных мыслей. Чтобы хоть как-то отвлечься, я стал помогать отцу в мастерской, и в итоге нашел умиротворение, сконцентрировавшись на семейном деле.

Отец не спрашивал меня, почему я так молчалив, поскольку понимал, что теперь творится в голове у его сына. Старику Оллербергу казалось, будто он сам еще вчера переживал то же самое, на несколько дней возвратившись домой с передовой.

Правда, было это четверть века назад. Оллерберг-старший уходил на ту войну, полный ликования, а вернулся подавленным и ставшим мудрее после столкновения с суровой реальностью войны. Теперь он вспоминал, что чувствовал тогда, сравнивая мирную жизнь дома с пережитым им ужасом боев на Итальянском фронте, и как его семья не понимала, через что он прошел, а он не мог найти слов, чтобы рассказать им.

Отец и сын безмолвно работали в мастерской. Наши движения были точными и почти превосходно слаженными. Между нами установилось взаимопонимание, которое не требовало слов. Мы оба знали, чтб за плечами у меня и почему я не могу думать о том, что будет дальше. Невозможность избежать приговора судьбы тяжело давила на каждого, но особенно на солдата, воевавшего на передовой, чья жизнь находилась в жестких рамках слов «здесь» и «сейчас», знавшего, что каждая оплошность может стать его последней. Это знание определяло ритм моей жизни.

Безмолвие нарушилось, когда отец посмотрел мне в глаза со странной грустью и сказал:

— Позаботься о себе, мой мальчик, и вернись назад живым и здоровым. Ты нужен здесь.

Дни сменяли друг друга. Каждый из них я проводил с семьей. Деревня стала для меня непривычной и чужой. Все мои друзья и одноклассники ушли на фронт, многие из них уже погибли. Теперь каждый смотрел в будущее с неуверенностью и тревогой. Подвергавшиеся жесточайшей цензуре газеты неустанно выражали свою веру в окончательную победу Третьего рейха, однако теперь все научились читать между строк. Если в газетах говорилось о «гибком ведении войны по всем фронтам», каждому было ясно, что это означает отступление. Именно в это время западные союзники высадились во Франции и открыли второй фронт, который потребовал столь огромного количества сил Вермахта, что немецкая армия на Восточном фронте перестала получать пополнения. Одновременно американцы и британцы усилили свое давление на Южном фронте в Италии, в то время как русские начали наступление против группы армий «Центр». Было очевидно, что при таком нажиме по всем фронтам Вермахт не сможет сопротивляться долго. Полное и неизбежное поражение неумолимо приближалось. Попытка нескольких высших офицеров Вермахта убить Гитлера и договориться о сепаратном мире провалилась. Судьба Германии была решена.

Мой недолгий отпуск подошел к концу. Когда отец, прощаясь, сжимал мою руку, черты лица старика казались высеченными из камня, но во время коротких объятий я почувствовал, что тот

дрожит от волнения. Мать и сестры плакали навзрыд и не находили слов, чтобы ободрить меня. Прощаясь с ними, я понимал, что они все остаются в руках судьбы.

Когда в начале августа мой поезд понесся обратно к линии фронта в Румынии, внутри меня разлилось чувство необъяснимого облегчения оттого, что я могу вернуться к жизни, где все действия подчинены древним законам войны. Пока я был в отпуске, мой мозг буквально разрывался от противоречий. Мир вокруг казался мне нереальным. Жизнь дома была наполнена неуверенностью и страхом неизвестности. На фронте все было совершенно наоборот. Я знал, что делать, как жить, и знал свое солдатское ремесло. С приближением к передовой, которая теперь была моим настоящим домом, ко мне возвращалась уверенность в том, что я сумею до конца пройти свой путь, каким бы горьким ни был конец. Главное, что рядом со мной будут мои товарищи, которые в последние месяцы стали моей настоящей семьей.

Обратный путь в Румынию прошел без каких-либо инцидентов. Но я замечал, что все солдаты, которых я встречал в пути, выглядели встревоженными и нервными. Это были первые угрожающие признаки деморализации.

От последней станции меня и еще семерых бойцов, ехавших со мной, подбросили до места назначения на «Опеле Блице», который был направлен из моего батальона для получения груза с поезда. Водитель оказался мне знакомым . Это был младший капрал по имени Алоис, давно служивший в 144-м полку.

Чем ближе мы подъезжали к фронту, тем острее я ощущал неспокойность обстановки вокруг. Но по пути в поезде, кроме диких слухов, я не слышал ничего конкретного, что позволило бы мне разобраться в происходящем. Однако Алоис обрисовал передо мной фронтовую ситуацию:

— Йозеф, я скажу тебе, что-то назревает. Когда я забирал нашего старика из полка, я слышал, как офицеры разговаривали о донесениях разведки. Они думают, что приближается большое наступление Иванов. А еще шел разговор, что наши дорогие румынские союзники нарушают договор, если верить тому, что доложили венгерские секретные службы. Для группы армий «Центр» заваруха уже началась, но наша 6-я армия тоже попала в беду. Она вот-вот окажется в окружении. Говорю тебе, что-то должно случиться в последующие несколько дней. Русские порвут нам задницы, здесь не будет камня на камне. Чтобы принять эту жизнь, нужно залить в себя хоть немного спиртного.

С этими словами водитель достал из-под сиденья бутылку фруктового шнапса.

— Восхитительная вещь! — сказал он, щелкая языком. — Я украл ее у полкового казначея. Эта кабинетная вошь получила посылку от жены. К несчастью, груз получил небольшие «повреждения при транспортировке». Но казначей переживет это: там было две бутылки.

Я охотно сделал большой глоток, ощущая, как вкусный крепленый домашний напиток, проходя через горло, разливался теплотой внутри меня. Я болтал с Алоисом до конца пути. Наш разговор время от времени перемежался глотками из бутылки. Алоис рассказал мне, что последние несколько недель были спокойными и они наслаждались хорошей летней погодой. Также немецкие бойцы близко сошлись с солдатами из соседней румынской части. А еще они получили пополнение в личном составе и в материальной части, благодаря чему рота почти восстановила свою полную боевую численность.

Когда грузовик, наконец, доехал до 2-го батальона, Алоис спросил меня, не желаю ли я сходить вечером к румынам, у которых нет проблем со спиртным, поскольку они получают его в достаточном количестве у местных фермеров.

— Иногда там бывают даже симпатичные женщины, — Алоис старался распалить меня. — Имея немного таланта, обаяния и кусок хлеба, ты сможешь трахнуть одну из них.

— Сначала я должен повидаться со своими ребятами и узнать, как они, — ответил я. — Я приду, как только смогу.

Попрощавшись, я, согласно уставу, доложил о своем прибытии в штаб батальона. Капитан Клосс встретил меня с неподдельной радостью:

— Ты вернулся как раз вовремя. У нас теперь на счету каждый хороший боец.

Затем, подмигнув, он добавил:

— Кроме того, ты, вероятно, сделался хорошим снайпером, побывав на этих изнурительных курсах. Приближается серьезный удар врага. Иваны попытаются порвать наши задницы в течение нескольких последующих дней.

«Этот пронырливый старый черт оказался прав», — подумал я, вспоминая рассказ Алоиса.

— Также с румынами что-то происходит, — продолжил Клосс. — Я думаю, они уже собрались признать себя побежденными. Офицеры штаба полка получили сообщение от «Иностранных армий Востока»[13] о том, что, согласно венгерским разведданным, в Румынии появилась оппозиционная группа, которая хочет договориться с русскими. Верховное командование не обращает особого внимания на эти сведения, но лично я думаю, что это может иметь последствия. Поэтому, окажи мне

услугу, держись подальше от румын. И кое-что еще...

Клосс поднял лежавший наверху кипы бумаг документ и коричневую картонную коробку:

— Здесь еще немного мишуры на твою грудь. Поздравляю тебя с награждением Пехотным штурмовым знаком.

Он вручил мне награду и документы на нее, пожал мою руку и похлопал по спине, прежде чем снова повернуться к своему столу.

— Теперь иди осмотрись, и мы поговорим завтра.

Я оставил свой рюкзак в блиндаже связных, с которыми жил, и отправился обходить траншеи, ища взглядом знакомые лица. Они почти не встречались мне. Я вспомнил строчку из песни:

Скажи мне, где теперь бойцы?

В пустых окопах воет ветер...

Несколько старых вояк выглядели посторонними среди только что прибывших новых бойцов, на юных лицах которых, как казалось мне, уже была видна тень их приближающейся гибели. Я ясно понимал, что после следующей атаки половины этих лиц я также не увижу больше. Когда я встречался со старым боевым товарищем, то оба радовались, испытывая чувство облегчения и уверенности друг в друге. Мы знали, что можем положиться друг на друга, и это бесценное ощущение во время боя. А вот новичкам еще предстояло доказать, чего они стоят.

В конце своего обхода я посетил заведующего оружейным складом полка. Первый мой вопрос был о судьбе молодого снайпера, которому я передал свою русскую винтовку.

— Этот парень очень плохо закончил, — ответил мне сержант и помрачнел. — Обстановка здесь в последние недели была вполне мирной. Но несколько русских патрулей все-таки шныряло вокруг. Ты знаешь, как это бывает: выполняют разведку, захватывают «языков», иногда устраивают небольшие перестрелки, чтобы нам жизнь медом не казалась. А парень слишком быстро стал очень самонадеянным. Через несколько дней он в одиночку вышел на снайперскую охоту и на разведку. Мы точно не знаем, что произошло. Но, так или иначе, он ушел вечером и не вернулся. Через четыре дня один из наших патрулей нашел его тело, раздувшееся из-за жары, как воздушный шар. Должно быть, парень попал в руки русского патруля, и этого придурка угораздило забыть избавиться от своей винтовки. Ты можешь представить, что русские сделают с немецким снайпером, особенно с таким, у которого трофейная русская винтовка и столько зарубок на ее прикладе. Они страшно пытали его. Парня яростно били и резали ножами. В конце концов они отрезали его яйца и запихнули их ему в рот. Однако самым худшим было, что

они насадили парня на его винтовку, засунув ее ствол ему в задницу по самое некуда. Наверняка он умирал в страшной агонии. Товарищи, которые нашли его тело на нейтральной территории, похоронили его там. Вернувшись, они все только и думали, что о возмездии. Но, Йозеф, я тебе скажу, все это дерьмо нам дорого обходится. Я даже не хочу думать о том, что случится, когда иваны войдут на немецкую территорию. Ясно, что мы проиграли эту войну. Все, что мы можем сделать теперь, это только сражаться за наше выживание.

Сержант положил руку мне на плечо и, глядя в глаза, добавил:

— Но мы будем сражаться, как и положено горным стрелкам, до самого последнего патрона, а потом бросимся на русских с лопатами и голыми руками.

Смерть была для меня столь будничным явлением, что услышанный эпизод не вызвал во мне особого содрогания, за исключением описания жестоких издевательств над взятым в плен снайпером. Это заставило меня задуматься. И я поклялся больше не наносить зарубок на приклад своей винтовки и делать все возможное, чтобы избежать своей идентификации как снайпера, если возникнет малейший риск оказаться захваченным в плен.

Давление на Карпатский фронт усиливалось. Командование 3-й горнострелковой дивизии старалось, как только могло, обезопасить свой участок фронта и включило соседние румынские части в свою систему обороны. Русские начали штурм через несколько дней после моего возвращения и методично наращивали его интенсивность. 19 августа 1944 года огонь русской артиллерии создал буквально стену огня. За артподготовкой последовало спланированное наступление. Войска русских обошли румынские части в секторе атаки, не встречая практически никакого сопротивления с их стороны, и 138-й горнострелковый полк был окружен, хотя его частям и удалось не оказаться отрезанными друг от друга. Немногочисленные резервы дивизии были быстро брошены на помощь полку, несмотря на то, что это вело к определенному стратегическому риску. После четырех дней кровопролитных боев окружение 138-го полка было прорвано, и линия фронта стабилизировалась. Наша часть практически не принимала участия в этих боях, если не считать перестрелок с русскими патрулями.

Я выходил на разведку за немецкую передовую почти каждую ночь. Я часто наблюдал небольшие скопления вражеских войск, исчезавших среди позиций, удерживаемых соседними

румынскими частями. Как ни странно, я при этом не слышал никаких звуков, свидетельствующих о боях. Подозрения мои возрастали при виде того, с какой конспирацией двигались русские. Я доложил о своих наблюдениях капитану Клоссу.

— Вот дерьмо, — сказал Клосс. — Значит, слухи не были такими уж беспочвенными. Теперь это началось. Ты увидишь, румыны еще нанесут удар нам в спину.

Тем не менее, несмотря на доклады командиров с фронта, ОКХ с яростным, беспочвенным оптимизмом, отрицало угрозу того, что румынские союзники могут изменить Германии. За лето подозрительность немцев к своим союзникам периодически возрастала с тем, как все больше мелких улик указывало на переход румын на другую сторону. Их командиры, дружелюбные к немцам, были заменены другими, немцев не любившими. Поток румынских разведданных к Вермахту также сократился, и все чаще поступавшие сведения оказывались противоречивыми. В довершение всего рядовые румынские солдаты выглядели истощенными и уставшими от боев даже сильнее, чем немецкие бойцы. Это было вызвано постоянными крайне высокими потерями среди румын, сражавшихся на Восточном фронте с совершенно неадекватным вооружением. Приближающаяся атака русских на их родную страну ожидалась румынами с уверенностью в бессилии их собственных войск.

Русское наступление на группу армий «Южная Украина» имело конечной целью окружение 6-й немецкой армии. Две румынские армии, которые должны были защищать южный фланг 6-й армии, были разбиты за сутки и начали беспорядочное отступление. Румыния еще после сокрушительного поражения немцев под Сталинградом начала секретные переговоры с Советским Союзом о сепаратном мире. Но изначально эти переговоры зашли в тупик из-за жестких условий мира, предъявленных русскими. В июне 1944 года различные оппозиционные румынские фракции оказались подчинены влиянию румынской коммунистической партии, ими был разработан план свержения румынского фашистского диктатора Иона Антонеску и последующего разрыва с Германией. Здраво оценивая безнадежность ситуации, король Румынии Михай согласился заключить сепаратный мир с СССР и его союзниками и 23 августа перешел на их сторону. В тот же вечер румынская армия получила приказ прекратить военные действия против русских и развернуть свои орудия в сторону немцев.

Приказ был приведен в действие незамедлительно. Согласно условиям нового румыно-русского договора, немецкому послу и Верховному командованию Вермахта в Румынии было изначально

предложено без боев вывести свои войска из страны вместе с их вооружением и обеспечением. Гитлер однако отклонил эти предложенные ему условия и провозгласил войну с Румынией. Это было еще одной фатальной ошибкой, которая поставила под угрозу ненадежные позиции 6-й немецкой армии. Соответственно за несколько часов Вермахт был вовлечен в войну на двух фронтах, что привело к огромным потерям в людях и материальной части, которые было нечем восполнить, и полному разрыву немецкого фронта. К 30 августа группа армий «Южная Украина» была практически уничтожена. Верховное командование в Берлине могло следить за событиями, просто перемещая и убирая флажки с карты, а пехотинцам пришлось ощутить последствия «героического решения фюрера» на собственной шкуре.

Для бойцов 3-й горнострелковой дивизии боевая ситуация оказалась особенно сложной. У них было теперь не только два противника, но румыны сами также разделились на тех, кто поддерживал новый альянс их правительства с русскими, и тех солдат и мирных жителей, кто остался предан национал-социализму и поддерживал немцев. Эта неразбериха приводила к многочисленным несчастным случаям и трагическим инцидентам.

Вернемся в 23 августа 1944-го. Это был солнечный летний день, и на участке 144-го полка не наблюдалось интенсивных боевых действий. Несмотря на это, нервы немцев в столь давящей ситуации были на пределе. В середине дня я снова встретил водителя Алоиса, который выполнял в полку функцию связного.

— Как дела, охотник? — спросил Алоис. — Хочешь выпить сегодня ночью? Наши румыны получили свежее спиртное и приглашают нас попробовать его вместе с ними. Не робей, приходи!

Меня охватило любопытство, к тому же глоток алкоголя при моем нервном напряжении явно не был лишним, и я согласился. Алоис описал место встречи, путь к румынской части и, уже прощаясь, прокричал через окно кабины:

— Сегодня вечером около восьми. Не дай пристрелить себя до этого часа!

Около девяти часов вечера этого судьбоносного дня я с винтовкой на плече двигался через лес к месту встречи. Хотя линия фронта была в двух километрах от меня, я, как всегда, был внимателен к тому, что меня окружало, и это уже не раз спасало мне жизнь. На подходе к румынским позициям, которые начинались за следующим поворотом тропинки, меня насторожил странный шум. Вечернюю тишину нарушало неразборчивое,

возбужденное разноголосое бормотание. Мгновенно насторожившись, я сошел с тропинки и исчез в подлеске, чтобы отползти к небольшой возвышенности, с которой я надеялся разглядеть румынские позиции. Мои чувства обострились, я полз, как пантера, в направлении гвалта голосов, осторожно прокладывая через густые кустарники свой путь к вершине возвышенности. Оттуда я мог разглядеть долину размером с футбольное поле, в которой располагался лагерь румынских войск. В ста метрах от себя на пересечении лесной тропинки, которую только что оставил, я увидел в бинокль Алоиса и четырех других пехотинцев, окруженных румынами и двумя русскими.

Немецкие бойцы были связаны. Можно было понять, что их допрашивали. Русские что-то говорили румынам, после чего один из румын задавал вопросы пленникам. Было видно, что ответы не удовлетворяли их пленителей, поскольку один из русских отстранил румын и начал избивать немецких стрелков палкой. Большая группа румын смотрела на это, и по их поведению я мог сказать, что они были не в восторге от того, что делал русский. Затем появился офицер и стал отчитывать зрителей происходящего. Но его слова не производили эффекта, пока он наконец не достал пистолет. После этого румыны побрели к своим позициям, подстегиваемые окриками сержантов. Затем офицер заговорил с теми, кто проводил допрос, и они вместе с пленными направились в другое место, очевидно, чтобы продолжить допрос без лишних свидетелей.

Внизу склона, прямо под моей позицией, находился туалет. Пленные и их мучители расположились за его задней стеной, благодаря чему они были не видны из лагеря. Я теперь мог еще лучше разглядеть их. Расстояние до моей позиции было всего около восьмидесяти метров. С пятью пленными сейчас было двое русских и три румына. Один из румын выполнял функцию переводчика, а двое других стояли в качестве караульных. Русские снова начали бить немецких стрелков. Среди шума этого избиения до меня долетали нечеткие слова и фразы на немецком, такие как: «грязная свинья», «изменник». Я узнал голос Алоиса.

После этого русские сконцентрировали свое внимание на нем, и стали еще злее бить его палками. Потом один русский и один румын стали молотить его кулаками в лицо и в живот так, что Алоис упал на землю, скорчившись от боли. Затем они развязали его и прижали к стене туалета, а его правую руку вдавили в перекладину. Главный русский достал пистолет и, как молотком, стал бить им по пальцам Алоиса. Алоис орал от ярости и боли, когда его пальцы один за одним разбивались в кровавое

месиво.

Меня переполнила ярость, которая побуждала к действию. Но опыт уже научил меня контролировать подобные импульсы и дожидаться верного момента. Мои необдуманные действия могли подвергнуть опасности как мою собственную жизнь, так и жизни товарищей, в то время как еще оставалась надежда, что пленных освободят, когда все это закончится. Я заставил себя успокоиться и продолжал смотреть, лихорадочно соображая, как и когда я смогу помочь товарищам. Рвануть назад к немецким позициям с тем, чтобы сформировать патрульный отряд, который обрушится на румын, было делом бессмысленным. Во-первых, потому что было маловероятно, чтобы пленных в этом случае оставили в живых. Во-вторых, потому что это будет стоить еще большего количества немецких жизней. И, в-третьих, потому что предательство румынской армии уже давно предвиделось немцами. Таким образом, я осознавал, что действовать в этой ситуации мне придется в одиночку.

Чтобы заглушить крики Алоиса, ему заткнули рот кляпом. Его мучители явно полагали, что зрелище его страданий заставит других пленных выдать им необходимую информацию. Однако продолжение допроса не принесло русским ожидаемых результатов, даже когда пальцы на левой руке Алоиса также были разбиты. Он со стонами катался по грязи, пока допрос его товарищей продолжался. Я тем временем соорудил упор для своего карабина и занял огневую позицию. Я был готов стрелять, но все еще надеялся, что русские прекратят пытать своих жертв и отпустят их из плена. Однако, как выяснилось, мои надежды были напрасны.

Я был неожиданно поражен, заметив, что русский с пистолетом вдруг разорвал куртку и рванул брюки Алоиса так, что в сумерках стал ярко заметен его белый, бледный живот. Русский выхватил складной нож у себя из-под куртки, разложил его и с угрозой провел лезвием перед лицами остальных немецких пехотинцев, стоявших на земле на коленях. Он заорал на них, и румынский переводчик, дико жестикулируя, что-то быстро заговорил ему, но в конце концов покорно пожал плечами. Тогда русский повернулся к Алоису и резким движением разрезал его живот ниже пупка, погрузил руку в рану и вырвал наружу около метра его кишок. Алоис в агонии застонал так, что это было отчетливо слышно, несмотря на кляп у него во рту.

Я привык видеть ужасные вещи на этой войне, но подобное было выше моих сил. Мое сердце забилось столь бешено, что мне казалось: оно разорвется. Бессильная ярость переполняла меня. Было пора действовать. Жестокость русского поразила даже

румынского переводчика, который неожиданно достал свой пистолет и прекратил страдания Алоиса двумя стремительными выстрелами в голову. Ситуация была предельно накалена. Оба русских теперь держали оружие наготове. Они и румыны орали и угрожали друг другу. Русский палач навел свой пистолет на переводчика, а потом вдруг перевел его на стоявших на коленях пленных и выстрелил в лицо первому из них. Брызги крови и тканей вырвались из затылка пехотинца. На несколько секунд он застыл, подобно статуе, а потом рухнул к ногам своих товарищей.

Ко мне тут же вернулось хладнокровие. Ярость пробудила мои охотничьи инстинкты. Русский уже был в перекрестье моего прицела. Короткий вздох, концентрация, и мой палец лег на спусковой крючок и надавил на него. Пуля пронзила грудь палача, и он, будто под ударом стального кулака, рухнул на землю. Я снова был наготове, как только первый враг оказался на земле. Второй русский стал жертвой следующей пули. Румынский переводчик мгновенно осознал, что произошло, и одним прыжком подскочил к стене туалета: он тут же сиганул в дыру, наполненную дерьмом, так что во все стороны полетели брызги. Двое оставшихся румын начали беспорядочно палить во все стороны, но ни одна из их пуль не пролетела даже рядом со мной. Мой третий выстрел положил одного из них у стены туалета. К этому времени весь румынский лагерь возбужденно загудел. Измазанный дерьмом с головы до ног переводчик выскочил из туалета. Первые пулеметы открыли огонь по лесу. Град пуль, выпущенных ими, прошел в опасной близости от меня. Я не мог помочь уцелевшим немецким стрелкам. Мне нужно было уходить как можно быстрее, чтобы предупредить своих товарищей. Словно привидение, я исчез в лесу.

Когда я достиг позиций горных стрелков, там уже разгоралась лихорадочная деятельность. Я незамедлительно направился к капитану Клоссу и в коротких фразах доложил об увиденном. Хотя я опустил детали, Клосс смог представить, что произошло.

— Проклятие! — вырвалось у него, и он начал пытаться выйти на радиосвязь с полковым командованием и соседними частями. Выяснилось, что румыны уже атаковали в нескольких местах и захватили два отряда из нашего батальона. Мой доклад просто оказался последним подтверждением того, что румыны теперь стали врагами немцев.

Полковой штаб не мог предложить каких-либо рекомендаций и ожидал указаний из штаба дивизии. Затем Клосс связался с 3-м батальоном 112-го горноартиллерийского полка, но сразу после этого радиосеть перестала функционировать. Каждая часть осталась сама по себе, как было уже слишком часто за последние

месяцы. Но наш батальон был счастлив, что все не сложилось еще хуже. Мы немедленно отреагировали на изменение обстановки, поскольку были предупреждены вовремя, и каждая рота была готова к обороне румынского вторжения.

Однако многие другие части серьезно пострадали. Румыны приближались к ничего не подозревавшим немцам, воспринимавшим их, как дружеские силы, и наносили жестокий удар. Румынские боевые группы соединились в своего рода партизанские группы, которыми руководили просочившиеся в немецкий тыл русские агенты. Действуя с невероятной жестокостью, они сеяли панику среди немецких частей, которые не могли определить, друг или враг перед ними.

В то время как другие части несли ужасные потери, бойцы 2-го батальона 144-го горнострелкового полка оборонялись с непреклонной решимостью. Когда группы румын подходили к их позициям с обычной внешней дружественностью, но с оружием в руках, заранее предупрежденные стрелки открывали огонь при их первых подозрительных движениях. Правда, ситуацию осложняло то, что все происходило ночью. Но, к счастью, у румын не было тяжелых орудий, а огневое превосходство немецких стрелков давало последним значительное преимущество, когда дело доходило до перестрелок. В результате 144-й полк стал центром сопротивления 3-й горнострелковой дивизии и ее точкой сбора во время тактической и стратегической перегруппировки. Уцелевшие разрозненные части дивизии пробивались к 144-му полку и таким образом обеспечивали ему необходимое пополнение для нанесения контрударов, позволявших спасти другие окруженные части.

К следующему утру штурмовые группы уже были собраны вместе и наступали на румын. Полные ярости и возмущения их предательством, жаждущие реванша за то, что румыны столь жестоко действовали против своих бывших союзников, немецкие стрелки обрушились на них, подобно берсеркерам. Немецкие контратаки были безжалостны. Бойцы Вермахта не брали пленных с тех пор, как необходимая им тыловая поддержка была уничтожена. Во время этих беспорядочных боев, где не было толка от снайперской винтовки, я служил в роли рядового стрелка. Я сражался с обычной самозарядной винтовкой «Вальтер 43», которую получил по возвращении из отпуска. Мне приходилось, как ястребу, следить за ней, чтобы ее никто не украл. Заряженная разрывными пулями, она обладала значительной огневой мощью на расстояниях до ста метров.

За несколько дней дивизия сумела выбить румын из своего сектора и стабилизировать свои позиции. Но она осталась совсем

одна. За этот же период 6-я армия была почти полностью уничтожена. Одновременно русские штурмовали Бухарест и южные нефтяные месторождения в районе города Плоешти. В результате позиции 3-й горнострелковой дивизии маячили подобно занозе в русском фронте. И поэтому русские атаковали их следующими, развивая успех после разгрома 6-й армии на севере. 27 августа интенсивность советских атак возросла. Вместо обычных перестрелок началось генеральное наступление по всему периметру удерживаемых дивизией Карпатских перевалов.

Действия 2-го батальона в этих боях имели особую важность, поскольку он использовался как своего рода «пожарная бригада», которую бросали на те участки, где возникала наибольшая необходимость в дополнительных силах. Бойцам батальона удавалось отбрасывать врага снова и снова, поскольку они сражались на местности, которую уже успели хорошо изучить, а к тому же, будучи в своей основе горными войсками, они обладали явными тактическими преимуществами над русскими. Однако, хотя горные стрелки и сражались из последних сил, вихрь событий вокруг них раскручивался все быстрее и быстрее и постепенно затягивал их.

Те, кто писал историю полка, вероятно, пользовались лишенными эмоций сугубо фактографическими материалами о ходе этих боев, подготовленными в тонах помпезного оптимизма. Генерал Клатт, к примеру, писал: «В девственных Карпатах стрелки были сильны и свободны. Они пребывали в гармонии с горами. И если ад действительно восстал против них, почему судьба не сделала так, чтобы они погибли именно там?» Но реальность была гораздо менее лицеприятной. Бойцы горных войск вовсе не умирали внезапно от прицельных выстрелов среди живописных закатов под звуки музыки, разносившейся в терпком горном воздухе. Нет, смерть всегда приходила к ним среди грязи и вони. Их тела разрывались на конвульсивно дергавшиеся, брызжущие кровью куски плоти. Каждый день мог стать последним для солдата, и на каждого давил страх смерти или увечья. Каждого мучила неуверенность при мысли о том, что с ним станется, если он окажется в плену у русских. И тем не менее немецкие стрелки научились преодолевать охватывавшее их безумие. Иначе они попросту погибли бы за несколько дней. Вопреки всему они продолжали надеяться.

На Восточном фронте к этому моменту гибло до сорока немецких пехотинцев в день. Такого уровня потерь Германия больше не могла выдерживать. Службы тылового обеспечения армии доказали свою несостоятельность еще зимой 1941/42 г. К осени 1944-го снабжение немецких частей осуществлялось с

постоянными перебоями. Снова и снова стрелки были вынуждены сдавать захваченную территорию просто потому, что не получали необходимых им поступлений из тыла. Даже снабжение медикаментами все чаще и чаще прерывалось из-за постоянных колебаний линии фронта. Организованная эвакуация раненых становилась зачастую невозможной. Серьезные ранения на фронте фактически оказывались смертным приговором.

Глава тринадцатая. ОБЕЗЛИЧЕННАЯ СТАТИСТИКА

Многие из частей 3-й горнострелковой дивизии были окружены румынами и русскими в последние дни августа, но продолжали стойкое сопротивление. 144-й полк делал все возможное, чтобы помочь смельчакам, сражавшимся в окружении. Его бойцы предпринимали отважные атаки, которые часто оканчивались прорывом и позволяли их товарищам вырваться из окружения.

Мне однажды довелось сопровождать патруль, высланный на помощь небольшому отряду, который в течение трех дней защищал перевал, не давая продвигаться русским, и оказался отрезанным румынскими войсками от пути к отступлению. Группа румын состояла из десяти бойцов, вооруженных автоматами и карабинами. Несмотря на численное превосходство немцев, защищавших перевал, румынам удалось перекрыть им пути отхода в силу того, что они заняли господствующую высоту и умно выбрали свои позиции.

В то же время сами румыны при этом явно ощущали себя в безопасности и не ожидали, что их могут атаковать. По счастью, продвижение немецкого патруля маскировал густой подлесок, и бойцы осторожно ползли вперед так, что их не могли видеть румыны, чье точное местонахождение немцам было также неизвестно. Когда я и сержант патруля, наконец, разглядели врага в бинокли, то мы с облегчением убедились, что наше приближение осталось незамеченным. Это придавало атаке решающий фактор внезапности. Бросая гранаты и сопровождая их очередями из пистолетов-пулеметов, а также прицельными выстрелами из карабинов, мы смогли уничтожить румын буквально за несколько секунд. Никому из врагов не удалось спастись. Но такой успех еще не разрешал проблему, поскольку между патрулем и отрезанным отрядом лежало открытое пространство, которое отлично просматривалось русскими и было достижимым для их огня.

Привлеченные звуками выстрелов позади себя, семь оставшихся в живых стрелков, защищавших перевал, поняли, что нежданная помощь теперь находится от них, что называется, на расстоянии вытянутой руки. Я видел в бинокль, как они, восторженно жестикулируя, разговаривали друг с другом. Но как же им теперь перебраться к своим? Пока немецкий отряд и патруль, оставаясь порознь, обсуждали возможные варианты,

неожиданно раздался разорвавший тишину свист снарядов, выпущенных из русских тяжелых минометов. Советские войска, в конце концов, подвели тяжелые орудия, чтобы расчистить перевал. Бойцы патруля тут же распластались на земле и вжались в нее. Однако орудийные залпы были нацелены скорее на бойцов, защищавших перевал, чем на нас. С глухими ударами разрывные снаряды обрушивались на землю. Стена огня неуклонно приближалась к немецким позициям. Я видел в бинокль панический ужас на лицах товарищей, оказавшихся в западне. Патруль, который надеялся помочь им, был бессилен что-либо сделать в этой ситуации. У стрелков был только один крохотный шанс на спасение от неминуемой смерти — побежать по открытому пространству. А патрулю оставалось только беспомощно смотреть на это.

Незадолго до того, как первые минометные снаряды поразили их позиции, все семь немецких бойцов выпрыгнули из них и побежали. Только для того, чтобы быть убитыми прицельными выстрелами в спину, которые последовали один за другим. Вместо того чтобы бежать, петляя, они все неслись к лесу по прямой, но пули остановили их. Я сразу узнал почерк русского снайпера, вооруженного самозарядной винтовкой Токарева СВТ-40. Я уже видел подобные винтовки и даже стрелял из трофейного экземпляра. Она не обладала столь высокой огневой точностью, как отчасти повторившие ее конструкцию винтовки, разработанные позднее (например, «Вальтер-43»). Но СВТ-40 была надежным оружием и значительно усиливала темп огня опытного снайпера. Я знал от заведующего оружейным складом своего батальона, что существует снайперский вариант этой винтовки с оптическим прицелом, сходным с тем, что был на моей первой русской снайперской винтовке.

Следующий минометный залп буквально вспахал немецкие позиции и обрушил на павших стрелков ливень из камней и комьев земли. После этого вдруг наступила тишина, нарушаемая стонами немногих раненых, которые еще оставались живы. Двое участников патруля добровольно вызвались, чтобы попытаться их спасти. Используя те ненадежные прикрытия, которые попадались им по пути, они подбирались к своим товарищам. Когда они достигли одного из них, один из добровольцев приподнялся немного выше, чем следовало, и в тот же миг был поражен пулей в грудь. Я видел в бинокль фонтан крови, брызгавший из него несколько секунд. Очевидно, разрывная пуля русского снайпера перебила артерию около сердца. Тело стрелка дрожало и корчилось в смертельной агонии.

Я отчаянно просматривал русские позиции, но они

оставались скрытыми и недоступными для стрелкового оружия. Присутствие русского снайпера означало, что другая попытка спасти товарищей была безнадежной. Только благодаря своей удаче второй стрелок смог вернуться обратно невредимым. Тем временем крики и стоны раненых затихли, и смерть забрала их. Всех, кроме одного, которому, как пехотинцы уже знали по опыту, пуля попала в почки. Его стоны и агония затихали лишь на короткие промежутки, когда он впадал в беспамятство. Но он отчаянно цеплялся за жизнь и за надежду на спасение. И какие бы чувства ни испытывали бойцы патруля, глядя на него, его нельзя было спасти, не рискуя новыми жизнями. Через некоторое время стоны затихли, и мы услышали слабый голос раненого, просящий о помощи. Он поднял руку, моля нас об этом. Через несколько секунд его руку оторвало выстрелом из русской снайперской винтовки. Окровавленный обрубок, словно сломанная ветка, продолжал раскачиваться в воздухе. Русский снайпер явно стремился преподать немецким пехотинцам урок ужаса.

И снова раздались стоны. Сержант подозвал меня к себе, положил руку мне на плечо и серьезно посмотрел на меня:

— Я не могу приказывать тебе, а могу только умолять. И я знаю, что то, о чем я прошу, очень непростая вещь, но я умоляю тебя: избавь нашего товарища от мучений точным выстрелом. Ты единственный, кто может сделать это с такого расстояния.

Я всегда боялся, что окажусь в такой ситуации. Я часто видел, как русские убивали своих раненых товарищей, лежавших на нейтральной территории. Но подобные действия с немецкой стороны были крайне редки, поскольку подобные систематические убийства серьезно деморализовали бы их бойцов. Это было неписаным законом Вермахта: всегда спасать раненых, если это возможно. Единственным исключением было убийство из милосердия по просьбе самого раненого в безнадежной ситуации. Я содрогался, когда видел такое в течение нескольких последних месяцев, когда тяжело раненные солдаты, которых невозможно было нести за собой, умоляли своих товарищей, чтобы они убили их и положили конец их страданиям. При этом можно было не сомневаться, что оставленных позади бойцов будут пытать и убьют советские солдаты, поскольку было смешно рассчитывать, что штурмовые войска врага окажут им какую-либо помощь.

Я все еще колебался, но остальные бойцы давили на меня, чтобы я сделал то, о чем попросил сержант.

— Давай, мужик, сделай что-нибудь. Ты не можешь оставить его так. Черт, ну помоги же бедняге.

Неохотно и ощущая угрызения совести, я установил свой

карабин на скрученную плащ-палатку. Расстояние составляло около восьмидесяти метров, но голова раненого была скрыта травой, а его тело частично было закрыто неровностями земли и несколькими большими камнями. Я постарался тщательно прицелиться, но дрожал от мысли о том, что вот-вот совершу, и меня все сильнее охватывало волнение.

Я вдруг осознал чудовищность и абсурдность войны, неизменную бесцельность убийств. Борьбе внутри меня пришел конец. Но теперь обезличенность цели не могла исцелить мою совесть, я впервые испытал настоящую внутреннюю боль от своего ремесла. Я ощутил неизмеримое сострадание к тому немецкому бойцу, которого должен убить, но иного выхода не было. Война подчинила мои принципы себе. Как и многие другие мои товарищи, я был полон искреннего патриотизма и выполнял свой долг. Ради него я отказывался от своего будущего спокойствия и впускал в себя то, что никогда не смыть из памяти. Но я не мог ослушаться голоса своего долга.

Эти мысли прокрутились в моем сознании за считаные секунды, которые однако показались бесконечностью мне самому. После этого я принял единственное возможное решение: положить конец страданиям товарища. Я заставил себя успокоиться, зарядил свой карабин патроном с разрывно-зажигательной пулей, прицелился в дергающуюся голову и начал ждать, когда представится шанс для точного выстрела. Тело раненого вдруг одеревенело, и его крик перешел в хрип. Голова раненого была неподвижной. Перекрестье прицела остановилось на ухе умирающего, и с легкой дрожью пальца я нажал на спусковой крючок. Г олова моего товарища разорвалась с фонтаном крови, и повисла напряженная тишина.

Русские бездействовали. Очевидно, они не ожидали такого развития событий и решили, что им безопаснее оставаться на своих местах. Мы воспользовались этой передышкой, чтобы отойти без потерь. Никто не произносил ни слова, и никто не смотрел друг на друга. Безмолвные и подавленные пехотинцы отползали, но каждый из них испытывал облегчение оттого, что ему не пришлось сделать то, что сделал я. Именно снайпер в таких случаях делает то, что так необходимо, а потом расплачивается за это конфликтом внутри себя и тем, что его товарищи перестают смотреть ему в глаза.

Несколько последующих дней группа продолжала искать окруженных бойцов, которые нуждались в их помощи. Однако наше поражение на перевале, которое, по сути, было всего лишь одним из жестоких эпизодов войны, осталось со мной, чтобы преследовать меня до конца моих дней.

Вскоре после возвращения мне было приказано сопровождать другой патруль, разыскивающий отрезанный отряд. К этому времени положение линии фронта стало еще более неопределенным, и нам приходилось пересекать по дороге минные поля. Днем раньше группа, двигавшаяся первой по этому маршруту, расчистила узкий путь через мины и отметила его небольшими палочками. Но, несмотря на это, мы ощущали себя скованными и ползли по нему, едва касаясь земли и задерживая дыхание.

Примерно через полтора часа группа пересекла минное поле и начала осторожно двигаться по подлеску. Бывалые бойцы, которые были среди нас, успели научиться чувствовать землю, оказывавшуюся под ними, и умели предвидеть надвигающуюся опасность. Поэтому передовой караул патруля уже был настороже, когда мы неожиданно достигли еще одного минного поля, через которое на этот раз проходила низко натянутая проволока. Стоило бойцам задеть ее, и это незамедлительно привело бы к взрыву. Подобная организация минного поля всегда означала, что по соседству позиции русских. Осторожно используя каждое возможное прикрытие, патруль постарался обойти минное поле, но это оказалось гораздо более сложным и потребовало больше времени, чем мы ожидали. Вскоре наступили сумерки, и нам пришлось отступить, поскольку передвижение в темноте вблизи минного поля было крайне опасным. Но перед этим командир патруля захотел осмотреть обстановку с соседней вершины холма. Он махнул мне, чтобы я пошел с ним.

Оказавшись на холме, мы получили отличный обзор хорошо оборудованных русских позиций. Пока мы просматривали их через бинокли, я вдруг заметил движение в кустарнике в двадцати метрах от позиций и разглядел в сумраке бледное пятно. Всмотревшись в него, я увидел, что это сидящий на корточках русский со спущенными штанами, который решил облегчиться.

— Йозеф, ты тоже видишь это? — прошептал мне сержант. — Иван присел на корточки и справляет большую нужду. Если ты сможешь подстрелить его, других охватит должный страх. Они думают, что мы совершенно в другом районе. Я вернусь к остальным. Оттяни свой выстрел настолько, насколько это возможно, а затем следуй за нами.

Сержант исчез, и я поймал русского в перекрестье прицела. «Дай ему просраться, он это заслужил», — сказал я себе. Неожиданно мне в голову пришла циничная и одновременно комичная рифма: «Пока ты посрешь, от пули умрешь!» Таково остроумие на войне.

Расстояние до цели было около 150 метров. Нужно было целиться немного выше. Чтобы быть уверенным, что пуля попадет в грудь, я прицелился в голову врагу. После этого я глубоко вздохнул, сконцентрировался и выстрелил. В то же мгновение русский приподнялся, и поэтому пуля поразила низ его живота, разорвав его кишечник и выйдя через большую дыру в спине. Он заорал, словно раненый зверь. Услышав выстрел, его товарищи выскочили из блиндажа и открыли яростный беспорядочный огонь. Я отполз назад и поспешил за своими товарищами.

Как только забрезжил рассвет следующего дня, я и команда патруля снова двинулись искать отрезанных от нас товарищей. Также перед нами стояла задача, если это будет возможным, захватить русского и привести его с собой для допроса. Тем же путем, который уже хорошо знали, мы подползли к врагу. Русские к этому времени, видимо, решили получше разведать положение врага. Однако они вышли на разведку позже, чем мы, и двое патрулей столкнулись прямо у самых советских позиций. Поскольку немецкие пехотинцы двигались более осторожно, мы заметили русских первыми, и преимущество внезапной атаки было на нашей стороне. Более того, в нашем оснащении было новое оружие, которое стало доступным в небольших количествах только за последние несколько недель, — штурмовая винтовка Stg-44, которая вобрала в себя качества пистолета-пулемета и карабина. Она была оборудована переводчиком, который переключал ее между полуавтоматическим и полностью автоматическим режимами ведения огня. Винтовка заряжалась специальными промежуточными по мощности между пистолетным и винтовочным патронами 7,92433 мм. Ее магазин был рассчитан на тридцать патронов. Таких боеприпасов было достаточно для стрельбы до 300 метров. Также штурмовая винтовка Stg-44 была более удобна для стрельбы, чем карабин К98к, поскольку патроны были меньшей мощности и часть энергии пороховых газов использовалась для автоматической перезарядки, в то время как отдача от К98к приводила к болезненным ушибам после сорока-пятидесяти выстрелов, которые появлялись даже у бойцов, привыкших к этому оружию. Стоит сказать, что одной из причин того, что за время боя из винтовки «К98к» поражалось не слишком много противников, было то, что бойцы больше концентрировались на том, чтобы не пострадать от отдачи, чем на прицельных выстрелах.

В последовавшем коротком и жестоком бою с русским патрулем штурмовые винтовки Stg-44 доказали свои достоинства. Всего за несколько минут все враги были убиты или серьезно ранены при отсутствии каких-либо потерь с нашей стороны.

Победа была столь полной, что среди русских не оказалось ни одного достаточно твердо стоящего на ногах, чтобы его можно было увести с собой для допроса. У нас не оставалось сомнений, что нам делать с ранеными советскими бойцами. Один из разгоряченных пехотинцев, не чувствительный к подобным вещам, застрелил нескольких еще живых русских из своего пистолета, пока остальной патруль обыскивал мертвых в поисках полезной информации в виде расчетных книжек, пропусков и личных документов, имевших тактическое значение. Но противник прервал наши поиски огнем тяжелых минометов с соседних позиций, совершенно не считаясь с тем, что снаряды могли обрушиться на их товарищей. Нам пришлось отойти быстро, насколько это было возможно.

Мы стремительно отползли вдоль края минного поля к участку, заросшему кустарниками. По нему мы продвинулись еще на несколько сотен метров и вдруг увидели позиции своих товарищей, которых искали. Однако тут же стало видно, что все они мертвы. Расстреляв все пули до последней, окруженные стрелки, вероятно, погибли в рукопашном бою. Нам оставалось только разглядывать их позиции из кустов. Более полное и близкое их обследование было невозможно, поскольку между ними и русскими позициями было практически полностью открытое пространство. Более того, до патруля доносились раздававшиеся рядом голоса, что заставляло нас предположить, что враг находится в непосредственной близости.

Просматривая окружающую местность в бинокль, я вдруг задержал свой взгляд на предмете, который привлек мое внимание. Это была новенькая с иголочки горнострелковая кепка. Нашитая на нее кокарда с эдельвейсом ярко блестела на солнце. Я критически осмотрел свою изношенную кепку и тут же решил произвести обмен. Я осторожно пополз к привлекшей меня цели. До кепки оставалось всего несколько метров, когда я вдруг увидел тело немецкого бойца, которому она принадлежала. Его пустые глаза таращились в небо, а его грудь была настолько разорвана осколками, что обломки костей выпирали наружу. Цепочка идентификационной жестяной бирки на шее погибшего съехала ему на уши. Оказавшись возле него, я опустил свою кепку на лицо убитому и вместо нее подхватил новенькую. Я не без удовольствия обнаружил, что кепка убитого сидит на мне, как родная.

В этот момент я услышал звук приближающейся машины и понял, что наступило самое время, чтобы уйти. Мысль о том, чтобы взять личный опознавательный знак погибшего товарища, пришла ко мне только тогда, когда уже было слишком поздно.

Когда я подумал об этом, прячась в кустарниках, русская машина находилась уже в опасной близости, и снова подползти к убитому было нельзя. Так погибший солдат стал частью обезличенной статистики в списке бойцов, пропавших без вести во время боевых действий. Требовалось лишь одно мгновение, чтобы подхватить его личный опознавательный знак. Тогда родные погибшего могли бы узнать о его судьбе и не страдать от напрасных надежд. Но я думал лишь о том, как заполучить новую кепку. Чувство вины за это преследовало меня до конца жизни.

Румынию охватили ожесточенные бои, и теперь только 3-я горнострелковая дивизия, непоколебимо защищавшая свои позиции, стояла на пути Красной Армии. Несмотря на численное превосходство врага в людях и материальной части, дивизия держалась до последнего, чтобы выиграть время, необходимое для стабилизации немецкой линии фронта. Численный перевес советских войск был подавляющим. И чтобы предотвратить прорыв, немецкие бойцы были вынуждены обратиться к засадной тактике, великолепно работавшей в данных условиях, когда русские пытались прорваться через узкие горные перевалы. При этом создались идеальные условия для работы немецких снайперов. У противника не было особого выбора маршрута наступления. Соответственно снайперы заранее подготавливали хорошо замаскированные позиции с отличным обзором и могли вести из них огонь по врагу, заранее рассчитав дальность. В результате даже несмотря на превосходящие силы противника, немецкая оборона была успешной. Среди узких долин русские не могли обрушить на немцев всю мощь своего численного превосходства, а вместо этого были вынуждены преодолевать с боями каждый метр и нести огромные потери. В подобных боях мне удавалось уничтожать до двадцати врагов в день, правда, лишь немногие из них были добавлены к моему официальному снайперскому счету.

В начале сентября Клосс показал мне циркуляр из ОКХ касательно снайперов Вермахта и войск СС. Согласно распоряжению фюрера, 20 августа 1944 года был учрежден специальный нарукавный знак снайпера (черная голова орла с желтым клювом, зелеными дубовыми листьями и желудем на овале из серой ткани), имевший три степени. Третьей степенью этого знака (без окантовки) награждались снайперы за двадцать подтвержденных уничтоженных противников. Второй степенью (с серебристым кантом) — за сорок. И первой степенью (с золотистым кантом) — за шестьдесят. Новый знак должен был носиться в нижней части правого рукава выше манжета, при наличии иных квалификационных знаков знак снайпера носился

чуть выше. Но было ясно, что ни один здравомыслящий снайпер не станет надевать униформу с подобным знаком во время боев. Значение знака должно было вскоре стать известно врагу, а потому его ношение было бы равносильно самоубийству.

Враги, уничтоженные в прямом бою, как и раньше, не заносились на снайперский счет и не влияли на получение этого знака. Более того, Генрих Гиммлер провозгласил, что прежние достижения снайперов теперь не учитываются и отходят в дар фюреру. Отсчет опять начинался с нуля. Однако в награду за свою предшествующую хорошую работу каждый снайпер получил Железный крест второго класса. А те, кто уже был награжден таковым, даже первого класса. Я получил свой Железный крест второго класса несколько дней спустя.

Так или иначе, циркуляр официально выделял снайперов среди других бойцов. Это особое внимание к их деятельности, прежде не пользовавшейся особым уважением в Вермахте, было вызвано периодическим снижением объемов производства немецкой оружейной индустрии. В результате немецкое командование решило поддержать дух снайперов, воинов-одиночек, чье вооружение состояло всего лишь из винтовки с оптическим прицелом. Вермахт надеялся, что вызванное данными мерами увеличение количества снайперов сможет компенсировать постоянно нарастающую в армии нехватку оружия и войскового оснащения.

Советские войска между тем, наращивая свое давление на оказавшиеся неприступными позиции стрелков, сумели в то же время прорваться в Венгрию на другом участке фронта. В результате над 3-й горнострелковой дивизией в который раз нависла угроза окружения. У ее бойцов не оставалось выбора, кроме как отступить на 200 километров назад к реке Марос. Стрелки отходили с предельной поспешностью. Им приходилось выполнять марши ночами, а в дневное время отражать атаки русских, которые неустанно преследовали их, пытаясь задержать. Пока батальон двигался маршем, Клосс был вынужден нестись впереди него, чтобы выбрать место, где его бойцы смогут занять позиции на следующий день. Во время подобных разведывательных вылазок мне приходилось сопровождать комбата, который считал меня опытным и отважным солдатом, на которого он мог положиться. Таким образом, я, по сути, выполнял функцию телохранителя Клосса.

Будучи регулярным офицером, Клосс обучался верховой езде еще во время своей подготовки. Поэтому во время своих ежедневных дальних разведок он передвигался по пересеченной местности верхом на лошади, тем более что это позволяло ему не

привлекать к себе внимание ревом мотора. Соответственно мне также пришлось сесть на одну из крепких тягловых степных лошадей, которых Вермахт активно использовал для транспортировки обеспечения частей, начиная с 1943 года. В отличие от своего командира, я не имел опыта верховой езды, если, конечно, не считать игрушечной лошадки, которая была у меня в детстве. И неудивительно, что я испытывал смешанные чувства, садясь на лошадь, которая к тому же была без седла. Однако дальнейшее развитие событий превзошло даже худшие мои ожидания.

Чтобы удержаться на коне, мне пришлось, как обезьяне, вытянуться вдоль спины животного, отчаянно сжимая ноги. Но, несмотря на это, когда лошадь поскакала, я начал ежеминутно подпрыгивать на ней, словно резиновый мячик. Боковым зрением я заметил ехидный, насмешливый огонек в глазах Клосса, дожидавшегося, когда я свалюсь. Но я был не из слабаков и не собирался демонстрировать свое поражение. Я продолжал отчаянно цепляться за лошадь и продержался на ней, пока не окончилась скачка, длившаяся около часа.

Однако после разведки новых позиций я взмолился, чтобы командир оставил меня охранять тыл. Я не мог снова сесть на лошадь. Г рубая ткань униформы за время скачки стерла в кровь мой зад. Едва остатки части прибыли на новое место, я поспешил к батальонному врачу и попросил его, чтобы тот помог мне в этом деликатном случае, не распространяясь среди других о моем недомогании. Врач дал мне жестяную банку с кремом «Пенатен», который облегчил мои страдания. Но несколько последующих дней я все равно не мог сесть на лошадь. Клосс ухмылялся, но все-таки попытался изобразить сочувствие на своем лице. Заботясь обо мне, он даже стал выезжать на последующие разведывательные вылазки не на лошади, а на мотоцикле марки «БМВ» с коляской. Клосс занимал коляску, а мне приходилось сидеть на заднем сиденье позади водителя. При этом я был вынужден во время таких поездок оставлять свою снайперскую винтовку у товарищей, поскольку еще при скачке на лошади карабин беспрестанно ударялся о мою спину, оставляя множество синяков. Вместо него я брал с собой пистолет-пулемет MP40.

Во время одной из вылазок, с грохотом мчась вдоль дороги, мы встретили пехотную боевую группу, которая также отступала и следовала вместе с двумя штурмовыми орудиями, которые были еще пригодны для боев. Переговорив с офицерами, Клосс узнал, что немецкий патруль столкнулся по пути с русским танком, стоявшим у дороги. Это означало, что нам следует двигаться дальше с особой осторожностью.

Окончив разговаривать с офицерами через несколько минут, Клосс снова уселся в коляску, и мы понеслись вперед. Однако едва мы успели проехать мимо шедшего впереди штурмового орудия, оно неожиданно остановилось и выстрелило. Мотоцикл в этот момент находился едва ли в двух метрах от его ствола. Мне показалось, что у меня в голове взорвалась бомба. Ослепленный вспышкой, вырвавшейся из дула, я свалился с мотоцикла и упал в придорожные кусты. На несколько мгновений я потерял сознание. Когда я пришел в себя, то понял, что лежу на траве. Казалось, каждая кость моего тела болела, в голове звенело, а в ушах свистело. Прямо передо мной водитель мотоцикла покатывался со смеху, словно контуженый, а Клосс сидел в коляске и с глупым видом смотрел на нас. Мы по-прежнему пребывали в шоке и не могли сдвинуться с места, когда вокруг нас разгорелся короткий бой с русскими передовыми частями. Враг вскоре был отброшен назад, к стрелкам всего через несколько минут пришла подмога. Однако прошло не меньше получаса, прежде чем Клосс, я и водитель снова оказались в состоянии продолжить свой путь. А свист в моих ушах не проходил в течение еще нескольких последующих дней.

Однако снова сесть на лошадь меня вынудил вовсе не этот эпизод, а общая ситуация на фронте. К 1944 году обеспечение немецкой армии во многом зависело от сотен тысяч лошадей, которых Вермахт начал использовать в том числе и для поддержания хоть какой-то мобильности войск, когда другие транспортные средства оказались недееспособными. Нехватка бензина, значительные потери и недостаточная стандартизация запасных частей привели к тому, что количество транспортных средств, остававшихся на ходу, неуклонно сокращалось. В частности, пехотные части в большинстве случае оставались совершенно без единой автомашины. И, таким образом, тягловые лошади стали единственным транспортным средством, позволявшим осуществлять обеспечение немецкой армии.

Оказавшись вынужденным снова сесть на коня, я обратился за советами к своему товарищу, который до попадания на фронт был фермером и хорошо разбирался в лошадях. Попрактиковавшись около недели, я стал держаться на коне настолько хорошо, что дальнейшие «кавалерийские» вылазки уже проходили без каких-либо неприятных последствий.

Вскоре после этого в батальон прибыл грузовик с небольшим пополнением и некоторым количеством столь необходимых боеприпасов. Я получил записку от сержанта, заведующего вооружением и оснащением батальона, о том, что у него есть важная новость для меня, узнать о которой я должен, явившись к

сержанту. Придя к нему, я увидел десять новеньких самозарядных винтовок «Вальтер-43» и три небольших коробки, окрашенных зеленой краской, с оптическими прицелами ZF41. Сержант получил письменные распоряжения от заведующего оружейным складом батальона установить оптические прицелы на три наиболее точно бьющих новых винтовки и нанести на крепление каждого прицела их серийные номера. Зная о том, что я сталкивался с такими винтовками и оптическими прицелами на своих снайперских курсах, сержант попросил меня о помощи в проверке винтовок и выборе из них трех лучших. Это заняло у меня не слишком много времени. Но когда мне была предложена одна из трех новых винтовок, я отказался, поскольку прицел ZF41 уступал тому, что был установлен на моем карабине К98к в яркости, оптической ясности и дальности обзора. Тем не менее я попросил сержанта, чтобы он придержал для меня одну из винтовок, поскольку я знал ее тактические преимущества в ряде боевых ситуаций. Двое аттестованных снайперов получили две оставшиеся винтовки. Правда, маркировка креплений прицелов серийными номерами винтовок оказалась довольно сложной, поскольку сталь, из которой они были изготовлены, была столь прочной, что нанесенные на них номера едва читались.

После тяжелого ночного марша стрелки рано утром заняли новые позиции и начали рыть окопы. Русские преследовали нас по пятам, и мы ожидали появления русских патрулей в любой момент. Я сопровождал капитана Клосса при последнем неформальном осмотре оборонительных сооружений. Неожиданно одиночный выстрел разорвал рассветную тишину и поразил одного из пулеметчиков, чья позиция находилась в пяти метрах перед нами. Пригнув головы, я и Клосс поспешили к окопу пулеметчиков. В нем мы увидели стрелка, который сидел, держа в руке свою кепку, с которой была сорвана пулей кокарда с изображением эдельвейса. Зепп мгновенно понял: это было работой русского снайпера. Пехотинец, находившийся на фронте всего несколько дней, увидев командира, тут же захотел доложить, откуда на него обрушился выстрел. Прежде чем я успел остановить его, он снова приподнялся над краем окопа. Однако я повалился на него, прежде чем новобранец успел произнести первое слово. В тот же миг русский выстрелил снова и поразил верхнюю часть головы поваленного на землю стрелка. Пуля отколола кусок его черепа с левой стороны, и окоп забрызгала кровь.

Но, несмотря на серьезность ранения, стрелок не потерял сознания. Я и второй пулеметчик вытащили медпакет из кармана раненого и перебинтовали его. Затем Клосс забрал его с собой на

батальонный пункт медицинской помощи. По пути боец, заикаясь, спрашивал:

— Что случилось? Кто выстрелил в меня? Я ранен? — он вдруг посмотрел на Клосса широко открытыми глазами и спросил: — Папа, ты теперь заберешь меня домой? Мама, должно быть, ждет нас!

Клосса при этих словах пронзила дрожь, но он ответил:

— Не беспокойся, парень. Ты просто упал. Мы сейчас отправимся домой, и все будет хорошо.

Я оставался на позиции пулеметчиков. Известие о том, что поблизости находится русский снайпер, словно лесной пожар, распространялось по позициям стрелков. Все они были начеку. И каждый смотрел на меня, как на человека, который решит проблему. Снайперы всегда подвергались давлению подобного рода. В частности, офицеры всегда ожидали от них бесстрашного и успешного выполнения любой задачи, которую они перед ними ставили, даже если она была невыполнимой. Когда снайпер справлялся с заданием, это воспринималось просто как выполнение им своей работы. Но если же ему не удавалось достичь результата, это зачастую оценивалось как малодушие или непрофессионализм. Однако снайпер не может постоянно совершать чудеса, особенно сталкиваясь с вражеским снайпером. Но я все-таки был везунчиком. Хотя я и сталкивался с подобным давлением со стороны товарищей, но мои командиры всегда проявляли понимание ко мне, что было необычайно редким явлением на фронте.

Всегда, если это оказывалось возможным, я сооружал себе хорошо замаскированные наблюдательные позиции, когда моя часть перемещалась на новый рубеж. И как только на замену раненому прибыл еще один пулеметчик, я тут же переместился на одну из таких заранее подготовленных мной позиций. Находясь на ней, я надеялся выследить советского снайпера. Но мой противник был хитрым чертом, поскольку он вдруг просто исчез. Весь день прошел в напряженном ожидании, но больше ничего не случилось. Вечером стрелки в который раз оставили свои позиции, как только пули, выпущенные из русских пулеметов, полетели через нейтральную территорию.

Через несколько дней горные стрелки добрались до заросшей лесом долины реки Марос. Каждодневные разведывательные вылазки Клосса, посвященные поиску следующих оборонительных позиций, закончились. Я шагал вперед в окружении товарищей. Все они страдали от хронической усталости и шли, словно в трансе. Только караульные отряды оставались начеку. Авангард из пяти бойцов двигался в пятидесяти метрах от меня и моих

товарищей. Вдруг глухой звук взрыва вывел стрелков из их сомнамбулического состояния. Каждый из них тут же пришел в себя и пополз к укрытию. Я сразу понял, что мы не попали в засаду, а просто один из стрелков наткнулся на мину. Мое предупреждение быстро распространилось среди уцелевших бойцов, и каждый из них начал ползти вперед со всей возможной осторожностью. Поскольку я находился рядом с авангардом части, я устремился к раненому бойцу вместе с санитаром.

В свете фонарика лицо умирающего бойца казалось белым как мел. С его губ не слетало ни единого звука, а его глаза уже затуманенно смотрели в бескрайнее небо. Первая мина оторвала нижнюю часть его левой ноги, а когда этот боец рухнул спиной на землю, сдетонировала вторая мина, разорвавшая его спину и бедра. Окровавленные части его тела дрожали, словно желе. Из его разорванных артерий били небольшие фонтаны крови. Из ран торчали осколки костей. Когда я и санитар оказались рядом с ним, смертельно раненный стрелок вздохнул, в последний раз дернулся в конвульсиях и умер.

На этой войне больше не было места ритуалам. Погибший солдат был всего лишь трупом, и мы оставили его там, где он умер. Санитар лишь снял с мертвеца его опознавательный знак. Остатки части тем временем выстроились в единую колонну позади двух бойцов, которые осторожно позли на четвереньках и рассматривали поверхность в поисках новых мин. Позднее выяснилось, что немецкие стрелки зашли на минное поле, сооруженное отступающими венгерскими частями, чтобы прикрыть их собственное отступление. Нашему батальону потребовалось более пяти часов, чтобы преодолеть несколько сотен метров через это минное поле, при этом каждый боец старался идти след в след за прошедшими впереди него. В результате нам удалось избежать новых потерь.

По счастью, подобные попадания на минные поля были крайне редки. С началом непрекращающегося немецкого отступления, в основном именно бойцы Вермахта создавали позади себя минные поля, чтобы задержать преследовавших их русских, в то время как у стремительно продвигавшихся советских войск редко возникала необходимость обезопасить свои позиции подобным образом.

Однако происшедший инцидент вывел стрелков из апатии. После этого они внимательно следили за тем, чтобы снова не наткнуться на мины. Достигнув своих новых позиций, мы заметили, что на одном из участков, заросших кустарниками, виднелись земляные насыпи, свидетельствовавшие о том, что под ними что-то зарыто. Мы знали, что в этом районе размещался

венгерский полк, и, предположив худшее, стрелки обтянули лентой подозрительный участок, чтобы туда не сунулись остальные бойцы батальона, следовавшие за нами. Но поскольку данный участок не мог быть исключен из оборонительных позиций, было решено частично расчистить его. Под руководством бойцов из авангарда были собраны команды из солдат, которые должны были разминировать участок. Они подползли на четвереньках и начали ощупывать насыпи пальцами и остриями штыков. Неожиданно несколько стрелков взвыли от отвращения. Предполагаемые мины оказались кусками дерьма. Они обтянули лентой не минное поле, а отхожее место!

Дивизия едва успела достигнуть своих новых передовых позиций у населенного пункта Деда в Венгрии, когда враг начал мощное, неослабевающее и согласованное наступление на позиции стрелков, продолжавшееся с 24 сентября до 8 октября. Эти ожесточенные бои приводили к огромным потерям, но горным стрелкам удавалось долгое время отбивать атаки и удерживать свои позиции. Однако советские войска в конце концов сумели прорваться на южном участке 3-й горнострелковой дивизии. Цельность немецкой передовой снова оказалась под угрозой, и дивизии пришлось оставить свои позиции, на оборону которых было положено так много жизней. Стрелки отходили к новой линии обороны вдоль реки Тиса.

Ситуацию усложнял тот факт, что венгры больше не были надежными союзниками. Их политические фракции оказались парализованными, а ряд армейских частей перешли на сторону русских, хотя остальные части оставались преданными немцам. Решительная слабость немецкого фронта при этих обстоятельствах была очевидна. С этих пор я и мои товарищи стали встречать на своем пути колонны беженцев из числа гражданского населения, отступавших вместе с частями Вермахта. Среди беженцев были не только люди немецкого происхождения, но также много венгров, находившихся в оппозиции к коммунизму.

Теперь война стала еще более тяжелой для психики бойцов. Гражданское население из этих колонн очень часто оказывалось в эпицентре боев. Немецкие пехотинцы никак не могли им помочь и были вынуждены бессильно смотреть на их страдания и гибель. Видя это, солдаты Вермахта переставали верить в свой долг. Бои свелись для них к простой борьбе за выживание.

На широких венгерских равнинах численно превосходящие немцев русские бронетанковые части развили свое наступление. Для сохранения связи, основными силами отступающей немецкой армии, боевой группе Вохлера, к которой принадлежала и 3-я

горнострелковая дивизия, пришлось пробиваться через позиции русских к городу Ньиредьхаза. Разгорались кровопролитные бои, в ходе которых безжалостно уничтожались колонны беженцев. Поскольку переход Венгрии на сторону антигитлеровской коалиции осуществлялся медленно и вынужденно, вторгшиеся в страну русские бойцы не воспринимали венгров как союзников и действовали, как завоеватели. Это порождало у местного населения и отступающих немцев горькие предчувствия того, каким будет их предстоящее поражение. Было много случаев невероятной жестокости русских солдат по отношению к гражданскому населению. А трупы жестоко замученных немецких солдат стали обычным зрелищем.

Глава четырнадцатая. ЧАС СНАЙПЕРА

Мы вышли к небольшой деревеньке около Ньиредьхазы. Русские танки, занимавшие ее, уже ушли вперед. Теперь в деревне занимала позиции лишь одна пехотная рота. При приближении горных стрелков завязался жестокий, но короткий бой, который отчаянно сражавшиеся немецкие пехотинцы быстро выиграли. Понеся тяжелые потери, остатки русской роты отступили. Осторожно занимая деревню, стрелки обнаружили, что ее жители спрятались в подвалах своих домов. Когда эти люди поняли, что советские войска выбиты из деревни, они стали выбираться наружу и, громко стеная, подходили к немцам. Обыскивая дома, немцы начали понимать причины такого поведения венгров. Они находили изнасилованных женщин и девушек, а также застреленных или заколотых штыками их родственников, пытавшихся остановить насильников.

Я и двое моих товарищей наткнулись на обезумевшего от горя старика, который указывал нам на вход в погреб. Мы предположили, что там, должно быть, спрятались солдаты врага, и тут же ползком устремились туда. Заняв позиции у входа, мы закричали предполагаемым врагам, чтобы они сдавались. Призыв повторялся несколько раз, но никакой реакции на него не последовало. Тогда один из нас снял с пояса ручную гранату и уже собирался бросить ее через открытую дверь. Но тут старик подбежал и остановил его. Что-то пронзительно крича на венгерском и отчаянно жестикулируя, он подталкивал пехотинца войти в погреб. Едва оказавшись там, немецкий солдат тут же выскочил назад. Его лицо позеленело. Прислонившись к стене, он начал блевать. Я и второй мой товарищ, видя такое, вошли в погреб и сразу начали осматриваться, не продвигаясь вглубь. От увиденного у нас перехватило дыхание. В погребе лежала женщина, находившаяся на последних месяцах беременности. Ее живот был разрезан, пока она была еще живой, а младенец вырван из него. Женщина умерла от потери крови. А младенец, который выглядел почти полностью развившимся, был приколот штыком к стропилу. Я вместе с товарищем сняли убитого ребенка, завернули в плащ-палатку вместе с его матерью и закопали их в саду.

Через два дня полк продвинулся к городку Ньиредьхаза, так что тот оказался в зоне досягаемости нашего огня. Пока 2-й батальон дожидался приказа к началу атаки, я решил

использовать это время для изучения окружающей территории. Поспав несколько часов, я растворился в скрывавшей меня от глаз врага предрассветной тьме. Вскоре я был уже возле первых пригородных домов. Я осторожно полз через сады и руины разрушенных зданий. Пригород выглядел необитаемым, хотя стрелкам было сказано, что он занят русскими. Между тем уже вставало солнце, и мне нужно было подыскать себе хорошо замаскированный наблюдательный пункт. Перескакивая от одного прикрытия к другому, я вдруг услышал, что в моем направлении движутся машины. Было около половины восьмого утра. Мне пора было уже находиться в пути к позициям батальона. Но я не мог заставить себя перестать думать о том, что я вынужден вернуться из разведки ни с чем. Все еще надеясь обнаружить что-нибудь важное, я забрался на кучу обломков и спрятался под коньком крыши разрушенного дома. Бесшумно я расчистил пространство, чтобы иметь широкий обзор перед собой.

Внизу передо мной лежала улица из разграбленных домов и ресторан. Небольшой грузовик и три американских джипа марки «Виллис» с советскими звездами на капотах выехали из-за угла и остановились перед рестораном. Солдаты выпрыгнули из своих машины, раздались громкие приказы, после чего русские бойцы разделились на небольшие группы и устремились в дома.

Я чувствовал, как внутри меня нарастает страх, но русские не проявили никакого интереса к моей куче обломков, а сосредоточили свое внимание на тех из оставленных зданий, которые были более-менее неповрежденными. Русские начали мародерствовать, и вскоре вокруг их машин собралось множество разнообразных вещей, которые могли облегчить солдатскую жизнь: банки с фруктами, овощами и мясом, граммофон вместе с пластинками, подсвечники, пестрые картинки, бутылки с алкоголем. Поскольку еда, алкоголь и ценные вещи попадались солдатам вовсе не в том количестве, в каком они хотели, их настроение становилось все более агрессивным, и они начали крушить все не нужное им, что попадалось в домах. Из окон вылетали обломки мебели, а за ними книги и одежда. Между тем офицер, руководивший остальными, в конце концов решил заняться наиболее лакомой целью — рестораном. Я услышал громкие голоса, раздавшиеся внутри здания. За ними последовал звон стекла и треск ломающейся мебели. После этого вдруг раздалась автоматная очередь. Через открытую дверь ресторана до меня донеслись громкие приказы и тревожные крики. Русские нашли владельца ресторана и его жену, прятавшихся там. Несчастных пинками вытолкнули на улицу.

Я определил, что владельцу ресторана на вид было уже под шестьдесят, а его жена выглядела на двадцать лет моложе. Удивление и испуг отчетливее проступили на их лицах, когда они увидели других русских, которые, постреливая, возвращались к машинам. Я насчитал их двадцать три. Они громко спорили о чем-то. Речь, очевидно, шла о женщине. Владелец ресторана вдруг понял, что должно случиться, и бросился на ближайшего к нему солдата. Но венгр был тут же сбит с ног ударом винтовочного приклада в спину. Двое солдат подтащили его к фонарному столбу и привязали к нему его шею и руки. Остальные русские бойцы тем временем уложили кричащую женщину на капот первого джипа. Один держал ее руки, а другие развели ее ноги. Их командир, который был старшим лейтенантом, воспользовался своим правом первенства. Он вытащил нож из голенища своего сапога и, отпустив несколько пошлых шуточек, которые вызвали среди остальных солдат ужасный хохот, разрезал и сорвал трусы с венгерки. После этого он спустил штаны и под гогот своих товарищей стал насиловать ее, неистово двигая своей задницей.

Из своего укрытия, которое находилось всего в тридцати метрах от русских, я смотрел на происходящее со странной смесью волнения и отвращения. Но эти чувства вскоре сменились ненавистью и бессильной яростью при виде того, что случилось дальше. Русские один за другим по порядку, согласному их ранжиру, продолжали насиловать беспомощную женщину, которая неподвижно лежала на капоте. Их молочно-мутная сперма стекала по ее ногам и капала на землю, сползая с капота. А ее связанный муж был обречен бессильно смотреть на это, оставаясь безмолвным. Но в его глазах играли зловещие, животные огоньки. Ушло около часа, прежде чем все двадцать три русских получили свое. Я не мог ничего сделать. Я находился слишком близко и не имел возможности сменить позицию или отойти так, чтобы не быть замеченным. Взглянув на свои часы, я вдруг понял: «Дивизия должна была начать атаку в 9.00. А уже десять минут десятого». Это означало, что мои товарищи уже движутся в район наступления. Мне нужно было только дождаться, когда они подберутся ближе. Тогда я смогу соединиться с ними, когда они будут проходить здесь и, таким образом, избегу риска оказаться подстреленным бойцами из моей собственной части.

Артиллерийский огонь, к счастью, обрушился на другую часть города. Что удивительно, этот удаленный огонь не особенно встревожил русских. Почти спокойно они грузили награбленное в свои машины. А поруганная женщина все еще лежала без

сознания на капоте джипа. Но кровь моя буквально вскипела от того, что произошло дальше. Несколько русских снова столпилось вокруг женщины. Они опять о чем-то спорили. Потом двое из них подхватили ноги женщины и развели их, в то время как третий вытащил из кобуры сигнальный пистолет, зарядил его и засунул ствол женщине между ног. Со стоном она пришла в себя за мгновение до того, как он нажал на спусковой крючок. Красная сигнальная ракета со свистом вошла в ее тело и запылала. Я никогда прежде в своей жизни не слышал такого воя, какой вырывался из горла женщины, когда жидкая красная огненная лава полилась из ее влагалища. Обезумев от боли, она скатилась с капота и начала корчиться на земле, воя и дрожа. Я был парализован ужасом, но русским солдатам, казалось, нравилось такое зрелище.

В это мгновение я увидел первого из своих товарищей, ползущего через руины примерно в двухстах метрах от меня. «Если я сейчас открою огонь по русским, — подумал я, — я, скорее всего, смогу продержаться, пока не подойдет остальной батальон». Через несколько секунд первая из моих пуль нашла себе жертву среди кровожадных советских бойцов. Но они оказались опытными солдатами. Едва я успел поразить из своей винтовки двоих из них, как все остальные уже попрятались в укрытия и открыли оттуда ответный огонь с разрушительной точностью. Мне пришлось вжаться в обломки, чтобы избежать поражения градом их пуль. Тем не менее я достиг своей цели. Мои товарищи стремительно продвигались к месту, откуда доносились выстрелы. И через несколько минут вокруг меня разгорелась жестокая перестрелка.

Каким-то чудом венгр, привязанный к фонарному столбу, пережил град пуль, оставшись даже не раненым. Когда стрелки освободили его, он уставился на свою мертвую жену и на погибших русских с маниакальным блеском в глазах. Казалось, он не воспринимал окружающее и стоял, пристально глядя в одну точку. Его руки безвольно свисали. Но в конце концов взгляд венгра остановился на одном из русских, который был лишь ранен. Венгр нечеловечески вскрикнул и очнулся от сковавшего его паралича. Он бросился в ресторан, а через несколько секунд появился с большим тесаком для разделки мяса в руках и обрушился на дрожавшее и корчившееся тело насильника в порыве неутихающей ярости. Кровь забрызгала венгра с головы до ног, но он не останавливался, пока не разрезал тело русского на кусочки. После этого владелец ресторана отбросил свой тесак и устремился к трупу жены. Упав на колени, он прижимал ее тело к своей груди. Не произнося ни слова и содрогаясь от рыданий,

он конвульсивно раскачивался взад и вперед. Ни один из стрелков не решился подойти к нему. Они исчезли так тихо, как только могли, и оставили владельца ресторана наедине с его горем.

3 ноября 1944 года дивизия, наконец, пересекла Тису и заняла позиции на новой линии фронта. Вскоре после этого начались сильные дожди. Тиса была переполнена, и русские теперь не могли преследовать нас, двигаясь за стрелками по пятам, как это было раньше. На этот раз плохая погода играла на руку немцам. Однако ресурсы Вермахта были уже настолько истощены, что эффективное продолжительное сопротивление было невозможным. Как результат, к середине ноября дивизия отступила к индустриальному городу Мискольк.

После того, как бои бушевали на венгерской земле несколько недель, нестабильность политического и военного положения страны стала постоянно нарастать. Капитуляция и переход на сторону русских целых венгерских полков привели к огромным разрывам в линии фронта, которые нельзя было заткнуть доступными немецкими частями. Сложилась крайне опасная ситуация. Сражаясь у города Мискольк, немцы не могли предвидеть, что такое огромное количество венгерских частей дезертирует. Стратегическая ситуация изменялась поминутно, ставя под угрозу каждый предложенный план обороны. Командирам приходилось руководить своими частями, находясь на передовой. Только это позволяло им незамедлительно реагировать на возникновение непредвиденных ситуаций.

Погодные условия также были убийственными. Температура колебалась от минус десяти до нуля градусов Цельсия. Дождь и снег сменяли друг друга, не прекращаясь. Немецкие стрелки ощущали себя промокшими насквозь и промерзшими. Меня и моих товарищей не спасало даже то, что наши позиции были окружены болотами, полными воды. Семь русских дивизий и механизированный корпус давили на 3-ю горнострелковую дивизию, которая не могла противостоять нашему наступлению при таких обстоятельствах. Дивизии пришлось отступить в город и окопаться среди домов. Занимая эти относительно защищенные позиции, стрелки некоторое время успешно отбивали русские атаки. Но советским войскам удалось прорваться в город со сторон левой и правой его окраин. Вопреки урокам катастрофы, происшедшей в Сталинграде, ОКХ все еще придерживалось инструкций Гитлера о том, что так называемые «города-крепости» должны удерживаться любой ценой. Однако с тех пор, как Вермахт оказался неспособен осуществлять снабжение подобных «крепостей», приказ удерживать такие позиции стал неизменно

означать уничтожение той части, на плечи которой легла данная миссия. Страх получения такого приказа висел над командирами частей как Дамоклов меч.

Немецкие стрелки обороняли Мискольк в течение нескольких дней. Основной моей обязанностью в этот период была оборона штаба батальона, который теперь размещался на передовой. Русские минометы и артиллерия вели огонь с поразительной точностью. Снова и снова мины со свистом падали на землю, и каждому приходилось тут же прыгать в укрытие. В конечном счете я нырнул в траншею на долю секунды позже, чем это следовало сделать, и мина, выпущенная из миномета, взорвалась рядом со мной с разрывающим уши грохотом. Раскаленные металлические осколки зажужжали около меня. Ныряя в укрытие, я был уверен, что ощутил на своем лице дыхание смерти. Сделанный мной в это мгновение легкий поворот головы спас мою жизнь. Осколок шрапнели разорвал кожу на моей голове справа ото лба, хотя должен был пробить мой череп. Но я все равно ощутил при этом, будто меня с размаху ударили дубиной, и головою вперед рухнул в траншею. Я лежал в ней ошеломленный в течение нескольких минут. Немного придя в себя, я выполз из окопа, залитый кровью, не зная, насколько серьезна моя рана.

Я позвал санитара голосом, надломленным от испуга. Мне повезло гораздо больше, чем тысячам раненых бойцов: помощь подоспела ко мне быстро. Медик опытным взглядом обследовал мою рану и успокоил меня. Это было лишь неглубокое ранение тканей, а череп был цел и лишь оцарапан. Однако ноги не слушались меня после перенесенного шока, и мне пришлось опираться на санитара, когда мы двигались к пункту медицинской помощи. На этот раз была моя очередь получить помощь раньше других. Помощник врача очистил рану, а затем, сдвинув края тканей вместе и, не тратя время на анестезию; сшил их с помощью иголки, после чего обработал рану и перевязал ее. Мне было сказано явиться для продолжения исполнения своих обязанностей после отдыха продолжительностью в один час. Таким образом, я получил уже свое третье ранение. 27 октября я получил серебряный знак «За ранение», награду, вручение которой зачастую оставляло горький привкус в душе. В моем случае все три ранения не были серьезными, но десятки тысяч других бойцов заплатили за этот кусок белого металла увечьями и болями, преследовавшими их до конца жизни.

В ходе этих боев потери офицеров и сержантского состава достигли угрожающих пропорций. А поскольку пополнений не поступало, то командирами рот назначались сержанты, в то время

как батальонами руководили капитаны. Клосс, на днях произведенный в майоры, должен был принять на себя командование целым полком.

10 ноября Клосс вызвал своих командиров батальонов на совещание на свой командный пункт, размещавшийся в изящном особняке венгерского промышленника. Организация телефонной связи в хаосе постоянно менявшихся передовых и подвижности командных пунктов была невозможна. Связь со штабом дивизии осуществлялась по радио. Однако и это было проблематичным, поскольку русские пользовались каждой возможностью определить место нахождения немецких радиостанций и уничтожить их артиллерийскими ударами. После совещания Клосс намеревался осмотреть передовые позиции, поэтому он также послал за мной. Я ощущал себя вполне комфортно, сидя в углу огромного зала и разглядывая офицеров, склонившихся над картами. Снаружи русские снаряды падали на очевидно безопасном расстоянии. Хотя, когда один из снарядов взорвался немного ближе, один из офицеров тут же нагнул голову. Но, конечно, каждодневная рутина войны несколько притупила в каждом из них страх перед грохотом взрывов. Между тем стоявший перед особняком полковой радиофургон пытался получить информацию из дивизионного штаба.

То ли благодаря удаче наводчика, то ли благодаря уверенной руке талантливого артиллериста следующий русский снаряд совершил прямое попадание в радиофургон. От взрыва разлетелись последние окна особняка, с потолка посыпалась штукатурка, по залу зажужжали осколки. Каждый тут же бросился на пол. Клосс же в момент взрыва стоял спиной к окну. Он рухнул на колени, его каска стала съезжать ему на лоб, его глаза едва не выскочили из орбит. Я тут же понял, что Клосс поражен осколком. В воздухе еще стояла пыль, а я уже подпрыгнул к своему командиру. Клосс лежал лицом вниз, и за его правым ухом в черепе зияла дыра размером с монету в пять марок. Из раны, пузырясь, через покрытую пылью шею Клосса стекала тонкая струйка крови, уходившая ему под воротник. Перевернув командира на спину, я понял, что смотрю в его опустевшие, расширившиеся от ужаса глаза. Я осторожно закрыл глаза Клоссу. С его смертью я потерял не только своего благодетеля и ангела-хранителя, но также бесценного товарища. Но не было смысла зацикливаться на бессмысленности его смерти. Мы тут же похоронили его в саду без каких-либо надгробных речей. Все что осталось от Клосса — это установленный на могиле наспех сооруженный из двух колов деревянный крест, на котором тяжело висела его каска, подведшая своего хозяина именно в тот момент,

когда она была больше всего нужна.

Со смертью Клосса я должен был вернуться в свою роту. Теперь я терял доступ к более комфортным условиям, доступным для тех, кто относился к штабу батальона. Командир роты, конечно, был рад заполучить столь хорошего снайпера и передавал меня батальону только для выполнения специальных заданий. Но если подобное случалось, я радовался. Дело в том, что перед отправкой в штаб батальона я получал паек в своей роте, а по прибытии к месту назначения я утверждал, что не получил паек и, таким образом, получал еще одну норму продуктов. В довершение всего туда и обратно я обычно добирался на фургоне с войсковым обеспечением, двигавшимся от части к части в ночное время, и если мне удавалось сойтись на короткую ногу с водителем, тот всегда давал мне еще какие-нибудь деликатесы.

1 декабря 3-я горнострелковая дивизия в конечном итоге оставила Мискольк и отступила к Словацким горам. Весь Восточный фронт к тому времени пребывал в состоянии стремительного обвала. Вермахт сражался фактически без фронтов. Помимо мощной волны наступления Красной Армии, которое уже нельзя было остановить, на немецких бойцов всюду обрушивались партизаны и национальные восстания.

Стратегическое планирование стало невозможным. Каждая часть сражалась, просто чтобы спасти свою шкуру, не угодить в руки русских и пробиться на территорию рейха. Партизаны, атаковавшие немцев со стороны тыла, создавали в войсках особенное напряжение. Сила партизанского движения к этому времени значительно увеличилась благодаря объединению разрозненных партизанских групп в организованные военные формирования, которыми руководили русские офицеры. Они к тому же были хорошо вооружены захваченным у немцев и тайно переправленным русским оружием. Действия партизан были стратегически согласованы, каждая их группа действовала в строго установленном регионе. Таким образом, они поддерживали советское наступление и одновременно сами пользовались выгодами ситуации, складывающейся при его продвижении. Некоторые партизанские части по своей мощи доходили до батальонов.

К концу января 144-й полк уже отступил к Великой долине между Словацкими горами и Низкими Татрами, где немногочисленные остатки 6-й армии пытались остановить русское наступление последней стратегической перегруппировкой. Мой полк переместился в долину реки Ваг между горным массивом Вёлька Фатра и Низкими Татрами

неподалеку от города Ружомберок, где, к крайнему удивлению бойцов, он получил небольшие пополнения. Среди новичков оказалось и двое снайперов, молодых парней, которые были направлены на фронт сразу после прохождения базовой подготовки и снайперских курсов. За время подготовки этим ребятам настолько промыли мозги нацистской идеологией, что они буквально жаждали ринуться в бой, чтобы остановить «большевицкий штурм» и пожать «кровавый урожай» огнем из своих снайперских винтовок. Один из них был определен в мой батальон.

Частота и ожесточенность партизанских атак нарастали постоянно, вовлекая полк в беспорядочные бои, где разница между бойцами и гражданским населением становилась предельно размытой. Это способствовало дальнейшему росту жестокости на этой войне. Немецкие солдаты, попадавшие в руки партизан, зачастую подвергались плохому обращению и замучивались до смерти. Стрелки мстили, не беря пленных во время боев с партизанами. Но особенно демо-рализовывали немцев нападения на их машины с войсковым обеспечением, что приводило к потере отчаянно необходимого бойцам провианта, оружия и боеприпасов, которые либо уничтожались, либо попадали в руки партизан, еще больше увеличивая боевой потенциал последних. Было ясно, что машины с войсковым обеспечением нуждаются в особой охране.

Одной из первых задач, поставленных перед новым снайпером, поступившим в нашу часть, было сопровождение пяти машин с амуницией и боеприпасами для батальона. Около оставленной жителями деревни мы оказались атакованными небольшой группой партизан. Завязалась жестокая перестрелка, в ходе которой атакующие были отброшены обратно к деревне, где они заняли оборонительные позиции в домах. Придя в себя от первого шока, молодой снайпер проявил себя решительным и умелым бойцом. Он поразил нескольких партизан прямо на их позициях. Немецкие пехотинцы в итоге уничтожили врага, но несколько партизан сумели спастись бегством. Осматривая дома, мы обнаружили, что среди тех, в кого попали наши пули, были женщины. При этом не было ясно, относились ли они к гражданскому населению, поскольку партизаны не носили униформы или каких-либо других опознавательных знаков, а их оружие могли забрать те, кому удалось спастись бегством.

Через два дня новому снайперу пришлось отражать новую партизанскую атаку из засады около небольшой лесопилки. В ходе последующей перестрелки он был отрезан от своих и был зажат врагом на позиции, с которой он не мог спастись бегством.

Партизанская группа была столь сильна, что стрелки были вынуждены отступить. Глядя назад, они увидели, как снайпер поднял свою винтовку над головой, показывая противнику, что он сдается. Партизаны обступили его и стали бить кулаками и ногами. Стрелки вернулись в расположение своей части так быстро, как только могли. Едва они доложили командиру роты о случившемся, тут же был отдан приказ нанести незамедлительный контрудар, чтобы попытаться спасти попавшего в плен снайпера.

Всего час спустя я в числе отряда из двадцати пехотинцев достиг лесопилки. Мы поняли, что партизаны все еще там. Незамеченные стрелки заняли позиции в пятидесяти метрах от противника, и я открыл огонь, уничтожая караульных. Партизаны тут же открыли свирепый огонь и ожесточенно оборонялись, прежде чем поняли, что столкнулись с опытным и превосходящим противником. Тогда они отступили в соседний лес. Большая часть стрелков стала преследовать их. А я вместе с тремя товарищами устремился на лесопилку.

Мы осторожно пробирались по полутемному строению, слыша непрекращающийся жужжащий шум. Зайдя в конце концов в помещение, где стояла пилорама, один из стрелков выскочил оттуда через минуту или две с побелевшим лицом. Он не мог говорить и лишь, заикаясь, повторял: «Там, там, там», — указывая на проход, из которого он только что вылетел. С оружием наготове я и двое моих товарищей устремились в полумрак и поняли, что источником жужжащего звука была включенная пила пилорамы. Как только наши глаза медленно привыкли к темноте, перед нами предстала ужасающая картина, от которой по спине побежали бы мурашки даже у самых бывалых солдат.

На столе пилорамы лежало безжизненное тело молодого снайпера. Диск пилы все еще продолжал вращаться в его животе, дойдя уже ему до пупка. Возле стола лежали отпиленные руки и ноги парня, изрезанные на кусочки. Чтобы пленный не умер слишком быстро от потери крови, партизаны перетягивали жгутами его конечности перед тем, как отпилить их. Вся лесопилка была забрызгана кровью и кусками тканей. Дико оглядев эту сцену вопиющей жестокости, мы вырвались из здания и устремились на помощь своим товарищам. Но тут же убедились, что бой уже выигран. Только один из партизан уцелел и бежал на расстоянии 350 метров от нас к еще одному участку леса, чтобы скрыться в нем. Я опустился на колени и, выставив вперед правую ногу, стал целиться с колена. Я сделал два, а затем еще три глубоких вдоха и выдоха, сконцентрировался и нажал на спусковой крючок. Прошла доля секунды, и убегающий партизан

судорожно взмахнул руками и рухнул на землю. Пока один из отважных стрелков отправился на лесопилку, чтобы забрать личный опознавательный знак молодого снайпера, я устремился вперед, чтобы убедиться, что пораженный мной враг был действительно мертв. С удовлетворением я обнаружил, что моя пуля вошла партизану прямо между лопаток.

У нас не оставалось времени, чтобы похоронить товарища, замученного врагом. Откровенно говоря, никому из нас и не хватило бы мужества собирать вместе обрубки его тела. Каждый из моих товарищей стремился как можно скорее убраться восвояси. Когда наш капитан взялся составлять обязательное письмо к родным погибшего, он написал, что тот скончался в бою мгновенно, от пули в грудь. Настоящее лицо войны неописуемо.

Дивизия продолжала свое отступление и пересекла границу Польши, заняв позиции позади города Бельско-Бяла, неподалеку от Освенцима. Давление советских войск к этому моменту временно ослабло, поскольку основное направление их наступления проходило южнее. И тем не менее стрелки продолжали гибнуть от каждодневных беспокоящих атак. Основная линия обороны, удерживаемая моей ротой, проходила по краю окрестной деревни. Местная школа и учительский дом вместе с относившимся к нему хлевом оказались прямо на передовой. Русские позиции располагались в пятистах метрах от нас, что представляло отличное поле огня для снайпера. Мне нужно было только найти хорошую позицию. Чердак учительского дома показался мне вполне идеальным местом, и я снял с крыши черепицу в нескольких местах, чтобы сделать отверстия, через которые я мог бы вести огонь, не давая врагу слишком легко вычислить мое место нахождения.

Пока я готовил позицию, мне сначала показалось, а потом я пришел к полной уверенности, что слышу голос ребенка. Звуки исходили откуда-то снизу. Я положил свою винтовку и осторожно спустился с чердака с «парабеллумом» в руке. Осмотрев первый этаж, я ничего не нашел, но в нерешительности остановился на кухне. Там приглушенные звуки доносились из-под пола особенно отчетливо. Найдя в полу люк, едва заметный среди дощатого настила, я бесшумно покинул кухню и подозвал двоих товарищей. Как только они заняли огневые позиции на кухне, я топнул ногой по люку и закричал:

— Выходите с поднятыми руками!

Я услышал ответ на ломаном немецком:

— Не стреляйте! Здесь только женщины и ребенок.

Люк открылся, и из него вылезла женщина лет сорока и еще одна женщина с ребенком на руках. Выяснилось, что это были

учительница, ее мать и ребенок. Даже несмотря на то, что стрелки объяснили им, сколь опасно для женщин пребывание в доме на передовой, они отказались его оставить до тех пор, пока немецкие солдаты будут здесь. Причиной этого было то, что в хлеву находилась их корова, которая была нужна им, чтобы кормить молоком ребенка. Когда мы пошли посмотреть, что сталось с животным, оно оказалось раненым в брюшную стенку осколком гранаты. Ее кишки, вышедшие наружу, надулись как огромный мяч из-за попавшей в рану инфекции. Несчастное животное стояло в своем загоне, не проявляя ни к чему интереса. Когда корову охватывали приступы боли, она начинала мычать так, словно надрывно просила о помощи. Лучшим выходом было убить животное и избавить его от страданий. Однако нужно было как можно дольше поддерживать его жизнь, чтобы продолжать получать молоко. Пехотинцы и женщины предприняли все возможное в этой ситуации. Солдаты заботились о корове, а женщины за это готовили и обстирывали их. Хлев и дом были соединены траншеей, и стрелки проделали дыру в стене подвала, чтобы можно было пробираться в траншею незаметно для врага.

Весь день я провел на чердаке, стреляя по вражеским позициям, заткнув свои уши воском, чтобы защитить их от грохота своей винтовки, который становился оглушительным в выбранном мной укрытии. Но, как я и предполагал, советским бойцам не потребовалось слишком много времени, чтобы определить возможную позицию снайпера противника. Поскольку их собственный снайпер не взялся поразить мою позицию со столь значительного расстояния, русские решили разобраться с проблемой с применением более мощных средств.

Утром третьего дня к амбару, находившемуся среди передовых позиций русских, подъехал грузовик, из которого было выкачено противотанковое орудие. Пока трое солдат устанавливали орудие на позиции, остальные выгружали из грузовика боеприпасы и складывали их за амбаром. День был безветренным и сухим, что создавало идеальные условия для выстрелов на дальнее расстояние. Я соорудил отличную опору для своей винтовки и неподвижно застыл за ней. Я поймал первого советского артиллериста в перекрестье своего прицела и, учитывая огромное расстояние, прицелился чуть выше его головы. Пуля попала в живот врагу, и русский сложился, как перочинный ножик. Прежде чем он успел рухнуть на землю, я поймал в прицел второго артиллериста. Второе тело рухнуло на землю, сраженное пулей. Эти артиллеристы, должно быть, были неопытными солдатами, поскольку так долго не понимали, в какой опасности они оказались. Вместо того чтобы занять

укрытие, третий артиллерист взгромоздил себе на плечи одного из своих раненых товарищей, чтобы попытаться отойти за амбар. Но его судьба была решена, едва он подхватил раненого. Большая часть остальных русских бойцов теперь достаточно поумнела, чтобы оставаться в укрытии позади строения.

Я решил попробовать положиться на удачу, хотя и не ожидал, что моя следующая пуля наверняка попадет в двадцатисантиметровую смотровую щель противотанкового орудия и уничтожит его прицельную оптику. Я не был уверен, что попал, хотя и не увидел вмятины на лобовой броне орудия. В этот момент русские, остававшиеся перед амбаром, все вдруг исчезли за ним. Тут же мотор грузовика снова заревел, и машина понеслась обратно по той же дороге, по которой прибыла. Противотанковое орудие оставалось покинутым в окружении трех трупов. До конца дня сохранялось впечатление, что русские оставили свои позиции. Вечером товарищ сообщил мне, что, согласно перехваченному радиосообщению, операция с противотанковым оружием приостановлена, поскольку оно повреждено. Услышав это, я, вполне понятно, почувствовал еще большую гордость своими стрелковыми навыками.

Но русские отплатили нам той же монетой, когда на следующий день советский снайпер стал стрелять по каждой появлявшейся подвижной цели со стороны противника. Его первой жертвой стала старшая из двух женщин. Когда она выскочила из траншеи перед самым хлевом, пуля поразила ее в грудь. Ее колени беззвучно согнулись, и она рухнула головой вперед, уже мертвая. Разрывная пуля сделала в ее груди дыру размером с кулак и вырвала ее сердце. Было самоубийством пытаться достать ее тело в дневное время. Но ее дочь пришлось буквально физически удерживать от таких попыток. Только отчаянные напоминания немецких бойцов о том, что она должна остаться живой и заботиться о ребенке, в конце концов привели учительницу в чувство. С наступлением темноты стрелки достали тело погибшей женщины и сразу похоронили ее.

В течение нескольких последующих дней каждый из бойцов противоборствующих сторон делал все, чтобы не высовываться из позиций, и все шло тихо. Даже я не сделал ни одного выстрела. Корова, жизнь которой была так важна для ребенка, в итоге все-таки свалилась и больше не могла встать на ноги. Повар избавил ее от страданий выстрелом из своего «парабеллума», и ее тушу отнесли на полевую кухню.

Через четыре дня разведчики доложили, что русская 4-я Украинская армия готовится к решающему бою. 3-я горнострелковая дивизия была приведена в состояние полной

боевой готовности, поскольку русские уже высылали патрули численностью до роты, которые внезапно атаковали позиции стрелков, чтобы выискать слабые места в их обороне. Мы перегруппировались, и стрелкам было приказано перемещаться на новые позиции. Учительница с ребенком отправилась с нами к новой деревне, к которой мы двигались маршем.

2 марта 1945 года я был вызван в штаб батальона. Само по себе это не было чем-то экстраординарным, поскольку я всегда получал таким образом особые задания. Но на этот раз меня дожидался лейтенант из штаба полка, который поприветствовал меня с теплой улыбкой и горячо пожал мою руку.

— Поздравляю, мой дорогой Оллерберг. Это большая честь для меня наградить тебя снайперским знаком фюрера. Ты был столь успешен, что одновременно получаешь все три степени. Дай мне, пожалуйста, твое правое предплечье.

Осторожно проткнув мою форму, лейтенант временно прикрепил овальный знак к моему рукаву и вручил мне наградной сертификат, отпечатанный на простом листке бумаги, где в соответствующем месте значилось мое имя. Я и лейтенант обменялись общепринятыми теплыми пожеланиями, после чего офицер снова подошел к командиру батальона, а я был отпущен. Несмотря на то что я гордился получением этой награды, я осознавал, что хранение сертификата или снайперского знака крайне опасно. Поэтому я незамедлительно отправился в комнату почтовых отправлений и послал их домой своим родителям.

Снайперский знак Вермахта был одной из наиболее экзотических наград Второй мировой войны. Хотя он и был введен официальным указом в конце 1944 года, но вручался крайне редко, поскольку очень немногим снайперам удавалось оставаться в живых до тех пор, пока на их счету оказывалось количество подтвержденных уничтоженных противников, достаточное для получения награды. Низкая востребованность знака и сложность его производства привели к тому, что очень малое количество знаков и сертификатов к ним было произведено. Уничтожение ряда из них награжденными также является одной из причин, почему крайне мало из них сохранилось до наших дней. Однако зачастую эти знаки не были доступны войскам для награждения бойцов, заслуживших их. Многие снайперские знаки вручались с составленными на месте сертификатами, как было и в моем случае, а порою и сам знак не вручался. Как обещалось, он должен был быть выслан позднее. Но поскольку военная ситуация ухудшалась с каждым днем, этого не случилось.

Тем временем фашистская пропагандистская машина

неутомимо обещала армии, что она вскоре получит чудесное оружие всех возможных типов. Вермахт действительно стремился к этому, но на практике осуществить это ему практически не удалось. Если новое вооружение и появлялось, оно выпускалось в крайне ограниченном количестве. В этой ситуации было крайне важно выделить солдат, отличавшихся особым мастерством. И в этом контексте достижения снайперов стали крайне важным элементом агитации пропагандистов. Победы снайперов помпезно воспевались в газетах, их снайперские счета озвучивались на всю Германию. Слово «снайпер» перестало ассоциироваться с определением «коварный». Теперь термин «снайпер» стал синонимом преданного своему долгу и самоотверженного солдата. Снайперов в газетах называли «охотниками» и «неустрашимыми бой-цами-одиночками». Конечно, пропагандистская машина нуждалась и в портретах своих новых героев. А поскольку случайных фотографий, сделанных военными корреспондентами, было недостаточно, были организованы специальные фотосессии.

Поскольку снайперы 3-й горнострелковой дивизии снова и снова добивались выходящих из ряда вон результатов, а двое из них были награждены золотым снайперским знаком, в начале марта к нам была выслана команда корреспондентов, которые должны были написать репортаж о нас и сделать несколько наших снимков.

Съемки проходили солнечным утром. Фотограф проинструктировал нас, чтобы мы принимали воинственные позы и изображали себя целящимися в противника из своих винтовок.

— Враг должен отражаться в глазу охотника! — объясняли нам.

За время съемок произошел забавный случай. Один из снайперов по имени Фриц Кениг должен был позировать, изображая, как он, прислонив винтовку к дереву, пьет воду из чистого горного ручья. Едва только фотография была сделана и Кениг поднял свою голову из воды, капли которой еще стекали по его подбородку, как пехотинец, шедший позади, сказал с нарочитым отвращением:

— Ох! Ты пил эту воду? А ведь тридцати метрами выше гниет тело мертвого ивана. Ох, меня тошнит даже при мысли об этом.

Сначала мы подумали, что наш товарищ просто неудачно пошутил. Но сказанное не выходило у нас из головы, и мы отправились вдоль ручья, чтобы проверить правдивость услышанного. Как оказалось, действительно, стоило нам пройти тридцать метров, мы увидели лежавшее в ручье разлагавшееся тело русского. Кенига тут же затошнило.

Когда мы вернулись к фотографу, то увидели, что военный художник Вермахта зарисовывает снайпера с винтовкой K98k, на которой был установлен крохотный прицел ZF41. Увидев это, Йозеф Рот воскликнул:

— Какой смысл рисовать это? Через такой прицел все равно ни хрена не видно!

Посещение команды корреспондентов также дало возможность стрелкам сделать несколько снимков себе на память. К примеру, новый снайпер, только что прибывший в дивизию после курсов, попросил, чтобы его сфотографировали вместе с его кумиром — со мной. Мы получили снимки, о которых попросили, на следующий день, поскольку у фотографов в их грузовике размещалась небольшая фотолаборатория. Я в тот же день отправил письмо родителям, в которое вложил свои фотографии.

Через несколько дней немецкий патруль доставил русского пленного, который рассказал нам о том, что советская рота готовится занять участок свободной территории шириной около пятисот метров в секторе

2-го батальона неподалеку от медицинского пункта полка. Группа из восемнадцати опытных стрелков тут же была направлена для определения места нахождения русских и обороны участка до тех пор, пока полк не сможет заткнуть брешь и не переместит свой пункт медицинской помощи в безопасное место. Мне было поручено прикрывать эту группу.

Шансы солдата выжить напрямую зависят от его шестого чувства насчет того, что должно произойти. Я понимал, что данное задание может окончиться крайне плохо, поэтому пошел к сержанту, отвечавшему за вооружение и оснащение батальона, и поменял свой карабин K98k на самозарядный «Вальтер-43», который был специально придержан для меня. Я также взял четыре дополнительных магазина с целенаводящими патронами и, помимо этого, набил патронами свои карманы.

Ночью «Опель Блиц» отвез стрелков в сектор, которому угрожало нападение русских. Они сидели в фургоне безмолвно и ни о чем не думая, поскольку каждый из них знал, что может произойти и что им придется делать. Когда грузовик остановился и дверь фургона открылась, они выпрыгнули из него на землю и, получив приказы, исчезли в темноте, направляясь на восток.

Я двигался позади группы с винтовкой наготове. Через час, когда первые рассветные лучи показались на горизонте, мы начали преодолевать небольшую возвышенность. Неожиданно небо озарили белые вспышки и осветили весь наш участок. На стрелков обрушился свирепый пулеметный огонь, и семь из них были поражены пулями, в том числе сержант. Стоная и корчась,

они крутились в агонии. Стрелки тут же открыли ответный огонь и заняли укрытия позади холма, забрав с собой пятерых раненых. Русские незамедлительно выпрыгнули со своих позиций и атаковали. Я тем временем нашел себе укрытие неподалеку от двух оставшихся раненых бойцов и сумел остаться не замеченным врагом. Это обеспечивало мне решающий фактор внезапности. Я дождался, пока две первые волны атакующих выскочат из окопов, а затем вдруг приподнялся и открыл огонь с расстояния около 50—80 метров, действуя по своему опробованному, хорошо зарекомендовавшему себя методу: всегда стрелять по последним рядам наступления противника. Чтобы быть уверенным в попадании и для максимального эффекта я стрелял в туловища, и разрывные пули входили в живот русским, разрывая брюшную стенку и кишечник. Советские бойцы не ожидали огня с фланга. Их явно охватила нерешительность. К моим товарищам в этот миг возвратилось их хладнокровие, и они также открыли прицельный огонь по противнику. После десяти выстрелов магазин моей самозарядной винтовки был пуст. За несколько секунд я заменил его новым и продолжил вести огонь. Каждый мой выстрел поражал врага. Но ни одна вражеская пуля не пролетела рядом со мной, пока двадцать красноармейцев с истошными криками не рухнули на землю. Я вставил третий магазин. К этому моменту крики и стоны раненых деморализовали русских, и они прекратили атаку и отступили к своим позициям. Я выпрыгнул из своего укрытия и, петляя, побежал к двум раненым стрелкам и нырнул в новое укрытие рядом с ними. Чудом я остался невредим, но мой опасный бег под градом русских пуль был напрасен. Один из них уже был мертв. А у сержанта, чья грудь была изрешечена пулями, вместо слов из горла шла пена. Он так и не смог ничего сказать, прежде чем умер несколько минут спустя.

Снова оказавшись в своих окопах, русские обрушили на участок огонь своих стрелковых орудий. Я был вынужден прижиматься к земле, не двигаясь с места. У меня оставалось мало шансов выбраться. Чтобы защитить себя от вражеских пуль, я подтащил оба трупа к краю своего укрытия и установил свою винтовку на бедро одного из них. Наступил час снайпера. Пока товарищи поддерживали меня огнем с тыла, я ловил советских бойцов в прицел с расстояния около ста метров. Первыми двумя выстрелами я снес головы бойцам пулеметного расчета, в то время как пули врага входили в тела моих мертвых товарищей, отчего те зловеще вздрагивали.

После уничтожения пулеметчиков происходящее стало походить для меня на огневую практику. В каждую голову

русского, появлявшуюся над краем окопа, тут же входила пуля. Менее чем за десять минут я уничтожил еще двадцать одного советского бойца. Вдруг из окопа высунулся ручной пулемет и открыл огонь, а двое других русских солдат в это время попытались спастись бегством. Один из них поддерживал другого, который явно был раненым. Но пулеметчик через несколько мгновений рухнул в окоп, пораженный моим выстрелом, потащив за собой свое оружие за бруствер окопа, так что из его ствола еще несколько секунд пули вылетали в небо, пока не опустел магазин. Между тем я поймал в прицел двух убегавших бойцов. Когда моя пуля пробила сумку за спиной у солдата, которого другой волочил на спине, раздался оглушительный взрыв, от которого они оба рухнули на землю. Очевидно, у раненого русского в сумке находилась взрывчатка.

Взрыв обозначил конец боя, и вдруг повисла замогильная тишина. Даже крики и стоны раненых русских затихли. Прошло несколько минут, после чего немецкие пехотинцы поднялись со своих позиций и стали осторожно продвигаться в направлении русских окопов. Со стороны противника не последовало ни малейшего движения. Целая советская рота была мертва. Более пятидесяти тел было разбросано на поле боя, а еще двадцать один боец лежал в окопах с разрывными пулями в головах. Края траншеи были усеяны окровавленными комками мозгов и осколками костей. Разорвавшиеся головы с обнажившимися черепами напоминали изображения на средневековых полотнах, показывавших ад.

Потеря роты, очевидно, убедила русских, что на этом участке сопротивление немцев по-прежнему значительно, и советские войска пересмотрели свои планы атаки и перегруппировали свои силы. Эта передышка подарила горным стрелкам время, необходимое для эвакуации их пункта медицинской помощи, который находился под угрозой со стороны атаки противника. Однако отражение русской атаки не привело к смене фокуса внимания советских войск, как можно было надеяться. Напротив, русские восприняли происшедшее как знак того, что им следует резко увеличить наступательные силы. Следующая русская атака, начавшаяся через три дня, поддерживалась огромным количеством снайперов, которые брали кровавый реванш за предыдущие события.

Моя группа к тому времени была усилена. Но русские снайперы уничтожали немецких офицеров и сержантский состав с невероятной точностью. Я и мои неадекватно ситуации вооруженные товарищи не имели малейшего шанса остановить новый штурм. Мне удалось лишь уничтожить нескольких врагов

точными выстрелами со своих тщательно подготовленных позиций. Но это было чудом, что я и еще несколько немецких пехотинцев выжили в ходе этой атаки русских, сумев отступить в последнюю секунду.

Те немногие из нас, что уцелели, отстреливаясь, перемещались от укрытия к укрытию. Точный и стремительный огонь самозарядной винтовки «Вальтер-43» обеспечивал нам огневое прикрытие в ходе движения. Прямо перед тем, как двигаться дальше, мы потеряли своего последнего сержанта — командира взвода по имени Вилли Хох. Он только приподнялся, чтобы дать сигнал к движению, как пуля русского снайпера поразила его в затылок. Его глаза вылезли из орбит, как два мячика. Из его черепа брызнула кровь и осколки костей. Он рухнул на землю, словно сраженный вспышкой, но через несколько секунд приподнялся, крича:

— Мои глаза, аа-аа-а, я не могу видеть!

Стрелок, находившийся рядом, тут же усадил его на землю, чтобы спасти его от русской пули. Этот боец вдруг с ужасом понял, что смотрит в окровавленный череп с пустыми глазницами. Трудно сказать, повезло ли сержанту, что русский не использовал разрывные пули, поскольку в этом случае Вилли Хох был бы мертв. Однако при сложившемся раскладе оставалась надежда, что он выживет. Сержант не переставал орать и дергаться, обезумев. Пока я расстреливал патроны, оставшиеся в винтовке, остальные стрелки подхватили раненого и потащили его с собой. И Вилли Хох выжил, чтобы стать одним из многих немецких искалеченных ветеранов войны.

Глава пятнадцатая. ГЕРОЙ ДНЯ

В начале войны награды что-то значили и вручались в торжественной обстановке. Но теперь, когда немецкие пехотинцы оказались вовлечены в бесконечную борьбу за выживание, вручение наград расценивалось Верховным командованием просто как способ поддержания боевого духа. Последовавшее в результате резкое увеличение количества награждений значительно снизило их престиж. Вскоре это даже стало рассматриваться бойцами, как часть их повседневной жизни на фронте.

Через несколько дней после событий, описанных выше, лейтенант из штаба полка снова послал связного за мной.

Когда я явился на командный пункт, лейтенант заявил мне нарочито официально:

— Господин младший капрал, вы исключительный боец. Сегодня мне выпала честь вручать вам Железный крест первого класса за отвагу, проявленную вами во время тактической перегруппировки полка и эвакуации пункта медицинской помощи, — в тоне лейтенанта вдруг появились заговорщические нотки. — Я также скажу по секрету, что твои действия привлекли внимание руководства дивизии. И кое-что грядет, будь готов к сюрпризу!

На этот раз я получил декорированный наградной сертификат и Железный крест в специальном футляре. Я тут же приколол крест к своему левому нагрудному карману, а потом выбросил футляр в канаву и отправил почтой наградные документы к своим родителям.

Своими действиями в недавних боях я не только проявил исключительную личную храбрость, но также выиграл временное стратегическое преимущество над врагом. При обычных условиях я должен был быть награжден за это не более чем Германским крестом в золоте, высочайшей наградой за мужество для бойцов моего ранга, находившейся по статусу гораздо выше Железного креста первой степени, но ниже Рыцарского креста. Однако командующий группой армий «Центр» генерал Шернер (1 марта 1945 года он был произведен в фельдмаршалы) пытался поднять боевой дух своих войск тем, что при вручении наград отступал от общепринятой схемы. В результате я за свои действия был представлен к Рыцарскому кресту, которым награждались только офицеры и в редких случаях старший сержантский состав за личное мужество и исключительные достижения стратегической важности. Рыцарский крест был одной из высочайших наград

Вермахта и обычно вручался в ходе особой церемонии, после которой награжденный получал специальный отпуск, в который отбывал сразу после вручения. Но с коллапсом немецкой военной инфраструктуры важность и значение наград умирающего рейха снизились, в частности, потому, что критерии награждения ими стали крайне размытыми. В этот период, как осторожно шутили пехотинцы, представился удобный случай, чтобы «выстроиться за наградами и взять с собою для них свой котелок». Поэтому награждение Рыцарским крестом, который я вскоре получил одновременно со своим товарищем Йозефом Ротом, было вполне обычным делом.

20 апреля нас обоих вызвали в штаб корпуса, размещавшийся в небольшом населенном пункте около города Моравска-Острава. Туда их доставили на автомобиле-амфибии марки «Фольксваген»[14]. Штаб размещался в сооружении, которое в былое время было чем-то вроде фермы. К нашему появлению там все гудело, словно улей. Туда-сюда сновали машины и связные, раздавались громкие крики приказов, везде толпились штабные офицеры. Было видно, что штаб готовится к смене места дислокации. Я и Йозеф в своей изношенной униформе со своими огрубевшими лицами среди чистеньких штабных ощущали себя, как свиньи, забравшиеся на диван.

— Им стоило бы полежать задницами в грязи, — заворчал Рот. — Я мог бы показать им подходящие места.

Мы стояли, не зная, что нам делать, пока, наконец, не появился солдат, который принес нам по консервной банке с селедкой в томатном соусе, кусок хлеба и котелок с кофейным эрзацем. Таким образом, мы могли скоротать ожидание, наполнив свои желудки, что пехотинцам в эти дни удавалось не так уж часто.

Когда через несколько часов мы оба сидели у двери скотного двора, мы вдруг услышали голос, раздавшийся из здания:

— Где бойцы, пришедшие за Рыцарскими крестами?

К нам вышел сержант, который позвал нас, едва скрывая сарказм:

— Это вы стрелки, которых пожалуют в рыцари? Полковник и его меч готовы к торжественному ритуалу.

Мы медленно поднялись.

— Давайте побыстрее, ребята, — сказал сержант. — Нам предстоит большое событие.

Через несколько минут мы стояли в комнате, игравшей роль вестибюля, и полковник с красными полосками Генерального штаба на брюках подошел к нам с папкой в руке, сопровождаемый солдатом с фотоаппаратом. Мы невольно вытянулись по стойке

«смирно» с карабинами за спиной.

— Вольно, господа, — весело обратился к нам полковник. — Пожалуйста, простите, что торжественная церемония в вашу честь проходит в этой импровизированной обстановке. Я надеюсь, что вы извините нас, учитывая сложившиеся обстоятельства. Фельдмаршал в самом деле хотел поздравить вас лично, но, к сожалению, ему сейчас не до этого. Позвольте мне поблагодарить вас от его имени.

С этими словами полковник открыл папку и начал зачитывать послание фельдмаршала:

«Группа армий «Центр», 20 апреля 1945 г.

Ефрейтору Йозефу Оллербергу!

Это большая честь для меня наградить вас Рыцарским крестом Железного креста и вручить пакет с деликатесами со стороны фюрера 20 апреля 1945 года. Мне стало известно из докладов ваших командиров, что вы продемонстрировали выдающееся солдатское мастерство и невероятную смелость. Желаю вам всяческой удачи и благополучного возвращения домой.

Хайль Гитлер!

Генерал-фельдмаршал Шернер».

Затем тот же текст был зачитан снова, но на этот раз с именем Йозефа Рота, вместо меня. После чего полковник махнул рукой солдату, и тот достал два Рыцарских креста, которые на самом деле были переделанными Железными крестами второго класса. Офицер взял один из крестов, подошел ко мне и спросил:

— Вы мыли свою шею, господин младший капрал?

Увидев мое удивление, он добавил:

— Я просто шучу.

Надев на нас кресты, полковник заговорил отеческим тоном:

— Я по-настоящему горжусь, что в нашем корпусе есть такие солдаты, как вы. Примите мои поздравления и мою личную благодарность. Я надеюсь, вы выживете во время надвигающегося сурового испытания и вернетесь целыми и невредимыми к своим семьям и мирной жизни.

Сказав это, он стал пожимать нам руки. Мелькала вспышка фотоаппарата.

— Вы получите настоящие Рыцарские кресты позднее, когда ситуация стабилизируется. Тогда пройдет и должная церемония, на которой вам вручат документы на награды за подписью фюрера. Но еще сейчас позвольте мне отдать вам письма от фельдмаршала. В знак его личной благодарности вам, каждое из них включает его личную фотографию с его подписью, а также фотографии с подписью вашего командира дивизии генерала

Клатта.

Мы оба осознали горький подтекст слов полковника. Каждому из нас было ясно, что война проиграна и полное поражение было не за горами.

— По понятным причинам вы хотите прямо сейчас получить коробки с подарками фюрера, — улыбнулся полковник.

При этих его словах двое солдат внесли ящики из-под артиллерийских снарядов, которые были около метра в длину, пятьдесят сантиметров в высоту и тридцать сантиментов в ширину. Ящики были полны деликатесов.

— Всего вам лучшего, господа, — с этим словами полковник развернулся и исчез в дверном проеме. Тем временем вернулся фотограф. Он спросил:

— Могу я сделать еще один снимок для международной прессы?

Он помог нам занять нужное положение, и его вспышка сверкнула еще два раза. Прежде чем фотограф ушел, я попросил его, если это возможно, выслать фотографии домой моим родителям. Фотограф пообещал сделать это и сдержал свое слово.

На этом церемония окончилась.

— Куда нам поставить ящики с подарками для наших героев? — приставал к нам один из солдат.

В этот момент вошел водитель джипа.

— Я доставлю вас назад к вашим товарищам, — сказал он. — Грузите ящики в мою машину.

Пока солдаты выносили их, я спросил у водителя, где находится почтовая комната, чтобы я мог отправить письмо домой. При сложившихся обстоятельствах я хотел как можно быстрее выслать домой наградные документы на свой Рыцарский крест. Я надеялся, что письмо, отправленное из штаба корпуса, скорее дойдет до родителей. При этом из предосторожности я воспользовался двумя конвертами, в один из которых вложил фотографии с автографами фельдмаршала Шернера и генерала Клатта, а в другой наградные документы. Как выяснилось впоследствии, фотографии дошли до моих родителей невредимыми, а конверт с документами потерялся в пути.

Со своими временными Рыцарскими крестами на шеях мы отправились обратно в свои части, где нашего возвращения с нетерпением дожидались. Мне не составило труда извлечь свой ящик с подарками из джипа, поскольку товарищи буквально навязали мне свою помощь. Как только мы оказались в блиндаже, крышка ящика была снята. Под ней оказались мясные и рыбные консервы, бутылка коньяка, сигары, сигареты, шоколад и печенье. За время спонтанно организованного застолья в честь

случившегося события содержимое ящика было оприходовано, хотя мне и досталась при этом большая часть мяса и печенья. Также, на правах героя дня, я придержал у себя бутылку коньяка и сигары.

Немецкая пресса находилась в руках пропагандистской машины и незамедлительно пользовалась случаями, подобными этому. Соответственно, мои достижения были вынесены на первую полосу местной газеты моего родного города «Миттенвальдер Нахрихтен» («Миттенвальдские новости»). В выпуске от 25 апреля 1945 года был помещен следующий материал:

«Наши горные стрелки в качестве снайперов.

Снайперы горнострелкового полка, ведя оборонительные бои на территории Чехии, достигли чрезвычайно высоких результатов стрельбы. Снайпер 2-й роты горных стрелков из-под Берхтесгардена 1 апреля поразил своими пулями восемьдесят три большевика. Младший капрал Йозеф Оллерберг из Миттенвальда, который служит в другой роте, уничтожил 2 апреля двадцать одного советского бойца, в результате чего на его снайперском счету сегодня сто истребленных противников. Младший капрал Хетценау-эр из Бриксена под Китцбюэлем в Тироле доложил о двухсотом уничтоженном им вражеском бойце 3 апреля. Он самый успешный снайпер дивизии».

Глава шестнадцатая. ГИБЕЛЬ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

3-я горнострелковая дивизия стояла спиной к границе Германии. Круг вот-вот должен был замкнуться. Тысячелетний рейх, державшийся на высокомерии и амбициях его руководителей, рухнул, как карточный домик, после всего двенадцати лет своего существования. Германия истекала кровью. Она принесла войну многим странам мира, и теперь враги напирали на нее со всех сторон. Сентенция Гитлера «Германия победит или погибнет!» приводила к новым и новым тщетным приказам удерживать позиции, к новым и новым жертвам, начиная с поражения Вермахта в Сталинграде. Чем отчаянней становилась ситуация, тем сильнее власть развязывала руки сторонникам Гитлера в полиции, войсках СС и Вермахте. Репрессиями и мобилизацией последних людских ресурсов страны они пытались остановить свое неминуемое поражение и гибель. Но вояки из свиты Гитлера с головами пустыми, как барабан, мальчишки из «Гитлерюгенда», старики и собранные наспех неподготовленные части не могли отвратить катастрофу. Генерал Шернер, убежденный национал-социалист, был произведен в ранг фельдмаршала, а под конец стал командующим группировкой войск, прикрывавшей Берлин. Такое доверие к нему со стороны Гитлера было оказано благодаря непоколебимой решимости Шернера к мобилизации всех возможных сил и установлению среди них строжайшей дисциплины.

В действительности у Германии уже не оставалось сил, чтобы остановить надвигавшийся на нее ураган хаоса. Гитлеровская Германия шла к своей гибели, и этот процесс было уже невозможно остановить. Тыловая инфраструктура, линии связи и командование Вермахта пребывали в коллапсе. Население оккупированных территорий восстало против немцев. Обе противоборствующие стороны все больше ожесточались, и кровавый финал неумолимо приближался.

Из полицейских, военной полиции и войск СС формировались патрули в отчаянной попытке восстановить дисциплину в армии и заставить бойцов выполнять приказы среди господствующего хаоса. Результатом этого стала беспорядочная жестокость. На полевых трибуналах, которые длились считаные минуты, солдаты, не имевшие своих документов, приговаривались к смерти. Приговоры осуществлялись незамедлительно через

расстрел или повешенье, несмотря на то что в суматохе последних месяцев войны уже не работала бюрократическая машина Германии и выдать документы бойцам, потерявшим их в ходе боев, было попросту некому. Таким образом, немецкие солдаты нередко встречали свой несправедливый и жестокий конец, оказавшись в руках собственных товарищей. Гражданское население подвергалось еще более огульной расправе, даже если это были люди, сопровождавшие отдельные части на протяжении войны в качестве помощников и слуг. Беспочвенные обвинения в предательстве или сотрудничестве с партизанами становились причиной бессчетных убийств, осуществлявшихся руками пустоголовых гитлеровских лизоблюдов.

Хотя смерть была моим неотступным спутником , один из подобных инцидентов произвел на меня глубочайшее впечатление. Почти одновременно с тем, как я прибыл в Россию в конце лета 1943 года, молодая украинка стала следовать за 144-м горнострелковым полком во время всех его перемещений. Двадцатидвухлетняя Ольга была любовницей одного из штабных офицеров. Помимо согревания его постели, она также выполняла полезную для полкового штаба работу, в том числе исполняя обязанности переводчика. Она была простой веселой женщиной, стремившейся просто выжить в эти гибельные времена. Ольга никак не могла быть связана с партизанами. Она просто была счастлива оттого, что ей удалось вырваться из ограниченности и однообразия жизни в ее деревне. Она надеялась найти себе лучшую жизнь где-нибудь на Западе, когда война закончится. Все завидовали офицеру, ставшему ее любовником, что у него такая красивая подружка. Даже я заглядывался на нее при случае.

Однако то ли в результате доноса части завистливых солдат, то ли по произволу эсэсовского патруля ее забрали с позиций полка. Я стал невольным свидетелем того, как она была схвачена, и ее казни, состоявшейся через десять минут по обвинению в том, что она помогала партизанам. Попытки нескольких стрелков отстаивать ее невиновность были тщетными. Их заставили удалиться угрозами, что над ними также последует расправа. Меня переполняла бессильная ярость, когда я увидел штабного офицера, любовника Ольги, который не предпринял малейшей попытки спасти ее, несмотря на ее разрывающие сердце мольбы. Казалось, что он был почти счастлив избавиться от нее. Все знали, что офицер был женат, и, по-видимому боялся, что о его связи на стороне станет известно за пределами войск, если он попытается предпринять какие-то меры. Ольгу подвезли к дереву в кузове грузовика вместе с еще несколькими мужчинами в гражданской одежде. Затем их шеи обвязали петлями из тросов, концы

которых прикрепили к толстой ветке над ними. Ошеломленная несчастная украинская девушка беззвучно плакала, ища взглядом своего любовника, все еще надеясь на спасение. Но образцовый господин офицер уже успел элегантно удалиться, и его нигде не было видно. Когда все тросы были закреплены, эсэсовец, сидевший в кузове, постучал ладонью по крыше водительской кабины, и грузовик тронулся. Крики приговоренных срывались в хрип, и они задыхались, один за другим вываливаясь из кузова. Словно черви на рыболовном крючке, их тела корчились в отчаянной борьбе за жизнь. Но тросы все сильнее сжимали их шеи, из их ртов вываливались языки, и казалось, что их глаза лопнут. Смертельная агония Ольги длилась несколько минут. Эсэсовцы с видимым наслаждением смотрели на происходящее, а стрелки, с отвращением отвернувшись, расходились, бормоча горькие обвинения в адрес мучителей. Я с трудом заставлял себя сохранять хладнокровие. Через несколько дней происшедшее стало для меня всего лишь еще одним эпизодом, не отличавшимся от многих других, которые я пережил на этой бесцельной войне.

Полк к этому времени отступил в окрестности города Моравска-Острава. Советский фронт между тем продвигался к Брюнну. В то же время русские начали с боями продвигаться по улицам Берлина. Теперь уже не было возможным говорить о сопротивлении под контролем согласованного и эффективного командования. Силы Вермахта, державшиеся на своей организации, боевом оснащении, опыте и командирах, разбились на отдельные более-менее серьезные очаги сопротивления. 3-я горнострелковая дивизия оказалась в числе частей, чьи бойцы держались вместе и продолжали сражаться. Но конец близился. Огромное количество беженцев оказалось вытолкнутым на запад, блокируя дороги и тропы.

Стрелки сражались, используя все, что оставалось в их распоряжении. По горькой иронии судьбы, в эти последние недели войны пехотинцы вдруг получили оружие, о котором прежде могли только мечтать. Рота снайперов войск СС была послана для поддержки одной из последних атак, для которых стрелки мобилизовали свои силы. Я не мог поверить своим глазам, когда увидел их снаряжение. Поверх униформы снайперов СС были специальные маскировочные халаты с капюшонами, на их касках были камуфляжные чехлы с зелеными маскировочными сетками, скрывавшими лицо. В дополнение к этому у снайперов были штыки, которые можно было приставить к их винтовкам. Последние представляли собой самозарядные «Вальтеры-43» с четырехкратными оптическими прицелами. А

двое снайперов даже обладали новыми штурмовыми винтовками Stg-44, оснащенными такими же оптическими прицелами, как и самозарядные «Вальтеры». Однако вся снайперская рота состояла из шестнадцатилетних мальчишек, призванных несколькими неделями ранее. После двух недель подготовки они были определены в «боевую элиту Вермахта», которая теперь была брошена на врага, полная отчаянной решимости и веры в собственную непобедимость. Ротой командовал лейтенант двадцати с небольшим лет. Глянув на офицера, я прочитал на его лице несомненную бессердечность, которая не оставляла сомнений: жизни его бойцов очень мало значат для него. Когда рота прошла мимо и исчезла в вихре этих страшных дней, я подумал, глядя им вслед: «Бедные недоумки!»

Дивизия с боями отступала к Оломоуцу[15]. К этому времени фабрика слухов уже работала в полную мощь. «Берлин оккупирован, — распространялось от бойца к бойцу. — Фюрер мертв. Германия вот-вот капитулирует». Несмотря на это, дивизия продолжала отважное сопротивление.

8 мая русские неожиданно отступили на свои позиции и прекратили огонь. Вражеская авиация начала сбрасывать огромное количество отпечатанных листовок, сообщавших о безоговорочной капитуляции Германии и призывавших бойцов Вермахта сложить оружие и сдаться. Последний командир 3-й горнострелковой дивизии генерал Клатт не хотел сдавать своих людей русским, справедливо опасаясь, что они будут подвергнуты плохому обращению и встретят не лучшую судьбу. Вечером 9 мая дивизия услышала по радио последний приказ Верховного главнокомандования Вермахта:

«Составу всех частей на Юго-Восточном и Восточном фронтах приказано прекратить огонь. Чешское восстание в Бехмене и Махрене может помешать выполнению условий капитуляции и нашей связи в этом районе. Верховное главнокомандование не получило докладов от боевых групп Лехра, Рендулика и Шернера...»

Оружие было сложено около полуночи на всех фронтах. По приказу адмирала [Деница][16] «Вермахт прекратил безнадежные бои. Героическая борьба, длившаяся почти шесть лет, окончена. Она принесла нам великие победы, но также и тяжелые поражения. В итоге Вермахт потерпел поражение перед подавляющим численным превосходством врага. Немецкий солдат, следуя долгу, совершал невероятное ради своего народа и оставался предан присяге. Родина держалась на его плечах до самого конца... Даже враг не может не уважать достижения и самопожертвование немецких бойцов на суше, на море и в

воздухе. Поэтому каждый солдат может сложить свое оружие с достоинством и гордостью... В этот час Вермахт думает о павших товарищах. Они обязывают нас к безоговорочной преданности и покорности голосу Родины, которая истекает кровью от бессчетных ран».

Офицеры зачитывали этот приказ печальным бойцам, оставшимся в их батальонах и ротах, вглядываясь в изнуренные и огрубевшие лица. Никто из них не мог быть уверенным в своем будущем, которое у многих оказалось крайне ужасным.

Генерал Клатт решил освободить всех солдат дивизии от их клятвы, произнесенной при присяге, и дать им возможность самостоятельно попытаться вернуться домой. Но это было легче сказать, чем сделать. В немецком фронте были бессчетные дыры, через которые потоками проходили советские части. Также дополнительные трудности создавало бушевавшее в тылу дивизии чешское восстание. Несмотря на то что дороги были блокированы колоннами беженцев, большинство стрелков решило попытаться достичь американских позиций вдоль реки Молдау, используя любые транспортные средства, которые попадали им в руки. Но я полагал, что подобным образом не избегу русского плена, и решил пробиваться в Австрию вместе со своим товарищем по имени Петер Голлуп, который находился в части всего несколько недель.

Нам предстояло пересечь 250 километров территории, удерживаемой врагом. Но я обладал достаточным опытом пользования компасом и перемещений, незаметных для противника. Чтобы снизить до минимума риск попадания в плен, мы должны были сделать все возможное, чтобы избежать столкновений с врагом. Это делало лишним элементом снаряжения оружие, позволявшее стрелять на дальнее расстояние, как, например, карабин с оптическим прицелом.

Более того, мне было ясно, что я подвергну себя серьезной опасности, если окажусь захваченным со снайперской винтовкой в руках. Судьба пленных снайперов мне была уже хорошо известна. С неохотой я уступил доводам разума, говорившим, что мне следует уничтожить свою снайперскую винтовку и вооружиться вместо нее пистолетом и MP40.

Я подошел к самоходному штурмовому орудию, которое стояло поблизости. На его броне сидело много пехотинцев, готовых к попытке прорыва на запад.

— Подожди секунду, — сказал я водителю. — Я хочу положить мой карабин под твои траки, чтобы уничтожить его наверняка.

Я уложил свою снайперскую винтовку прикладом под левый

трак, поднялся и махнул рукой водителю.

— Все сделано, можешь начинать!

Самоходка, качнувшись, двинулась вперед. Ее траки крепко сжали приклад, дерево затрещало, и металл заскрежетал о металл. С глухим звоном разлетелись линзы оптического прицела, и карабин полностью исчез под гусеницами. Через несколько секунд его разбросанные по сторонам искореженные обломки показались позади самоходки. Несмотря на то что винтовка была лишь оружием, для меня это был тяжелый миг.

За редким исключением, все немецкие снайперы также уничтожали свои винтовки перед концом войны или перед тем, как угодить в плен. По этой причине настоящие снайперские винтовки той поры являются чрезвычайной редкостью сегодня.

Я с сожалением отрешенно глядел на то, что осталось от моего карабина. Но вдруг из этого состояния меня вывел громкий голос, раздавшийся над самым моим ухом:

— Внимание, внимание! Это голос пангерманского радиовещания!

Обернувшись, я увидел, что позади меня стоит Викинг с густыми усами. Тот продолжал:

— Благодаря решительной стратегии фюрер достиг своей цели, сумев объединить свои силы на востоке с войсками, сражавшимися на западе, и создал мощное военное формирование. После свирепых боев эти войска сумели провести большевиков к столице. Здесь фюрер сделал им решающий выстрел в колено при поддержке главного идиота рейха Гиммлера и пропагандистской морды Геббельса. Зиг хайль, мы добились этого!

Даже в этой мрачной ситуации похожий на викинга старший сержант не потерял своего убийственного чувства юмора. Похлопывая меня по плечу и кивая в сторону разломанной винтовки, он добавил:

— Не бери это в голову, старик! Теперь твои шансы вернуться домой значительно возросли. Разве, убегая, не нужно следовать за остальными? Насладись мирной жизнью, если сможешь добраться до нее, — с этими словами он развернулся и исчез в подлеске.

Я и Петер подготовились к своему длительному маршу так тщательно, насколько могли. Но несмотря на все усилия, мы не смогли раздобыть еды. Однако слева и справа от дороги везде валялись разбросанные пожитки беженцев, которые они оставляли позади или выбрасывали по пути. Мы поднимали все, что можно было легко унести и что можно было впоследствии обменять на еду: разные котелки, кофемолку и две пары

элегантных женских туфель. В итоге мы решили взять с собою только туфли, надеясь, что, благодаря любви женщин к обновкам, всегда сможем их пристроить.

Лишь несколько немецких частей сдались, как того требовали русские, а большая часть попыталась спастись, прорвавшись на запад. Соответственно советские войска завершили свое наступление 10 мая, предприняв массированную танковую и воздушную атаку на смешанные колонны из беженцев и немецких частей, заполнявшие дороги. Даже самые мелкие группы были уничтожены русской истребительной авиацией. Наблюдая за этим, мы решили двигаться ночью и прятаться в дневное время. На вторую ночь, все еще находясь в населенной немцами Судетской области, мы вышли к одиноко стоящей ферме.

Тусклым светом горело одно завешенное окно. К этому моменту мы были очень голодны и надеялись, что, наконец, сможем раздобыть у фермера немного еды. Мы осторожно подползли к дому и постучали в окно. Занавеска отодвинулась, и перед нами появился пятидесятилетний мужчина со свечой в руке. Глядя на нас, он открыл окно и спросил на ломаном немецком, чего мы хотим. Я сразу определил, что он был чехом, и инстинктивно отступил в темноту. Но голод был столь силен, что мой неопытный товарищ забыл об осторожности и предложил обменять пару туфель на еду. Чех согласился на обмен и взял туфли, сказав:

— Русский солдат на верхнем этаже, тсс! Подождите, я вернусь через несколько минут, — с этими словами он исчез.

Хотя я тогда еще не знал о жестоком изгнании судетских немцев чешским населением, меня вдруг охватили подозрения. Через окно я смог разглядеть немецкую надпись в рамке и висевший под ней календарь с немецкими названиями месяцев за 1944 год. Что делал чех в доме немца? Почему русский солдат мирно спал на верхнем этаже? Я толкнул локтем Петера и прошептал:

— Друг, это не пахнет добром! Забудь о туфлях, нам пора убираться, — с этими словами я потащил товарища от окна.

Но Петер возразил:

— Нет, я не верю в эту чушь, — и высвободился от моей хватки.

Я оставил его и побежал к лесу, крича другу:

— Дуй за мной, дурак, пока они не сцапали тебя!

Мое решительное бегство сломило волю Петера,

который, в последний раз взглянув на окно, все-таки последовал за мной. Я находился уже в тридцати метрах от дома и был надежно укрыт темнотой, но мой товарищ едва отбежал и

на десять метров, когда в окне снова возник чех с пистолетом-пулеметом MP40 в руках и открыл огонь. Едва увидев оружие, Петер со всех ног рванул к лесу. Я развернулся при первых звуках выстрелов и стал наводить на цель свой собственный пистолет-пулемет, пока товарищ бежал ко мне. Но вдруг Петер упал, словно сраженный вспышкой, и я открыл огонь. Стекло разбилось, начали разлетаться осколки деревянной оконной рамы, но пули не попали в чеха: он отскочил от окна и не решался открыть огонь снова. Пригибаясь, я подбежал к своему товарищу и оттащил его в безопасное место на краю леса, все время напряженно ожидая, что из дома выскочат вооруженные бойцы. Но по-прежнему царила замогильная тишина. Я опустил Петера на землю, как только мы достигли первых кустов, и перевернул его на живот. Петер застонал. Я ощупал ткань его униформы, она была вся пропитана кровью. Очередь, выпущенная чехом, смертельно ранила Петера. Когда я перевернул его снова на спину, мой друг уже потерял сознание. Через несколько минут он умер.

При этом я был вынужден все время краем глаза следить за домом. Но там не наблюдалось никаких признаков движения. Я исчез из опасного места, как только Петер умер, и продолжил двигаться, ориентируясь на Полярную звезду и свой маленький карманный компас. Оставшись сам по себе, я был вынужден действовать особенно осторожно. Тем более что я прежде слышал, что чешские партизаны стали надевать немецкую униформу, чтобы выманивать своих врагов из укрытий. Следовательно, я прятался от небольших групп бойцов в немецкой униформе, маршировавших позади меня, особенно если они появлялись в дневное время.

Когда я искал себе укрытие на второй день своего бегства, то неожиданно услышал рядом с собой немецкие голоса. Пробравшись ползком туда, откуда доносился звук, я увидел небольшую группу бойцов из артиллерийского полка моей собственной дивизии. Осторожно я позвал их и затем поднялся из укрытия. Прежде чем я успел представиться, один из артиллеристов узнал меня:

— Это Йозеф Оллерберг, снайпер с множеством убийств на его счету. Он обладатель золотого «Знака снайпера» и Рыцарского креста.

Группа состояла из двенадцати бойцов. Ее возглавлял полковой повар, штабной сержант Вермаейр. Услышав мое имя, солдаты заспорили, брать им меня с собой или нет. Деятельность нацистской пропагандистской машины теперь работала против меня. Очень многие газеты печатали статьи о немецких

снайперах, красочно описывая их достижения. При этом во многих из них печатались и фотографии снайперов. А я довольно часто становился героем подобных публикаций. Было вполне вероятно, что русские и чехи знают мое имя, как я выгляжу, и будут высматривать меня среди бойцов, которые попадут им в руки. Поэтому большинство пехотинцев боялось жестокой кары, если они окажутся пойманными вместе со столь известным снайпером. У меня на душе стало скверно, и я уже собрался продолжить движение своим путем, но тут штабной сержант, наконец, топнул ногой и прекратил спор, сказав, что я могу пойти с ними. Однако мне всегда приходилось находиться в хвосте отряда, чтобы прикрывать его тыл. Я полз в одиночестве позади артиллеристов в течение четырех дней, стараясь как можно меньше напоминать им о своем существовании.

Ощущая себя в безопасности в такой большой группе, пехотинцы двигались преимущественно в дневное, нежели в ночное время. На четвертый день мы нашли мертвого чеха. Кровь на его груди еще не успела высохнуть. Следовательно, он умер незадолго до нашего появления. Стоя над ним, озадаченные и нерешительные бойцы обсуждали, что могло случиться. Вдруг чех открыл глаза. Его грудь приподнялась, из его рта с хрипом вышло несколько сгустков крови. В тот же миг чех принял сидячее положение, схватил MP40, лежавший рядом с ним, и нажал на спусковой крючок. Немецкие стрелки разбежались кто куда и прыгнули в траву. Пули просвистели высоко над их головами и не причинили вреда никому из них. Через считаные секунды чех снова рухнул на траву, на этот раз окончательно мертвый, разряжая в небо остатки магазина своего пистолета-пулемета. Теперь стрелки были настороже, поскольку было маловероятно, чтобы этот партизан был сам по себе.

Тут вдруг нас окликнули голоса еще троих немецких пехотинцев, находившихся в пятидесяти метрах от нас:

— Не стреляйте, друзья! Мы стрелки из 144-го полка 3-й горнострелковой дивизии.

Я опознал в них солдат из штаба полка. Один из них был полковым фотографом, другой официальным военным художником, а третий — писарем по фамилии Шмидт, которого все называли «Шмидти» из-за его маленького роста. Но особенно хорошо я знал фотографа, который вел фотохронику многих моих заданий. Все трое из них не боялись находиться вместе со мной, в чьей компании они ощущали уверенность в своей безопасности. Я же был счастлив расстаться с не благоволившими ко мне артиллеристами. И четверо товарищей решили продолжить путь отдельно от основного отряда. Поскольку у фотографа и Шмидти

у обоих были компасы, я обменял свой на половину банки тушенки артиллеристу по фамилии Тирмайер. После инцидента с умирающим чехом все они спешили, как можно скорее покинуть это место. На прощание фотограф сделал общую фотографию, и, пожелав друг другу удачи, две группы разошлись. Артиллеристы продолжили двигаться при свете дня, в то время как я подыскал безопасное место, где я и трое моих новых компаньонов могли бы спрятаться до наступления ночи.

Не прошло и пятнадцати минут, как мы услышали звуки ожесточенной перестрелки, разгоревшейся где-то поблизости. Я решил разведать ситуацию и осторожно пополз по подлеску в направлении звуков стрельбы. Преодолев около километра пути, я увидел артиллеристов, вовлеченных в жестокую перестрелку с чешскими партизанами. Семеро из немецких солдат лежали на земле и, очевидно, были мертвы. Положение остальных выглядело безнадежным. Я не видел ни единой возможности, как бы я и трое товарищей могли помочь в сложившейся ситуации. Ввязавшись в бой, мы бы только стали напрасно рисковать своими жизнями. Поэтому я вернулся в укрытие к товарищам. Обсудив увиденное мною, мы решили подыскать себе другое укрытие и поползли прочь.

В течение четырех последующих дней мы шли ночами и прятались в дневное время, неизменно двигаясь на северо-запад. Мы обходили дома и деревни, а также старались избегать открытых дорог и троп. Но у нас была одна проблема: художник был ранен в правую руку в перестрелке с чешскими партизанами, случившейся еще до появления с ними меня. А поскольку мы не имели возможности должным образом обработать рану, она воспалилась. Бойца охватывала слабая лихорадка, через несколько дней его рана начала гнить и ужасно вонять. Когда группе по пути попадалась вода, мы пытались промыть рану и выстирать повязку перед тем, как наложить ее снова. Также у нас совершенно не осталось еды, но мы продолжали двигаться, жуя березовые листья, щавель и листья одуванчиков, а также пили воду, подслащенную таблетками сахарина, небольшой запас которых остался у Шмидти.

На рассвете пятнадцатого дня нашего движения домой мы стали искать укрытие на берегу небольшой чистой речки. Едва успев промыть рану своего товарища, мы услышали рев моторов нескольких машин. Я оставил друзей, чтобы разобраться, что это за машины. Преодолев около пятисот метров, я вышел к дороге как раз вовремя, чтобы увидеть четыре грузовика фирмы «Мерседес» со знаками СС на бортах. В их кузовах сидели безоружные немецкие пехотинцы. Инстинктивно я рванулся

назад, в скрывавшие меня заросли. Я предположил, что мы, должно быть, оказались на территории, по-прежнему удерживаемой фанатичными эсэсовцами, не считавшими, что война окончена, и по-прежнему хватавшими спасавшихся бегством пехотинцев, чтобы подвергнуть их своему бескомпромиссному суду за дезертирство.

С наступлением сумерек мы покинули укрытие и осторожно продолжили свой путь. По нашим подсчетам, мы уже должны были находиться рядом с территорией рейха. Когда мы выступали, я подсчитал, что нужно пройти около 250 километров. Учитывая изнуренное состояние, когда за время ночных маршей нам удавалось в лучшем случае пройти 15 километров, согласно моим подсчетам, границы мы могли достичь суток за двадцать.

Через час мы вышли к мирной ферме. Во дворе ее находилась женщина, которая приводила в порядок свои сельскохозяйственные инструменты. Пока остальные прятались в траве, фотограф вышел вперед и заговорил с фермершей. Через несколько секунд он возбужденно замахал руками, подзывая своих товарищей:

— Мы сделали это, ребята, мы почти дома! Мы уже продвинулись на двадцать километров в глубь Австрии! Страну уже заняли янки, но иваны достаточно далеко, чтобы поцеловать наши задницы!

Женщина радушно встретила нас и пригласила в дом. Там она поставила нам на стол еду и позаботилась о раненой руке фотографа. Кроме картофеля и первых весенних овощей, выросших у нее на огороде, она наливала нам свежий йогурт и свежий яблочный сок. После прежних лишений эти напитки казались божественным нектаром. Ощущая себя в безопасности, мы ели, пока нам не начало казаться, что наши животы лопнут.

Как сотни тысяч матерей, эта фермерша заплатила за кровавую бойню, развязанную гитлеровской идеологией, жизнями двоих своих сыновей. Когда она доставала одежду своих детей, чтобы я и мои товарищи могли переодеться в нее, по щекам женщины беззвучно текли слезы. Мы взяли одежду с крайней благодарностью. Затем вымылись и легли спать в настоящие кровати, впервые за многие месяцы, бывшие на нашей памяти.

После завтрака, к которому фермерша снова поставила на стол йогурт и яблочный сок, она показала нужную нам дорогу к следующей деревне. И мы ушли, тепло поблагодарив ее при прощании. Она махала нам вслед, с трудом сдерживая нахлынувшие на нее эмоции. Вероятно, она снова и снова задавала себе вопрос, почему ее сыновья не могут оказаться в числе солдат, которые возвращаются домой.

Отдохнувшие и хорошо накормленные, мы были полны энтузиазма. Воодушевленные, мы маршировали при свете дня по открытой дороге. Мы закопали свое оружие на краю поля, надеясь, что если американцы захватят нас безоружными, то не станут обращаться с нами жестоко. Мы обменивались шутками и болтали о том, что будем делать, вернувшись к мирной жизни. Шмидти вдруг сказал:

— Ребята, подождите секунду. Сейчас раздадутся фанфары в честь нашего возвращения домой. Моя задница разорвется, если я не выпущу газы!

Тут его лицо стало выглядеть сосредоточенным, но вместе с газами Шмидти невольно выпустил и часть содержимого своего кишечника. Его лицо скривилось от отвращения, и из его штанов завоняло. Его пищеварительная система явно не приняла такие нововведения, как йогурт и яблочный сок. Мы едва удерживались на ногах от смеха, глядя, как он запрыгал в своих грязных штанах. Однако случившийся с ним конфуз стал хорошим уроком для остальных, которые теперь сдерживали свои позывы к выпусканию газов. После этого наш марш то и дело прерывался в течение дня, когда один за другим мы были вынуждены бежать в кусты. Однако пронырливость Шмидти спасла его от путешествия в грязных трусах, поскольку за время предыдущей части нашего пути он ухитрился раздобыть несколько пар шелковых панталон, которые собирался, вернувшись домой, подарить своей невесте. Выстирав в ручье собственные трусы и выкрутив их, он решил как раз надеть одни из панталон. Фотограф сказал:

— Не садись рядом со мной, когда захочешь посрать, пока на тебе это надето. Если я увижу твою задницу рядом с этим сексуальным бельем, я могу потерять над собой контроль!

Все четверо разразились хохотом.

Ко второй половине дня мы достигли небольшой деревеньки, которую описала нам фермерша. Идя по главной дороге и весело болтая, мы вдруг застыли как вкопанные, увидев картину перед собой. Менее чем в пятидесяти метрах перед нами американские солдаты стояли вокруг огромной толпы захваченных ими немецких пехотинцев. Короткого мгновения, на которое я и мои товарищи застыли, решая, спасаться ли бегством или сдаться, хватило, чтобы один из американских солдат заметил нас. Выхватив оружие, которое выглядело как самозарядная снайперская винтовка, он нацелил ее на нас и заорал:

— Руки вверх, ребята! Не двигаться. Война кончилась, немцы. Ваш ублюдок Гитлер сдох. Ваш рейхсфюрер вам больше не поможет. Идите сюда. Держите руки поднятыми и двигайтесь медленно.

Хотя мы сразу разобрали только отдельные фразы, такие как: «руки вверх», «Гитлер» и «рейхсфюрер», по тому, как дернулась нижняя губа американца, я гораздо лучше понял значение его слов. Американский солдат мог перестрелять нас за несколько секунд. «Вот как закончилась война для меня», — подумал я. Осторожно подняв руки, мы подошли к американцам. Пока нас обыскивали, ища оружие, я окинул опытным взглядом американскую снайперскую винтовку. Она выглядела сделанной по последнему слову техники достаточно прочной, но я был удивлен, что ее оптический прицел крепился справа.

Другой американский солдат подтолкнул нас к остальным пленным:

— Сидите там и ждите лучших времен, — сказал он, цинично улыбнувшись. — Я думаю, вам предстоят долгие каникулы в России.

Значение его слов вдруг поразило нас. Военный художник шепнул:

— Проклятие, они собираются сдать нас иванам. Нам нужно смываться, иначе так и будет.

В это мгновение на дороге появился американский джип и два эсэсовских грузовика марки «Мерседес», за рулем которых сидели солдаты СС. Машины остановились перед пленными. Нас, оказавшихся ближе других к грузовикам, тут же загнали в их кузова. Машины двинулись в обратный путь.

— Счастливого пути, прославленные арийские герои! — закричал нам вслед один из американских солдат.

Я вдруг вспомнил эсэсовские грузовики, которые видел двумя днями ранее. Теперь стало ясно: они везли пленных к русским.

Я огляделся по сторонам. Американцы, караулившие нас, были достаточно беспечны и не слишком внимательно следили за пленными, поскольку большинство последних были крайне изнурены и покорно ждали своей участи. Они явно не знали, что будут переданы русским. Позади меня и моих компаньонов была доходившая нам по пояс стена, за которой шел заросший кустами откос. Под ним была узкая долина, за которой начинался густой лес, который мог стать идеальным укрытием для беглецов. Осторожно перешептываясь, мы решили, что должны сбежать прежде, чем прибудут следующие транспортные грузовики. Однако в то время как я, художник и фотограф были решительно настроены осуществить это рискованное предприятие, Шмидти колебался. Ему не верилось, что нас действительно передадут русским. Но все-таки мы сошлись на том, что должны бежать: раненый художник первым, за ним фотограф, за ним Шмидти, а последним я.

Адреналин ударил нам в кровь, и сердца забились быстрее. В который раз мы должны были рисковать своими жизнями, чтобы спастись. Когда показались три новых грузовика, мы воспользовались этим отвлекающим моментом, чтобы осуществить задуманное. Художник и фотограф исчезли за стеной незамеченными. Но когда я позвал Шмидти перепрыгнуть через нее, тот отказался:

— Черт, я подожду. Я не хочу больше рисковать своей задницей. Янки не могут сдать нас иванам.

Все мои попытки урезонить его потерпели неудачу. Грузовики приближались, пора было бежать. Для этого оставались считаные секунды.

— Ну и оставайся здесь, домохозяйка! — зашипел я на писаря. — Мы будем ждать тебя полчаса на краю леса.

Я перепрыгнул через стену как раз тогда, когда завизжали тормоза грузовиков. Через несколько минут я соединился с двумя другими своими товарищами, добравшимися до леса. Втроем мы прождали полчаса, но Шмидти так и не появился. Ему предстояло вернуться на родину только шесть лет спустя, после работ в свинцовых шахтах Караганды. Шмидти вернулся оттуда больным и сломленным человеком.

Я и мои компаньоны направились на запад. Мы по-прежнему двигались в дневное время, но при этом делали все, чтобы не наткнуться на американские патрули. Как-то раз нам довелось идти в обход небольшой деревеньки. Сделав большой крюк, мы вдруг были атакованы людьми, худыми, как скелеты, на которых были лишь обрывки одежды. Между ними и нами завязалась жестокая драка. Но, к счастью, нападавшие были столь слабы, что мы смогли отбиться от них, не получив серьезных ран, стоя спиной к спине и нанося удары кулаками по истощенным телам и лицам. Правда, в этом «рукопашном бою» мы потеряли большую часть своей поклажи, которую атаковавшим все-таки удалось сорвать с нас. Странное нападение закончилось так же внезапно, как и началось. Словно злые духи, люди, похожие на скелеты, исчезли в кустарниках. С трудом переводя дух, мы стояли озадаченные, ища разгадку этого странного происшествия. В итоге мы сошлись на том, что это, должно быть, были вырвавшиеся на свободу обитатели психиатрической лечебницы. Только через несколько месяцев я узнал, что мы столкнулись с бывшими узниками немецкого концентрационного лагеря, которые сбежали от охранников и занимались грабежом в окрестностях. Случайно услышав об этом, я ощутил странную смесь вины и убежденности, что я и мои товарищи все равно должны были защищать себя.

На следующий день после нападения мы достигли города Линц, который был буквально наводнен беженцами. Там мы сумели пристроиться в кузов переполненного грузовика «Опель Блиц», но после того, как мы отъехали от города на несколько километров, наше путешествие вдруг закончилось на американском дорожном контрольно-пропускном пункте.

Все, кто находился в грузовике, были выстроены вдоль дороги и подверглись обыску, на этот раз крайне тщательному. Американцы забрали все, что приглянулось им в качестве сувениров. По приказу раздраженного сержанта, все мужчины оголили свою грудь, чтобы американские солдаты могли проверить, нет ли у них татуировки под мышкой, которая наносилась эсэсовцам[17].

После этого мы должны были ждать, сидя на краю дороги. До конца дня все мужчины призывного возраста, двигавшиеся по этой дороге, останавливались и обыскивались. После чего им приказывали присоединиться к остальным дожидавшимся своей участи. Вечером всем задержанным, которых теперь было уже более сотни, приказали залезать в грузовики, которые повезли нас обратно на железнодорожную станцию в Линце. Там нас затолкали в вагоны для перевозки скота. В ту же ночь мы были доставлены в фильтрационный лагерь под Мауэркирхеном. Десятки тысяч бывших солдат Вермахта были собраны там под открытым небом. Но американцы вскоре осознали, что не смогут обеспечивать питанием такую огромную массу людей. Поэтому всего два дня спустя они начали отпускать раненых, которые могли идти. В этой неразберихе я и фотограф, утверждавший, что мы все трое из одной деревни, были отпущены вместе с раненым художником, чтобы мы могли оказывать ему помощь в пути.

Из Мауэркирхена нас на грузовике довезли до Гармиш-Партенкирхена и высадили на железнодорожной станции. Мы были свободны! Мы снова могли сами распоряжаться собственными жизнями, даже если еще не до конца это осознавали. Нашей первой задачей было поместить художника в госпиталь. Сделав это, мы собрались отправляться домой. Мы увидели, как от станции отходил переполненный поезд: люди сидели даже на крышах вагонов и стояли на подножках. Я вглядывался в состав, не веря своим глазам. На крыше последнего вагона сидел Викинг! Он тоже потерял дар речи. Мы узнали друг друга абсолютно одновременно. Викинг помахал мне и, приложив правую руку к своей кепке (на которой, что удивительно, по-прежнему красовалась кокарда с эдельвейсом), в последний раз по-военному поприветствовал меня. Инстинктивно я сделал то же самое и продолжал смотреть на поезд, пока тот не исчез из поля

зрения. Мне больше никогда не было суждено встретиться с Викингом, но я не позабыл его.

Через несколько часов я стоял около родительского дома в небольшой деревеньке под Миттенваль-дом. Все дома вокруг выглядели настолько тихими и спокойными, что, казалось, они проспали всю войну. Было 5 июня 1945 года. Йозеф Оллерберг прошел через ад и уцелел, оставшись практически невредимым. Невредимым в физическом плане. Но мое сердце стало израненным и огрубевшим. Пережитая мной война навсегда осталась со мной.

Эпилог

За горами забрезжили первые лучи рассвета. Я пришел в себя от тяжелых воспоминаний и вдруг осознал, что сжимаю указательный палец своей правой руки. Тот самый палец, который принес смерть такому огромному количеству врагов. Я стал задавать себе вопросы, которые задавал много раз прежде. Было ли правильным делать то, что сделал я? Был ли у меня какой-то другой выбор в тех обстоятельствах? Была ли какая-нибудь разница между моей собственной борьбой за выживание и такой же борьбой со стороны убитых мною врагов, которые оказались в такой же ситуации и подчинялись тем же беспощадным законам войны? Это были вопросы, на которые младшему капралу никогда не суждено найти ответов. У рядовых пехотинцев не было выбора. Им оставалось только либо сражаться, либо погибнуть.

Я вдруг почувствовал прохладу утреннего воздуха. Я вернулся в свою постель и решил попробовать хоть ненадолго заснуть. Я лежал, а в моей голове крутились стихи, написанные кем-то из моих безызвестных товарищей на обратной стороне листка с донесением:

«У этих бойцов на форме
Черный орел с желтым клювом,
У этих бойцов на лицах
Морщины лет в двадцать неполных.
Но эти бойцы не из тех,
Кто распускает слюни.
Пожимая друг другу руки,
Они остаются безмолвны.
Вернувшись с войны, другие
За чаркой хмельною станут
Рассказывать, привирая,
Как бились с противником злым.
Но тот, кто с винтовкой снайперской
Свой долг выполнял неустанно,
Не скажет и лучшему другу
О том, что навеки с ним.
У этих бойцов на форме
Черный орел с клювом желтым.
Их не страшит Судный день.
Судный день свой они пережили.
Они видели ад на Земле,
Дыханьем войны обожженной.

Они просто служили Родине —
Как могли, как их научили».

notes

1

Один из самых массовых видов германского стрелкового оружия, состоявший на вооружении практически всех частей Вермахта в годы войны. — Прим. пер.

2

Этот знак в армии Вермахта существовал в трех степенях: черный — за одно ранение; серебряный — за несколько ранений; золотой — за пять и более ранений, а также за ранение, которое привело к полной недееспособности или утрате мужского достоинства. — Прим. пер.

3

Обращение, принятое среди солдат Вермахта — Manner. — Прим. ред.

4

В годы Второй мировой войны этот наркотик использовался войсками Вермахта в качестве штатного психостимулятора. — Прим. пер.

5

Так расово-грамотный автор именует красноармейцев среднеазиатских национальностей. Правдивость истории о зверствах монголов целиком на совести автора (ред.).

6

Рыцарский Крест Железного креста являлся высшей степенью военного ордена Железного креста. Введен 1 сентября 1939 г. с восстановлением ордена Железного креста. Носился на шее на ленте. Имел пять степеней. Самым распространенным был собственно Рыцарский крест. Следующей степенью был Рыцарский крест с дубовыми листьями, введенный 3 июня 1940 г. А высшей степенью ордена стал учрежденный 29 декабря 1944 г. Рыцарский крест с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, которым был награжден только один человек - полковник Ганс-Ульрих Рудель, самый знаменитый и результативный пилот пикирующего бомбардировщика Ю-87 «Штука», за годы войны уничтоживший более пятисот танков, два крейсера, один эсминец и др. боевую технику противника. — Прим. пер.

7

Река в Молдавии и Украине, впадающая в Кучурганский лиман. — Прим. пер.

8

Согласно данным советских исследователей, Бакалово было занято войсками Красной Армии 4 апреля 1944 г. Более подробно об этом с точки зрения другой воевавшей стороны можно прочитать, в частности, в мемуарах начальника штаба 37-й советской армии: Блажей А. К. В армейском штабе. - М.: Военное издательство, 1967. — Прим. пер.

9

Во второй половине июля 1940 г. в Берлине вышел приказ, в котором говорилось о создании борделей для Вермахта. Одновременно был издан приказ, запрещавший солдатам половые контакты с уличными проститутками на оккупированной территории. Одной из основных причин этого было воспрепятствование распространению венерических заболеваний. Проститутки, работавшие в борделях Вермахта, регулярно проходили медицинское обследование. К сексуальному обслуживанию своих бойцов на Восточном фронте немецкие власти отнеслись с особой серьезностью. Так, в дневнике генерала Гальдера, возглавлявшего в начале войны Генеральный штаб сухопутных войск Германии, присутствует такая запись: «23 июля. Пока все идет согласно плану. Текущие вопросы, требующие немедленного решения: 1. Лагеря для военнопленных переполнены. Надо увеличить конвойные части. 2. Танкисты требуют новые моторы, но склады пусты. Нужно выделить из резерва. 3. Войска двигаются быстро. Публичные дома не успевают за частями. Начальникам тыловых подразделений снабдить бордели трофейным транспортом».

Отбор кандидатур «жриц любви» для полевых борделей в первые годы войны был довольно строгим. Прежде всего их внешность должна была соответствовать критериям арийского облика. Все немки, поступавшие на такую работу, числились служащими военного ведомства и получали жалованье, страховку, а также имели льготы. — Прим. пер.

10

Хейерман (Heiermann) — обозначение монеты достоинством в пять марок, появившееся в северогерманской речи в начале XX века. Иногда, но крайне редко, может употребляться в немецкой речи и сегодня для обозначения монеты достоинством в пять евро. Среди ученых существуют различные версии происхождения данного слова. Но наиболее вероятным представляется его образование традиционным для немецкого языка сложением слов — от измененного написания слова «Неиег» и слова «Мапп». «Заработная плата судовой команды» — одно из значений первого слова, а «Мапп» может переводиться с немецкого не только как «человек, мужчина», но и как «матрос». Заработная плата матроса в Германии в начале XX столетия составляла как раз пять марок. — Прим. пер.

11

Вестфалия — историческая область на северо-западе Германии. В настоящее время вместе с бывшей землей Липпе образует восточную часть федеральной земли Северный Рейн — Вестфалия; включает в себя округа Мюнстер, Детмольд и Арнсберг. — Прим. пер.

12

А русские солдаты — «катюшей»! — Прим. пер.

13

Так назывался 12-й отдел Генштаба Вермахта, занимавшийся армейской разведкой в отношении Красной Армии. — Прим. пер.

14

Речь идет о разведывательном автомобиле-амфибии VW-166 «Schwimmwagen» (дословно с немецкого: «плавающий автомобиль»), который был разработан Вермахтом для замены не слишком эффективных на Восточном фронте мотоциклов с коляской. Несмотря на обтекаемый корпус, из-за недостаточной мощности двигателя скорость движения данного автомобиля по воде не превышала 10 км/ч, зато проходимость машины на суше была выше всяческих похвал, что, прежде всего, объяснялось наличием привода на все четыре колеса и независимой подвески колес. Автомобиль массово выпускался до 1944 г. — Прим. пер.

15

Город в восточной части Чехии в центре исторического региона Моравия. — Прим. пер.

16

Перед тем, как покончить с собой, Гитлер назначил Деница президентом рейха, главнокомандующим вооруженными силами и военным министром, о чем последнему сообщил телеграммой Мартин Борман. Будучи уверенным, что Гитлер жив, Дениц, принимая назначение, отослал ответную телеграмму: «Мой фюрер! Моя преданность вам беспредельна. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прийти вам на помощь в Берлин. Если, однако, судьба повелевает мне возглавить рейх в качестве назначенного вами преемника, я пойду этим путем до конца, стремясь быть достойным непревзойденной героической борьбы немецкого народа. Гросс-адмирал Дениц». Дениц оказался единственным подсудимым Нюрнбергского трибунала, которому назначили не виселицу, как остальным, а лишь 10 лет тюрьмы. Что самое удивительное, в год его смерти (1981) английская газета «Таймс» опубликовала некролог на половину газетной полосы. — Прим. пер.

17

Размещение татуировки СС в данном месте связано с тем, что подмышечные области — единственные, где кожа не сгорает и сохраняется даже у обожженного трупа. Кроме того, такое расположение наколки позволяло быть практически уверенным, что она сохранится, даже если солдат потеряет руки и ноги. Татуировка наносилась на внутреннюю (тыльную) сторону левой руки, на 20 см выше локтя, ее длина была 7 мм. На ней указывалась группа крови, при этом наколка существовала в двух вариантах — готическом и латинском. К концу войны она наносилась только латинским шрифтом. Высший командный состав войск СС таких татуировок, как правило, не имел. Не наносились эти наколки также солдатам частей, подпадавших под юрисдикцию войск СС, но не являвшихся непосредственно эсэсовскими (например, солдатам Сербского Добровольческого Корпуса, 15-го казачьего кавалерийского корпуса). Однако при попадании в госпиталь и этим солдатам делалась татуировка. Тем не менее в неразберихе последних дней войны многие новоиспеченные эсэсовцы также не имели татуировок. При этом татуировки, как правило, исправно наносились тем немецким военнопленным, которые соглашались покинуть концлагерь и встать на защиту умирающей гитлеровской Германии в рядах СС. — Прим. пер.